30 4/19

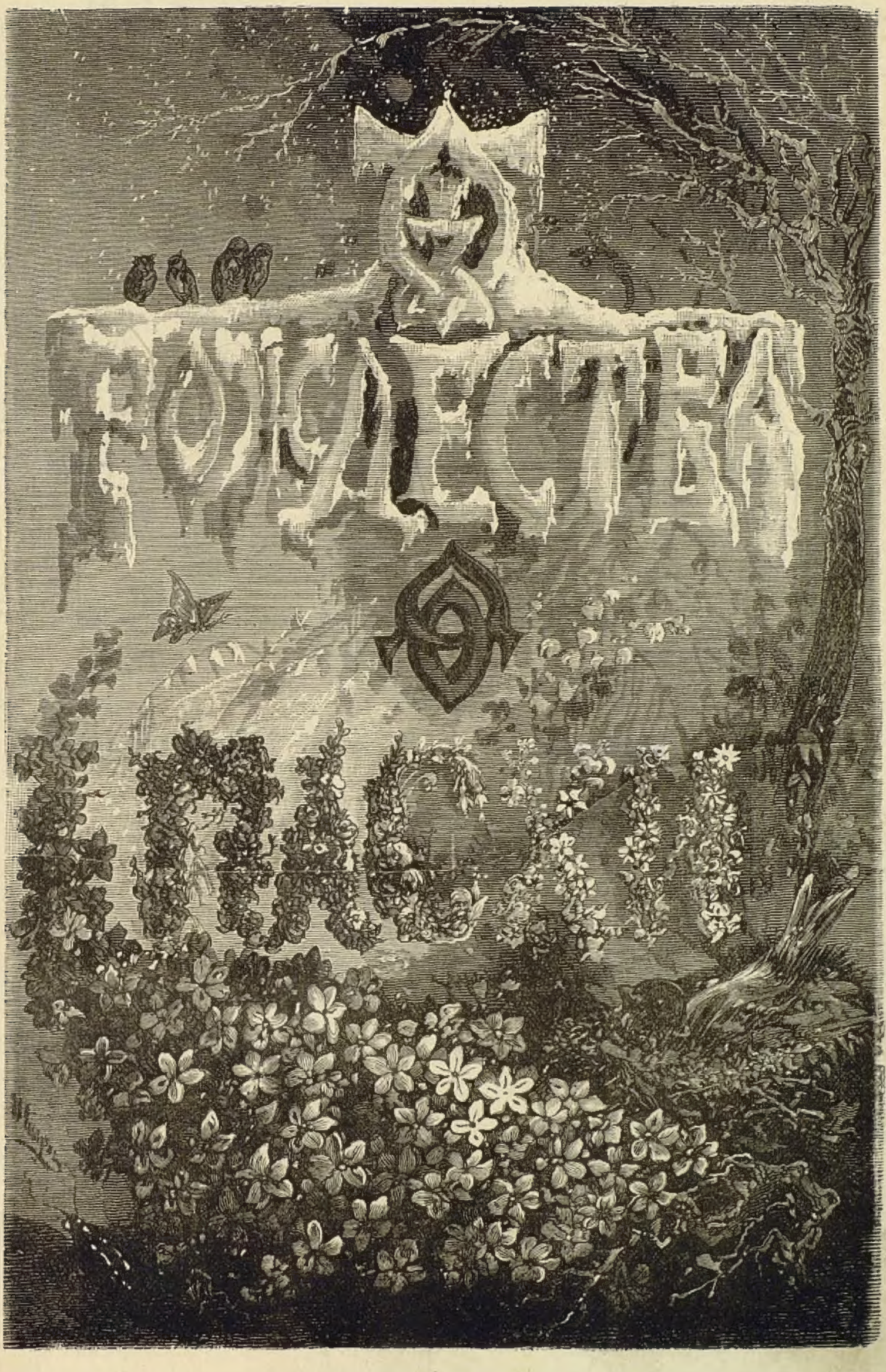
P369 I

POETRY

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

НА РОЖДЕСТВО

1879


FOLIETA

Дозволено цензурою. С.-Петерб. 15 Декабря 1879.

4384-05

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени В. И. Ленина

30 4/19

естьА 119/426 в.1-2 ФБ

ОТЪ РОЖДЕСТВА ДО ПАСХИ

ВЫПУСКЪ I

НА

РОЖДЕСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Книжнаго Магазина М. И. ПОПОВА
2 — малая садовая — 2
1879

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля
12 — стремянная — 12.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
4384-05

2005096547

ПИСЬМО КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Подъ такимъ заглавіемъ предисловіе наше, можетъ быть, прочтется. Своеобразность сборника и самое его содержаніе вызываютъ объясненія. Мы просимъ прежде всего обратить вниманіе на общее оглавленіе, которое прилагается къ каждому выпуску.

Это—одна книга или, вѣрнѣе, первый томъ настольной книги *на круглый годъ*. Выпусками издается томъ этотъ для удобства покупателей. Выпуски, въ свою очередь, составляютъ нѣчто цѣлое, которое имѣетъ тѣсную связь съ общею мыслью сборника по характеру и по расположенію статей. Выборъ статей, пріуроченныхъ ко времени, прямо указываетъ на ихъ значеніе въ общемъ планѣ изданія.

Въ истекающемъ году мы выпустимъ два выпуска и въ началѣ будущаго еще три, которые уже окончены.

Когда удастся приступить къ изданію втораго тома—это еще вопросъ, который заставилъ насъ теперь-же начать дѣло, чтобы готовый матеріалъ, смѣемъ думать, весьма полезный для тѣхъ, кому онъ назначается, не лежалъ даромъ. Чувствуемъ, что многое можно бы было почерпнуть изъ лучшихъ источниковъ, многое слѣдовало бы больше переработать; но провинція, гдѣ мы въ настоя-

щее время находимся, не даетъ для этого всего, что необходимо. И достоинство и недостатокъ книги заключаются прежде всего въ томъ, что она *сдѣлана*, если можно такъ выразиться.

Это не случайно полученныя статьи, связанныя подвернувшимся подъ руку названіемъ сборника, а довольно правильный подборъ по задуманному плану. Большинство статей нарочно написано или составлено для этой цѣли, причемъ иногда изъ трехъ, сколько-нибудь подходящихъ, приходилось довольствоваться слабѣйшей, потому только, что она отвѣчала общему характеру книги.

Мысль о такомъ изданіи существовала давно, и только сложность задачи и самая форма изданія, неговоря уже о рискѣ затраты, останавливали многихъ отъ неблагодарнаго труда.

Сложность работы, быть можетъ, оправдаетъ нѣкоторые наши погрѣшности и пробѣлы, отъ которыхъ, при выпускѣ втораго тома, повторяемъ, если удастся, мы постараемся отдѣлаться.

Этотъ, пока еще гадательный, второй томъ можетъ имѣть по плану слѣдующую характеристику: май — весна, іюнь — каникулы, іюль — лѣто, августъ — передъ ученіемъ, сентябрь—осень, октябрь—посреди занятій и наконецъ ноябрь—зима.

И второй томъ, какъ можно заключить изъ перваго, долженъ имѣть въ основѣ русскую природу и русскую жизнь.

В. М.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

стран.

Письмо къ читателямъ.

Святцы на декабрь 1

Календарь съ біографіями на декабрь 3

Вечеръ на рождество. Стих. Я. Грота. 47

Одинокая жизнь. Рождественскій разсказъ. П. Иванова 51

Соборы: Казанскій, Исаакіевскій и храмъ Спасителя въ Москвѣ 81

Карлъ Павловичъ Брюловъ. Біографія 97

Тоннели и каналы 106

Декабрь.

Числа.	
1	Прр. Наума (600 до Р. Х.), Ананіи персяпина, прв. Филарета милостиваго (796)
2	Прр. Аввакума (460 до Хр.), Іоанна, Праклемона, Андрея, Өеофила, мц. Миронія, п. Аөанасія печерск. (1176), п. Ісе епископа цилканскаго (гр. ц.).
3	Прр. Софоніи (около 640 до Хр.), свм. Өеодора александрійскаго (609), пп. Өеодула, Іоанна молчальника, Саввы звенигородскаго (1407). — Пахромской ик. БМ. (1472).
4	Вмц. Варвары (IV), мц. Іуліаніи, п. Іоанна Дамаскина (780), п. Іоанна епископа поливаускаго.—Дамаскинской ик. БМ
† 5	**П. Саввы освящ.** (532), м. Анастасія, п. Каріона, Захаріи, Гурія еп. казанск. (1563).
✠ 6	**Святителя Николая Мѵръ линійскихъ чудотворца** (341)
7	Свт. Амвросія медіоланскаго (397), п. Аөинодора, пп. Павла, Іоанна, Антонія сійскаго (1556), Нила столобенскаго (1555). — Селигерской иконы Бож. Мат.
8	П. Патапія, 362 мучениковъ африканскихъ, п. Анөусы, апп. Сосөена, Аполлоса, Тихика, Епафродита, Кесарія и Онисифора.
9	**Зачатіе Св. Анны**, прц. Анны, пп. Стефана, Софронія арх. кипрскаго.
• 10	Мм. Мины, Ермогена и Евграфа, Гемелла, п. Өомы.
11	Пп. Даніила и Луки столп., мм. Акепсія, Анфисы, Миракса, п. Никона сухаго печерск. (XII).
12	Свт. Спиридона, свм. Александра, м. Разумника, п. Өерапонта мезенскаго (1591).
13	Мм. Евстратія, Авксентія, Евгенія, Мардарія, Ореста, мц. Лукіи, п. Арсенія.
14	Мм. Онрса, Левкія, Каллиника. Филимона, Аріана, Өеотиха и 3-хъ. Геннадія новг.
15	Свм. Елевөерія и мц. Анөіи, пп. Павла, Парда о. Стефана суражск., п. Трифона (1583).

Числа.	
16	Прр. Агея, м. Марина, блж. Θеофанiи царицы.
17	Прр. Данiила и отрок. Ананiи, Азарiи, Мисаила (600 до Хр.), п. Данiила исповѣдника.
18	Мм. Севастiана, Никострата, Зои, Касторiя, Трапкvиллина, Маркеллина, Марка, Клавдiя, пп. Флора, Михаила, Модеста архiепископа iерусалимскаго.
19	Мм. Вонифатiя, Вонифатiя милостиваго, мм. Илiи, Прова, Ариса, мм. Полiевкта, Тимоѳея, Григорiя архiепископа омеритскаго.—Илiи муромца (xi).
20	Свм. Игнатiя богон. (106), Филогонiя.—Новг. и Поводв. ик. БМ. (въ Сураже xiii).
† 21	Мц. Iулiанiи и др., м. Ѳемистоклея, Петра митр. моск. (1326), п. Прокопiя юрод. (1628).
22	Вмц. Анастасiи узорѣшительницы, мм. Хрисогона, Ѳеодосiи, Евода, Евтихiана и др.
23	10-ти м. критскихъ: Ѳеодула, Саторнина, Геласiя, Зотика, Помпiя, Евареста и др., п. Павла, Нифонта, Ѳеоктиста арх. новгор. (1310).
24	Пмц. Евгенiи, Василлы, Прота, Iоакинѳа, п. Николая.

Числа.	
✠ 25	**РОЖДЕСТВО ГОСПОДА НАШЕГО IИСУСА ХРИСТА.** *Воспоминанiе избавл. Россiи отъ нашествiя Французовъ.*
✠ 26	**Соборъ Пресвятой Богородицы.**—О. Евѳимiя еп. сардiйскаго, п. Евареста, п. Константина, прв. Iосифа, прр. Давида царя, ап. Iакова брата Господня.
† 27	Првм. **Стефана** архидiакона, им. испов. Ѳеодора начертаннаго, Ѳеодора патр. царегр.
28	М. 20 т. въ Никомидiи, м. Зинона, Дороѳея, Гликерiя, Ѳеофила, Петра, Мардонiя, Мигдонiя, Индиса, Горгонiя, мц. Агафiи, Домны, Ѳеофилы, Евѳимiи, ап. Никанора, п. Игнатiя волог.
29	14 тыс. младенц. въ Вѳлеемѣ избiен., п. Маркелла, Ѳаддея, Марка и Ѳеофила печерскихъ (1090).
30	Мц. Анисiи, п. Зотика, Магистрiана, Павлина, Вира, Севира, Каллистрата, Флорентiя, Аріана, Анѳимiя, Уврикiя, Исидора, Евкула, Самсона, Студiя, Ѳеспессiя, ап. Тимона, п. Ѳеодоры, м. Филетера.
31	П. Меланiи римлянынi.

ДЕКАБРЬ.

1 (13).

1765. — День рожденія Карамзина.
1792. — День кончины Фонъ-Визина.

Карамзинъ.

Карамзинъ Николай Михайловичъ, русскій историографъ, родился 1 декабря 1766 года въ Симбирской губерніи, въ родовомъ помѣстьи — селѣ Богородицкомъ. Отецъ Карамзина былъ человѣкъ небогатый, принадлежалъ къ среднему дворянству. Будущій историкъ получилъ первоначальное воспитаніе въ родительскомъ домѣ, безъ попеченій матери, которая умерла вскорѣ по его рожденіи.

Первый періодъ жизни и образованія Карамзина, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ. Изъ силъ, вліявшихъ въ этотъ періодъ на развитіе характера и личность Карамзина, первое мѣсто принадлежитъ самой природѣ, которая надѣлила его чувствительностью въ самой высокой степени. Эта чувствительность (сантиментальность), развившаяся въ немъ еще болѣе отъ ранняго чтенія романовъ, сдѣлалась преобладающею чертою въ характерѣ Ка-

рамзина. Она обнаружилась въ немъ съ дѣтства и не покидала его до самой смерти. Вся жизнь и дѣятельность его проникнуты этой чувствительностью, и только ею одною объясняются многія явленія, факты и даже противорѣчія въ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Карамзинъ ввелъ такъ называемый *сантиментализмъ* и въ русскую литературу и считается истиннымъ представителемъ его. Второй періодъ образованія Карамзина составляетъ пребываніе его и ученіе въ пансіонѣ Шадена, профессора философіи въ московскомъ университетѣ. Здѣсь онъ обучался иностраннымъ языкамъ, слушалъ уроки нравственной философіи отъ Шадена и посѣщалъ другія лекціи. По выходѣ изъ пансіона, Карамзинъ думалъ довершить свое образованіе заграницей (въ лейпцигскомъ университетѣ), но планъ этотъ почему-то не осуществился, и онъ, по тогдашнему обычаю дворянъ, поступилъ на службу въ гвардію. На службѣ онъ сошелся съ землякомъ своимъ—баснописцемъ Ив. Ив. Дмитріевымъ—и по его примѣру сталъ заниматься литературой, началъ переводить съ нѣмецкаго.

По смерти отца, Карамзинъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ для устройства дѣлъ по наслѣдству. Здѣсь онъ началъ вести разсѣянную и довольно веселую жизнь. Къ счастью находился тогда въ Симбирскѣ Ив. Тургеневъ, весьма умный и образованный человѣкъ. Онъ съ болью въ душѣ видѣлъ, какъ тратится напрасно время даровитымъ человѣкомъ, и сталъ уговаривать его поѣхать въ Москву. Ему удалось. Въ 1785 году они прибыли туда. Тамъ онъ вступилъ въ кружокъ Новикова, тогдашняго русскаго общественнаго дѣятеля. Тутъ-же онъ вовлеченъ былъ и въ масонство, изъ котораго однако-же скоро выдѣлился: мистицизмъ не пришелся ему по душѣ. Кругъ Новикова имѣлъ громадное вліяніе на Карамзина. Время пребыванія въ немъ можно считать третьимъ и чуть-ли не самымъ важнымъ періодомъ умственно-нравственнаго образованія Карамзина. Въ этомъ кружкѣ онъ сошелся съ А. Петровымъ, человѣкомъ образованнымъ и честнымъ. Вмѣстѣ съ Петровымъ Карамзинъ пришялся за изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. Въ теченіи пяти лѣтъ молодые лите-

раторы издали 20 частей „Дѣтскаго Чтенія“. Уже здѣсь Карамзинъ началъ открывать красоты русской рѣчи. Публика была въ восхищеніи отъ его слога. Въ 1788 году прекращается изданіе „Дѣтскаго Чтенія“, а въ 1789 году Карамзинъ осуществляетъ давно задуманный имъ планъ и является уже путешественникомъ по Европѣ. Онъ объѣхалъ всю Германію, Францію, Швейцарію и Англію. Плодомъ этого путешествія были его путевыя замѣтки, извѣстныя подъ заглавіемъ: „Письма русскаго путешественника“. Письма эти познакомили его соотечественниковъ съ западомъ съ русской точки зрѣнія, сообщили много интересныхъ свѣдѣній о европейскихъ знаменитостяхъ и, главное, показали образецъ неслыханнаго дотолѣ изящнаго языка. Въ отношеніи языка Карамзинъ, вообще говоря, оказалъ важную услугу русской литературѣ. Онъ, такъ сказать, пересоздалъ русскій языкъ и по справедливости названъ реформаторомъ его. Реформа же эта состояла въ слѣдующемъ: онъ во 1-хъ придерживался того взгляда, что нужно писать такъ, какъ говорятъ, и отрѣшился совершенно отъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя Ломоносовъ вынужденъ былъ поставить русскую рѣчь, и этимъ уже окончательно способствовалъ отдѣленію русскаго литературнаго языка отъ славянской рѣчи—книжной рѣчи; во 2-хъ онъ отстранилъ тяжелую латинонѣмецкую конструкцію и замѣнилъ ее болѣе легкими французскими и англійскими оборотами рѣчи; въ 3-хъ онъ вполнѣ удачно усвоилъ русскому языку много отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыя выраженія изъ иностранной литературной и русской народной рѣчи. Какъ и всякая реформа, карамзинская также встрѣтила сильный отпоръ: явилась цѣлая партія почитателей литературной старины, съ главою Шишковымъ, которая явно возстала противъ Карамзина и его нововведеній; но явились также и сторонники карамзинскаго слога и воззрѣній—и такимъ образомъ завязался литературный споръ о языкѣ. Самъ Карамзинъ не принималъ никакого участія въ этомъ спорѣ; онъ только прислушивался къ обѣимъ сторонамъ и пользовался дѣльными замѣчаніями. Возвратившись изъ Европы, Карамзинъ посвятилъ всю

остальную жизнь свою литературѣ и припялся за изданіе журналовъ; изъ нихъ замѣчателенъ „Московскій журналъ", въ которомъ помѣщались „Письма русскаго путешественника". Издавалъ онъ также много сборниковъ подъ различными заглавіями; но самый замѣчательный журналъ, который онъ издавалъ—это былъ „Вѣстникъ Европы". Этотъ журналъ замѣчателенъ по обширности программы его и по успѣху и вліянію, которое онъ оказалъ на русское общество. Замѣтно было, что Карамзинъ не довольствовался журнальною и издательскою дѣятельностью. Въ 1803 году, когда мысль о капитальномъ трудѣ, который служилъ бы великимъ памятникомъ этому громкому литературному имени, конечно уже занимала его, въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы" выказалось, на сколько онъ тяготился этою журнальною дѣятельностью, и послѣдующая его почти 25-тилѣтняя дѣятельность посвящена „Исторіи Россіи". Приступая къ этому труду, Карамзинъ обращается съ письмомъ къ М. Н. Муравьеву, товарищу министра, извѣстному покровителю просвѣщенія. Чрезъ мѣсяцъ послѣ отправленія письма Императоръ Александръ I. одобривъ мысль, приказалъ выдавать Карамзину ежегодно по 2,000 рублей ассигнаціями и открыть свободный доступъ въ архивы государства, по званію историографа.

Чрезъ семь лѣтъ, то-есть въ 1810 году, Карамзинъ сдѣлался лично извѣстнымъ императору Александру. Въ 1816 году Карамзинъ поднесъ императору первые 8 томовъ „Исторіи Государства Россійскаго", былъ награжденъ орденомъ и получилъ на изданіе его труда 60,000 рублей ассигнаціями. Съ того времени Карамзинъ жилъ въ Петербургѣ, продолжая свой трудъ. Въ 1823 году Карамзинъ претерпѣлъ сильную горячку, послѣ чего здоровье его стало разстраиваться, а безпрерывный трудъ расположилъ его къ изнурительной чахоткѣ, которая и открылась въ 1826 году. Карамзинъ надѣялся поправить свое здоровье путешествіемъ въ Италію. Государь, узнавъ объ этомъ, пожаловалъ ему на дорогу 500,000 рублей и повелѣлъ снарядить фрегатъ для отправленія его на югъ. Но Карамзинъ не дожилъ до этого сча-

стья и вскорѣ умеръ. Послѣдніе дни его были осчастливлены душевною радостью отъ письма, которое онъ получилъ лично отъ Государя Николая Павловича. Въ этомъ письмѣ *(рескриптѣ)* ясно видно было высокое благоволеніе и трогательное участіе къ нему Императора.

Карамзинъ скончался 22 мая 1826 года. Онъ погребенъ въ александро-невской лаврѣ. Двадцать лѣтъ спустя, ему воздвигнутъ былъ въ Симбирскѣ памятникъ.

ДЕКАБРЬ.

2 (14).

1718. — Первая (пробная) ассамблея.
1762. — Вызовъ колонистовъ въ Россію.
1799. — День кончины Вашингтона.

3 (15).

1649.—Уничтоженіе торговой монополіи англичанъ въ Россіи на табакъ.

4 (16).

1546. — День рожденія Тихо де-Браге.

ТИХО-ДЕ-БРАГЕ.

Тихо-де-Браге, датскій астрономъ XVI вѣка, родился 4 декабря 1546 года въ Сканіи, въ Кнудсторпѣ, и былъ потомокъ старинной дворянской фамиліи. Въ 1560 году онъ поступилъ въ копенгагенскій университетъ, гдѣ по желанію родныхъ занимался правовѣдѣніемъ и политическими науками. Солнечное затмѣніе 25 января 1560 года, наступившее именно въ то время, въ какое оно было предсказано учеными, и происходившее именно такъ, какъ его впередъ описывали астрономы, произвело на 13-лѣтняго Тихо-де-Браге очень сильное впечатлѣніе и заставило его заняться изученіемъ астрономіи. Такъ какъ его родные сильно противились его желанію сдѣлаться астрономомъ, то онъ только

украдкой могъ заниматься любимой наукой, покупая необходимыя книги и инструменты на свои карманныя деньги; но и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ онъ находилъ возможность производить любопытныя наблюденія. Возвратившись въ 1568 г. изъ путешествія по Европѣ, Тихо-де-Браге сдѣлался наслѣдникомъ значительнаго состоянія, съ этихъ поръ могъ безпрепятственно заниматься астрономіей и своими учеными трудами скоро сдѣлался извѣстенъ не только въ Даніи, но и въ Европѣ. Датскій король Фридрихъ II покровительствовалъ ему и, желая удержать его въ предѣлахъ своего королевства (Тихо-де-Браге намѣревался переселиться въ Базель), подарилъ ему островъ Веенъ на Зундѣ, построилъ тамъ для него замокъ Ураніенбургъ и назначилъ опредѣленное годовое содержаніе. Въ этотъ замокъ отовсюду стекались ученики къ знаменитому астроному; на устройство же Ураніенбурга и на пріобрѣтеніе лучшихъ астрономическихъ и математическихъ инструментовъ Тихо-де-Браге истратилъ не менѣе ста тысячъ талеровъ, что составляло значительную часть его состоянія. Въ царствованіе преемника Фридриха II, Христіана IV, онъ долженъ былъ удалиться въ Германію, вслѣдствіе происковъ своихъ враговъ, и германскій императоръ Рудольфъ принялъ его къ себѣ на службу. Онъ далъ ему замокъ Бенахъ, близъ Праги, гдѣ помощникомъ Тихо въ ученыхъ занятіяхъ былъ извѣстный ученый Кеплеръ. Здѣсь Тихо жилъ до смерти, послѣдовавшей 13 октября 1601 года.

Тихо-де-Браге усовершенствовалъ практическую астрономію; снаряды его были машины колоссальныхъ размѣровъ, и наблюденія, сдѣланныя имъ, точностью далеко превосходили всѣ предъидущія. Совершенно неизвѣстно, что заставило такого ученаго, каковъ былъ Тихо-де-Браге, не принимать планетной системы Коперника, а изобрѣсть свою, далеко худшую и скоро забытую.

Послѣ его смерти осталась драгоцѣнная коллекція астрономическихъ и другихъ инструментовъ и многочисленныя сочиненія по астрономіи на латинскомъ языкѣ.

ДЕКАБРЬ.

5 (17).

1770. — День рожденія Бетховена.

1835. — Открытіе училища Правовѣдѣнія въ С.-Петербургѣ.

Бетховенъ.

Людвигъ фанъ-Бетховенъ родился 17 декабря 1770 года, въ Боннѣ. Онъ имѣлъ много руководителей въ музыкѣ, но главнымъ учителемъ его, особенно контрапункту, былъ нѣкто сочинитель фугъ Альбрехтбергеръ. На развивающійся талантъ его Гайдпъ и Моцартъ имѣли значительное вліяніе: бо́льшая часть его сочиненій до героической симфоніи носятъ слѣды вліянія Моцарта — въ особенности 2 первыя симфоніи, патетическая соната, 6 первыхъ квартетовъ и нѣкоторыя другія вещи. Съ 1800 года, когда явились на свѣтъ 4-я—романтическая симфонія, 5-я и 6-я—пасторальная, 2 послѣдніе концерта, нѣсколько сонатъ и много другихъ вещей, слава его начала возростать; но онъ почувствовалъ начало глухоты, которая имѣла огромное вліяніе на его характеръ, сдѣлавши его раздражительнымъ, нетерпѣливымъ, что сильно и отразилось на его послѣднихъ произведеніяхъ. Въ 1805 году онъ, по просьбѣ друзей, занялся драматической музыкой, написалъ оперу Леопору, увертюры къ „Леонскимъ Развалинамъ“, къ „Коріолану“ и къ „Эгмонту“. Самыми замѣчательными произве-

деніями его, сочиненными послѣ упомянутыхъ, считаются героическая симфонія и ораторія „Cristus am Oelberg“ *), написанныя съ глубокимъ чувствомъ. Послѣ трехлѣтней работы онъ издалъ торжественную мессу ор. 123, которая и была исполнена въ Петербургѣ въ 1824 году —ранѣе даже, чѣмъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ въ то время находился.

Далѣе онъ пишетъ прелестныя сонаты ор. 101 и 102 для фортепіано, со скрипкою или віолончелью, потомъ сонаты ор. 106, 111 и 101 для одного фортепіано, въ которыхъ выражается уже его душевное страданіе и мистическое направленіе, уже совершенно овладѣваетъ имъ въ 8-й и 9-й симфоніяхъ и въ его торжественной мессѣ. Это были послѣдшія его работы. Въ 1827 году, послѣ тяжкой болѣзни, онъ умеръ. Все, что вышло изъ подъ его пера, дышетъ глубшою идей и величіемъ. Самыми замѣчательными его произведеніями можно назвать 5 концертовъ, 10 симфоній, 4 квартета, 7 тріо, 8 увертюръ и 32 сонаты для фортепіано: но есть много и другихъ прекрасныхъ пьесъ.

*) Іисусъ Христосъ на Масличной горѣ.

ДЕКАБРЬ.

6 (18).

1772.—Основаніе коммерческаго училища.

7 (19).

1835.—Первая желѣзная дорога—нѣмецкая (Нюренбергъ).

8 (20).

1741.—День кончины Беринга.
1796.—День кончины Румянцева.

Берингъ.

Берингъ (Veit Behring), открывшій проливъ между Азіей и Америкой, былъ родомъ изъ Ютландіи. Въ молодости онъ плавалъ въ Америку и въ Индію и въ 1704 году былъ принятъ Петромъ I на русскую службу, во флотъ. Въ концѣ своего царствованія Петръ Великій, по просьбѣ голландскихъ ученыхъ и французской академіи наукъ, задумалъ отправить морскую экспедицію для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкою? Еще въ XVII вѣкѣ сибирскій казакъ Семенъ Дежневъ объѣхалъ Чукотскій носъ—крайній восточный мысъ Азіи—и тѣмъ доказалъ существованіе пролива; но на его открытіе не было обращено надлежащаго вниманія, и оно было позабыто. Начальникомъ снаряженной экспедиціи назначенъ былъ Берингъ, при чемъ

ему была дана слѣдующая инструкція, написанная рукою самого Императора: 1) надлежитъ въ Камчаткѣ или въ другомъ такомъ мѣстѣ сдѣлать одинъ или два бота съ палубами; 2) на оныхъ ботахъ проѣхать возлѣ земли, которая идетъ на поръ, и по чаянію (понѣже оной конца не знаютъ) кажется, что та земля часть Америки, и 3) для того искать, гдѣ она сошлась съ Америкой, и чтобы доѣхать до какого города европейскаго владѣнія, или, ежели увидятъ какой корабль европейскій, провѣдать отъ него, какъ оный кюстъ называютъ, и взять на письмѣ, и самимъ побывать на берегу, и взять подлинную вѣдомость, и, поставя на карту, пріѣзжать сюда. Петръ. 23 дек. 1724 года.—Въ январѣ 1725 года экспедиція по частямъ отправилась изъ Петербурга и только на 4-й годъ вся собралась въ городѣ Нижнекамчатскѣ, у устья рѣки Камчатки. Отсюда Берингъ въ іюлѣ 1728 года предпринялъ свое первое путешествіе на двухъ небольшихъ судахъ „Фортуна“ и „Гавріилъ“, открылъ нѣсколько острововъ (островъ Беринга, св. Лаврентія, Шумашины и пр.), достигъ 67° с. ш. и видя, что берега, какъ Азіи, такъ и Америки, уходятъ изъ виду, считалъ вопросъ о раздѣленіи этихъ двухъ материковъ рѣшеннымъ и повернулъ обратно въ Нижнекамчатскъ. Въ 1730 году онъ возвратился въ Петербургъ и представилъ Адмиралтействъ-Коллегіи слѣдующій проектъ: 1) отыскать Америку, которая вѣроятно близка къ восточной оконечности Азіи; 2) стараться отыскать устья Амура, чтобы завести торговыя сношенія съ Японіей; 3) обозрѣть берега Ледовитаго Океана отъ Оби до Чукотскаго носа.

Царствовавшая тогда императрица Анна Іоановна поручила Берингу привести проектъ въ исполненіе, и онъ въ 1733 году отправился въ новую экспедицію. Построивъ въ Охотскѣ суда „Петръ“ и „Павелъ“, онъ въ 1740 году прибылъ на нихъ въ Камчатку и здѣсь, въ Авачинской губѣ, основалъ Петропавловскій портъ. Изъ Петропавловска Берингъ поплылъ на востокъ, достигъ американскаго материка и на немъ открылъ удобную и безопасную бухту св. Ильи. Недостатокъ прѣсной воды и цын-

готная болѣзнь, истребившая большую часть экипажа, принудили его поспѣшить возвращеніемъ въ Камчатку. На обратномъ пути болѣзнь до того усилилась, что не осталось почти никого, способнаго управлять судномъ: самъ Берингъ былъ сильно боленъ. Къ довершенію несчастья, никто не зналъ настоящаго направленія судна, и оно долго блуждало по океану, пока наконецъ не было выброшено на островъ, открытый Берингомъ въ его первое путешествіе. На этомъ островѣ, 8-го декабря 1741 года, скончался Берингъ, и экипажъ перезимовалъ тамъ, а на слѣдующее лѣто построилъ новое судно изъ остатковъ стараго и на немъ благополучно достигъ Петропавловскаго порта.

ДЕКАБРЬ.

9 (21).

1608 — День рожденія англійскаго поэта Мильтона.
1699. — День кончины П. И. Гордона.
1720. — Изданіе указа о посылкѣ геодезистовъ по губерніямъ для составленія ландкартъ.

Гордонъ.

Гордонъ былъ однимъ изъ многихъ иностранцевъ, служившихъ Россіи при Петрѣ Великомъ. Онъ прибылъ къ намъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и оставался до самой своей смерти, которая послѣдовала 9 декабря 1699 года.

Природное имя Гордона было *Патрикъ*, русскіе же звали его *Петръ Ивановичъ*. Онъ родился въ Шотландіи и тамъ-же началъ ученіе, которое продолжалъ потомъ въ Пруссіи. Затѣмъ онъ поступилъ въ военную службу въ Швеціи, въ одномъ сраженіи попался въ плѣнъ къ полякамъ, потомъ захваченъ пруссаками, снова поступилъ на шведскую службу, но во второй разъ взятъ въ польскій плѣнъ. Наконецъ, въ 1661 году, по приглашенію русскаго посла въ Польшѣ, Леонтьева, прибылъ въ Москву и поступилъ на службу Алексѣя Михайловича. По его желанію, Гордонъ ѣздилъ въ Лондонъ съ какимъ-то порученіемъ къ тамошнему двору. Потомъ ему дали полкъ драгунъ и отправили

на Украину оберегать ее отъ татаръ. Тамъ онъ пріобрѣлъ извѣстность въ нѣсколькихъ удачныхъ дѣлахъ съ татарами и турками, за что и былъ награжденъ генеральскимъ чиномъ. Въ правленіе царевны Софіи, Гордонъ съ княземъ Голицынымъ два раза ходилъ на крымскихъ татаръ, но походы были неудачны. Петру сталъ извѣстенъ Гордонъ съ тѣхъ поръ, какъ однимъ изъ первыхъ иностранцевъ перешелъ къ нему въ троицкую лавру, гдѣ Петръ спасался, когда у него хотѣли отнять власть Милославскіе. Вскорѣ Петръ оцѣнилъ Гордона и полюбилъ его, нерѣдко называя его своимъ „батюшкой". Гордонъ былъ благороднаго характера, человѣкъ опытный—и въ особенности въ военномъ дѣлѣ,—осторожный и предусмотрительный, точный въ исполненіи обязанностей, скромный и любезный. Онъ оказалъ значительную пользу молодому Петру своимъ знаніемъ военнаго дѣла, которое сильно занимало царя. Во время войны съ турками, Гордонъ въ качествѣ главнокомандующаго взялъ у нихъ укрѣпленный городъ Азовъ. Послѣ того Гордонъ руководилъ постройкою Таганрога и другихъ укрѣпленій на югѣ Россіи. Азовскіе походы убѣдили Петра въ необходимости имѣть свой флотъ для обороны завоеваннаго побережья. Съ цѣлью изучить корабельное дѣло, онъ отправился за границу. Но въ его отсутствіе взбунтовалась часть войска, носившая названіе *стрѣльцовъ*. Стрѣльцы эти говорили, что Петръ обременяетъ ихъ работой, и двинулись на Москву. Но Гордонъ выпелъ противъ нихъ съ войскомъ и разбилъ ихъ. Вскорѣ по прибытіи Петра въ Москву, Гордонъ заболѣлъ. Петръ ежедневно навѣщалъ больнаго старика, который близился къ смерти. Послѣднюю ночь жизни Гордона Петръ провелъ безотлучно у его постели и самъ закрылъ глаза своему „батюшкѣ".

ДЕКАБРЬ.

10 (22).

1869. — Перепись въ С.-Петербургѣ.

11 (23).

1639. — День рожденія Расина.
1717. — Учрежденіе Петромъ Великимъ Коллегіи.

Расинъ.

Жанъ Расинъ, знаменитый трагическій поэтъ Франціи, родился $^{11}/_{23}$ декабря 1639 г. въ Ферте-Мулонѣ. Окончивъ курсъ наукъ въ Портъ-Роялѣ, Расинъ выступилъ съ успѣхомъ на литературномъ поприщѣ, написавъ нѣсколько трагедій. Но прославила его главнымъ образомъ трагедія „Андромаха“, поставленная впервые на сцену въ 1667 году. Вслѣдъ за тѣмъ онъ написалъ еще нѣсколько образцовыхъ произведеній, которыя однако долго не пользовались заслуженнымъ успѣхомъ. Расинъ, какъ и многіе талантливые, даровитые люди, возбудилъ зависть въ своихъ современникахъ и преимущественно среди знати—особенно послѣ того, какъ король Людовикъ XIV осыпалъ его своими милостями и назначилъ своимъ исторіографомъ. Боясь встрѣтить въ немъ опаснаго временщика, знать опутала его интригами, вслѣдствіе которыхъ Расинъ былъ принужденъ надолго отказать-

ся отъ драматическаго поприща, и только спустя 12 лѣтъ онъ снова написалъ нѣсколько трагедій и между прочими „Athalie“— образцовое произведеніе, оцѣненное только потомствомъ, почти полвѣка спустя. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, Расинъ представилъ королю записку, въ которой изложилъ нѣсколько мѣръ для облегченія страданій Франціи; записка эта однако не понравилась королю, вслѣдствіе чего онъ впалъ въ немилость. Это огорченіе, говорятъ, значительно ускорило смерть его, послѣдовавшую въ 1699 г. Несмотря однако на всѣ гоненія и интриги знати, многочисленные труды Расина обратили на себя вниманіе французской академіи, которая выбрала его своимъ членомъ. Полное собраніе сочиненій Расина, съ учебными замѣчаніями и комментаріями, было издано въ Парижѣ въ 1825 г. въ семи томахъ.

ДЕКАБРЬ.

12 (24).

1777. — День рожденія императора Александра I.
1799. — День рожденія К. П. Брюлова (біогр. см. ниже).
1862. — День кончины Остроградскаго.

13 (25).

1870. — Окончаніе тоннеля черезъ Монъ-Сенисъ (см. статью „Каналы и тоннели").

14 (26).

1795. — Присоединеніе Литвы и Курляндіи.
1799. — День кончины Вашингтона.

15 (27).

1752. — Учрежденіе морскаго кадетскаго корпуса.

ДЕКАБРЬ.

16 (28).

1702. — Повелѣніе Петра Великаго рукописные куранты предавать тисненію.

1812. — Пожертвованіе донскими казаками 48 пуд. серебра въ Казанскій соборъ С.-Петербурга (см. статью „Соборы").

1837. — День кончины Орловскаго (ваятеля).

17 (29).

1842. — Высочайшій указъ объ учрежденіи строительнаго училища.

18 (30).

1706. — Образованіе Ингерманландской губ. (нынѣ С.-Петербургская).

1767. — День рожденія Евгенія Болховитинова.

ДЕКАБРЬ.

19 (31).

1699. — Повелѣніе Петра Великаго Новый Годъ считать съ 1-го января.

1787. — День рожденія Коцебу.

Коцебу.

Одинъ изъ 14 дѣтей нѣмецкаго писателя и русскій морякъ Отто фонъ-Коцебу родился въ Ревелѣ 19-го декабря 1787 года: онъ воспитывался въ морскомъ корпусѣ и совершилъ на своемъ вѣку три кругосвѣтныхъ путешествія (плаванія): первое на кораблѣ „Надежда“ (1803—1806) подъ начальствомъ адмирала Крузенштерна, будучи еще кадетомъ, а другія два—капитаномъ военныхъ кораблей „Рюрикъ“ (1815—1818) и „Предпріятіе“ (1823—1826).

Корабль Рюрикъ былъ снаряженъ для отысканія прохода чрезъ Беринговъ проливъ по Ледовитому морю и для географическихъ и ученыхъ изслѣдованій среди острововъ Великаго Океана, тогда еще мало извѣстныхъ. 30 іюля 1815 года моряки вышли изъ Кронштадта, захватили въ Копенгагенѣ ученыхъ Вормскіольда и Шамиссо, обогнули въ концѣ января 1816 года мысъ Горнъ, зашли на островъ Пасхи и чрезъ 10 мѣсяцевъ слишкомъ послѣ отплытія прибыли въ портъ Петропавловскій на Камчаткѣ,

открывъ на пути населенныя группы острововъ, принадлежащія къ восточной части Каролинскихъ и названныхъ островами Кутузова и Суворова, и необитаемыя—Румянцева, Спиридова, Рюрика и Крузенштерна, лежащія восточнѣе и южнѣе первыхъ. Простоявъ болѣе трехъ недѣль въ Петропавловскѣ, 30 іюля они увидѣли одновременно берега Азіи и Америки, произвели нѣкоторыя изслѣдованія въ мѣстностяхъ, прилежащихъ Берингову проливу, и пошли назадъ въ Великій Океанъ къ Сандвичевымъ островамъ, а отъ нихъ къ мѣстамъ своихъ прежнихъ открытій. 1-го января 1817 года открыли островъ Новаго Года, черезъ четыре дня группу Румянцева, а слѣдуя далѣе къ югу—группы Чичагова, Аракчеева, Тровера и Крузенштерна, принадлежащія всѣ вмѣстѣ съ группами Суворова и Кутузова къ восточной части Каролинскихъ острововъ, извѣстной теперь подъ общимъ названіемъ Радакъ. Затѣмъ побывали опять на сѣверѣ, но изслѣдованій не производили, по причинѣ болѣзни капитана, ушибленнаго во время бури, а вернулись въ Тихій Океанъ. Потомъ моряки перевезли на новооткрытые острова съ Сандвичевыхъ нѣкоторыя растенія и благополучно возвратились въ Кронштадтъ вокругъ мыса Доброй Надежды. Втеченіе трехъ лѣтъ своего плаванія, путешественники претерпѣли многія бури и кромѣ того сразились на островѣ Пасхи съ обывателями, десять лѣтъ назадъ ограбленными какимъ-то американскимъ судномъ, а потому озлобленными на всѣхъ бѣлыхъ и встрѣтившихъ высадившихся матросовъ Рюрика каменьями.

Второе путешествіе, предпринятое для доставленія груза въ Камчатку, Коцебу совершилъ тѣми-же путями, сначала обогнувъ мысъ Горнъ, а потомъ Доброй Надежды, причемъ были провѣрены открытія и изслѣдованія предшествовавшаго его плаванія.

ДЕКАБРЬ.

20 (1 янв.).

1753. — Уничтоженіе внутренней таможни.
1819. — Указъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи.
1820. — Открытіе капитаномъ Коцебу острова Новаго Года въ Южномъ Океанѣ.

Остроградскій.

Извѣстный математикъ-академикъ Михаилъ Васильевичъ Остроградскій родился въ Полтавской губ. въ деревнѣ Чаплиной, въ 1801 г. 12 сентября. М. В. еще въ раннемъ дѣтствѣ выдѣлялся способностями и обѣщалъ сдѣлаться замѣтнымъ человѣкомъ. На 9 году его помѣстили въ одинъ изъ полтавскихъ пансіоновъ; оттуда онъ вскорѣ перешелъ въ гимназію, но, по желанію отца, курса не кончилъ и былъ отвезенъ въ Петербургъ для поступленія на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Здѣсь, по совѣту одного родственника, замѣтившаго блестящія способности мальчика, М. В. рѣшился поступить въ университетъ на физико-математическій факультетъ. Сначала онъ продолжалъ мечтать о военной службѣ и въ университетѣ занимался плохо, пока не поселился у преподавателя математики Павловскаго, которому удалось внушить юношѣ всю несообразность его требованій и пріохотить къ занятіямъ. Съ этого времени занятія М. В. пошли успѣшно, и мысль о военной службѣ была оставлена. Въ

1820 г. Остроградскій съ отличіемъ окончилъ университетъ, но вслѣдствіе интригъ не получилъ ученой степени. Эта несправедливость нисколько не поколебала энергіи молодаго человѣка, который по окончаніи курса поспѣшилъ къ отцу, чтобы выпросить у него позволеніе ѣхать въ Парижъ.

Въ Парижѣ уже въ 1822 г. онъ своими блестящими дарованіями обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ французскихъ математиковъ. Успѣхи молодаго ученаго надѣлали много шума въ русскихъ университетахъ.

Не получая болѣе денегъ изъ дому, Остроградскій занялъ при одной изъ тамошнихъ коллегій должность преподавателя математики.

Вскорѣ однако онъ возвратился въ Петербургъ. Тутъ его тотчасъ-же окружили любители наукъ, желавшіе у него научиться. Слушателямъ очень нравился способъ его изложенія, который онъ частью заимствовалъ у французскихъ ученыхъ. Въ 1828 г. онъ получилъ званіе академика и былъ выбранъ въ члены многихъ ученыхъ обществъ и иностранныхъ академій, какъ напр. парижской, римской, американской. Но самое почетное званіе было члена корреспондента парижской академіи. Спеціальныя заведенія въ Петербургѣ считали большою честью видѣть его у себя профессоромъ. М. В. Остроградскій съ честью совершилъ свою ученую карьеру и не мало потрудился на пользу юношества.

Въ 1861 г. М. В. отправился на лѣто въ свою деревню и тамъ опасно заболѣлъ. Почувствовавъ себя лучше, онъ, несмотря на совѣты друзей, поспѣшилъ въ Петербургъ, куда его звали обязашости, но почувствовалъ себя на пути хуже и принужденъ былъ остановиться въ Полтавѣ. Тутъ къ его недугу присоединилась еще горячка и въ 1861 г. 12 декабря онъ, несмотря на всѣ усилія докторовъ, скончался.

ДЕКАБРЬ.

21 (2 янв.).

1375. — День кончины Боккачіо.
1709. — Въѣздъ Петра Великаго въ Москву послѣ полтавской побѣды.
1725. — Повелѣніе Екатерины I объ открытіи Академіи Наукъ.
1831. — День кончины Лафатера.

Лафатеръ.

Іоганъ Каспаръ Лафатеръ родился въ Цюрихѣ, въ 1741 году. Всю жизнь свою онъ посвящалъ изученію физіономики. По его мнѣнію, по чертамъ и линіямъ лица можно судить о характерѣ и наклонностяхъ человѣка. Онъ оставилъ много сочиненій, въ которыхъ развивалъ и доказывалъ свое мнѣніе. Лафатеръ обладалъ необыкновенно убѣдительнымъ краснорѣчіемъ и, какъ пасторъ церкви св. Петра въ Цюрихѣ, имѣлъ большое вліяніе на своихъ прихожанъ, несмотря на его одностороннее стремленіе ко всему религіозному и таинственному. Онъ умеръ въ 1801 году отъ раны пулей, полученной имъ въ 1799 году при взятіи города Цюриха французскимъ маршаломъ Массеною.

22 (3 янв.).

1700. — Указъ о писаніи въ актахъ лѣтъ отъ Р. Хр.
1704. — Указъ о ношеніи саксонскаго и нѣмецкаго платья.
1808. — День кончины гр. Орлова-Чесменскаго.

Гр. Орловъ-Чесменскій.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ родился въ 1737 году и получилъ воспитаніе въ родительскомъ домѣ. Въ раннихъ еще лѣтахъ онъ развилъ въ себѣ физическую силу, а потому впослѣдствіи былъ истиннымъ богатыремъ и не разъ хаживалъ на медвѣдя. Кромѣ того, онъ любилъ лошадей, какъ большинство тогдашнихъ помѣщиковъ, и развелъ у себя въ деревнѣ великолѣпную породу рысаковъ, извѣстную подъ именемъ *орловскихъ*. Со времени восшествія на престолъ Екатерины II, Алексѣй Григорьевичъ сталъ быстро возвышаться въ придворной службѣ. Названіе *Чесменскаго* Орловъ получилъ по случаю побѣды его надъ турками при Чесмѣ, во время начатой турками противъ насъ войны въ 1768 г. Противъ нихъ Екатерина II послала войско подъ начальствомъ Румянцева. Но

прибытіи въ Турцію онъ выигралъ нѣсколько сраженій, по русскимъ трудно было одолѣть турокъ. И вотъ Императрица вздумала устроить дѣло такъ, чтобы турки не могли дѣйствовать противъ насъ всѣми войсками. Большинство населенія Турціи составляли христіане, а именно славяне и греки. Турки ихъ притѣсняли и христіане сильно желали выйти изъ турецкой неволи. Про славянъ тогдашніе русскіе почти ничего не знали, грековъ же Екатерина любила и намѣрена была освободить. Притомъ она разсчитывала, что если они возстанутъ, то это поможетъ и намъ побѣдить турокъ: тогда турки вынуждены будутъ часть войскъ съ сѣвера отправить на югъ, въ Грецію, а по частямъ легче было бить турокъ. Одинъ случай убѣдилъ наше правительство въ возможности произвести возстаніе грековъ. Гр. Орловъ не задолго до войны лечился въ Италіи и тамъ сошелся со многими греками, бѣжавшими сюда отъ жестокостей турокъ. Эти-то греки увѣрили Орлова, что можно легко вызвать общее возстаніе грековъ. Орлова и назначила Екатерина начальникомъ флота, отправленнаго противъ турокъ. Флотъ нашъ состоялъ изъ 11 кораблей съ 5000 войска. Въ началѣ 1770 года онъ приталъ къ полуострову Морѣ; какъ только прибрежные греки узнали объ этомъ, тотчасъ возстали и образовали ополченія, намѣреваясь биться съ турками. Они помогли русскимъ взять нѣсколько турецкихъ крѣпостей, и скоро возстаніе обхватило весь полуостровъ Морею. Между тѣмъ Орловъ узналъ, что турки выслали въ Архипелагъ весь свой флотъ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было идти на встрѣчу туркамъ. Непріятельскіе флоты встрѣтились 24 іюня у острова Хіоса, и тутъ оказалось, что турецкихъ кораблей больше, чѣмъ русскихъ. Несмотря на это превосходство силъ, Орловъ двинулся въ средину непріятельскаго флота и заставилъ турокъ отступить въ проливъ, отдѣляющій Хіосъ отъ берега Малой Азіи, и стать въ гавани *Чесмѣ*, нѣсколько ниже города Смирны. 26 іюня Орловъ направилъ свой флотъ въ проливъ; врѣзавшись прямо въ середину турецкаго флота, онъ началъ стрѣлять зажи-

гательными снарядами и сжегъ весь флотъ; за это-то сраженіе Орлова и назвали *Чесменскимъ*. Блестящей побѣдѣ Орлова Екатерина II была очень рада.

Такъ какъ она нанесла такой чувствительный уронъ туркамъ, то они принуждены были, вскорѣ послѣ чесменской битвы, заключить выгодный для насъ миръ.

ДЕКАБРЬ.

23 (4 янв.).

1743. — День рожденія поэта Богдановича.
1798. — Учрежденіе павловскаго кадетскаго корпуса.

Богдановичъ.

Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, поэтъ, авторъ *Душеньки*, родился 23 декабря 1743 г. въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ *Переволочномъ*. На 11 году Богдановичъ былъ отвезенъ въ Москву и опредѣленъ юнкеромъ въ юстицъ-коллегію, гдѣ онъ отличался любовью къ наукѣ, вслѣдствіе чего президентъ коллегіи дозволилъ ему учиться въ математической школѣ. Но математическія науки не занимали молодаго Богдановича, который увлекся театромъ и драматическимъ искусствомъ. Это увлеченіе было въ немъ такъ сильно, что 15 лѣтъ онъ отправился къ директору московскаго театра *М. М. Хераскову* и заявилъ ему, что желаетъ быть актеромъ. Въ разговорѣ съ мальчикомъ Херасковъ скоро замѣтилъ въ немъ любовь къ наукамъ, поэзіи и декламаціи, убѣдилъ его отказаться отъ своего намѣренія и поступить въ университетъ и помѣстилъ его у себя въ домѣ. Здѣсь, въ домѣ Хераскова и университетѣ, подъ руководствомъ самого Хераскова, Богдановичъ началъ заниматься литературой, а въ 1761 г. получилъ мѣсто при универ-

ситетѣ и сталъ редактировать журналъ *Невинное Упражненіе*. Въ это время онъ успѣлъ уже обратить на себя вниманіе общества нѣкоторыми мелкими произведеніями.

Въ домѣ-же Хераскова онъ сошелся со многими высокопоставленными лицами—въ томъ числѣ съ кн. Дашковой, которая въ 1763 г. доставила ему мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи, съ цѣлью способствовать переселенію его въ Петербургъ, гдѣ онъ уже и пользовался нѣкоторой извѣстностью. Въ Петербургѣ онъ почти всѣ свои досуги посвятилъ литературѣ, писалъ стихи, переводилъ и издавалъ журналъ *Петербургскій Вѣстникъ* и въ 1775 году напечаталъ свою поэму *Душеньку*, имѣвшую громадный успѣхъ. Этотъ успѣхъ поэмы способствовалъ и успѣху самаго Богдановича на службѣ и въ обществѣ; Императрица Екатерина II, равно какъ и все образованное общество, читали съ удовольствіемъ эту милую шутливую поэму. Знать стала искать его знакомства. Но съ того времени Богдановичъ, хотя и написалъ нѣсколько піесъ (какъ-то: „Радость Душеньки“ и „Славяне“), дававшихся на сценѣ, все-же писалъ уже какъ-то небрежно, мало и какъ-бы нехотя и въ концѣ царствованія Екатерины посвятилъ почти всецѣло досуги свои на хваленіе Екатерины. Но крупнѣйшее его произведеніе этого періода его дѣятельности—это „Сборникъ Русскихъ Пословицъ“, изданный въ 1785 г. Въ 1795 г. Богдановичъ вышелъ въ отставку, надѣясь остатокъ дней своихъ провести въ мирномъ уголкѣ Малороссіи, куда влекли его воспоминанія дѣтства и родные; но тихая уединенная жизнь однако показалась ему неспосною и въ 1796 г. онъ переселился въ Курскъ, откуда еще привѣтствовалъ одою вступленіе на престолъ Александра I. Въ началѣ декабря 1802 г. Богдановичъ занемогъ, а 6 января 1803 г. скончался къ сожалѣнію всѣхъ любителей русской словесности.

ДЕКАБРЬ.

24 (5 янв.).

1524. — День кончины Васко де-Гамы.

Васко-де-Гама.

Въ концѣ XV столѣтія португальцы были одною изъ самыхъ могущественныхъ морскихъ націй; впродолженіе 75 лѣтъ (съ 1412 по 1487 годъ) ими были открыты африканскіе берега Атлантическаго Океана до мыса Доброй Надежды. Главная цѣль всѣхъ этихъ экспедицій была найти морской путь въ Индію. Вслѣдъ за этимъ другое могущественное государство—Испанія—для разрѣшенія этого вопроса снарядила эскадру подъ начальствомъ Колумба, открывшаго въ 1492 году Америку. Самъ Колумбъ и его современники были въ полной увѣренности, что открытая ими страна есть Индія и онъ даже далъ ей названіе Вестъ-Индіи (Западной Индіи). Чтобы предупредить испанцевъ, португальскій король Эммануилъ снарядилъ въ 1497 году эскадру изъ 4 судовъ съ 148 человѣками экипажа, подъ начальствомъ опытнаго морякa Васко-де-Гамы для, отысканія другаго морскаго пути въ Индію, вокругъ Африки. Употребивъ $4^1/_2$ мѣсяца на переходъ изъ Лиссабона къ мыссу Доброй Надежды, крайнему изъ извѣстныхъ до того времени пунктовъ Африки, Васко-де-Гама продолжалъ свой дальнѣйшій путь въ сѣверномъ направленіи, придерживаясь береговъ, причемъ посѣтилъ устье рѣки Замбезе и города Мозамбикъ (подъ 15° ю. ш.) Момбазо и Маменду (подъ 2° ю. ш.).

Въ первыхъ двухъ городахъ его встрѣтили непріязненно, такъ какъ всѣ жители ихъ были арабы-магометане, ненавидѣвшіе христіанъ; но за-то въ Мамендѣ онъ неожиданно нашелъ радушный пріемъ, благодаря тому, что шейхъ (начальникъ) этого города былъ во враждѣ съ шейхомъ Момбаза. Возстановивъ здѣсь силы экипажа, сильно пострадавшаго отъ цынги и недостатка свѣжей пищи, Васко-де-Гама направился къ берегамъ Индіи прямо поперегъ океана и чрезъ 23 дня прибылъ въ главный западный ея городъ Калькутту, употребивъ на весь путь изъ Лиссабона 10½ мѣсяцевъ и потерявъ 80 человѣкъ, то-есть болѣе половины своего экипажа. Малабарскій раджа Заморанъ, узнавъ о приходѣ европейскихъ судовъ, очень благосклонно принялъ адмирала и даже сначала согласился на торговый союзъ съ Португаліей, но для окончательнаго рѣшенія пожелалъ узнать мнѣніе государственнаго совѣта. До экспедиціи Васко-де-Гамы всею торговлей съ востокомъ завѣдывали арабы, а потому они изъ личныхъ выгодъ старались всѣми мѣрами продлить засѣданіе совѣта и вооружили Заморана и жителей Калькутты противъ португальцевъ. Арабы достигли своей цѣли и только благодаря энергическимъ мѣрамъ, принятымъ Васко де Гамой, ему удалось нагрузить свои суда пряностями и благополучно выбраться изъ калькутскаго рейда. Заморанъ, вмѣсто согласія на торговый союзъ, прислалъ адмиралу такое письмо къ королю Эммануилу: „Васко-де-Гама, твой вельможа и посолъ, былъ въ моей землѣ. Приходъ его доставилъ мнѣ удовольствіе. Земля моя богата корицею, перцемъ, гвоздикою и драгоцѣнными каменьями: отъ тебя я хочу золота, серебра, коралловъ и шарлаковаго (ярко-краснаго) сукна“. На возвратномъ пути эскадра долго блуждала по океану, вслѣдствіе противнаго югозападнаго муссона, свойства котораго еще не были извѣстны въ то время, и только въ 1499 году возвратилась въ отечество. Король Эммануилъ наградилъ Васко-де-Гаму знатнымъ саномъ, большимъ годовымъ окладомъ и великолѣпнымъ гербомъ.

ДЕКАБРЬ.

25 (6 янв.).

1642. — День рожденія Ньютона.

Ньютонъ.

Исаакъ Ньютонъ, математикъ и физикъ, родился 25 декабря 1642 года, въ Англіи, въ Вульсторпѣ, находящемся въ графствѣ Линкольнѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ грентемской высшей школѣ, затѣмъ поступилъ въ кембриджскій университетъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго въ то время математика Барро, подъ руководствомъ котораго, будучи еще въ университетѣ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ открытій въ области математики. Будучи принужденъ оставить Кембриджъ, вслѣдствіе появившейся въ томъ мѣстѣ чумы, онъ удалился навремя на родину, чтобы вдали отъ всѣхъ заняться науками. Въ 1669 году Барро уступилъ ему свою кафедру. Ньютонъ, вмѣстѣ съ Лейбницомъ, современнымъ ему германскимъ ученымъ, можетъ считаться основателемъ высшей математики. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ много открытій въ физикѣ, особенно въ одномъ изъ отдѣловъ ея — оптикѣ; такъ, напримѣръ, онъ первый разложилъ помощью призмы солнечный лучъ на его составные цвѣта. Но главная заслуга Ньютона заключается въ открытіи закона тяготѣнія и въ объясненіи помощью этого закона движенія планетъ,

а также и движенія земли около своей оси. Ньютонъ пользовался также политическою извѣстностью: онъ былъ представителемъ университета въ парламентѣ и долгое время состоялъ директоромъ монетнаго двора. Несмотря на всю славу, которою онъ пользовался во время его жизни, Ньютонъ былъ человѣкъ въ высшей степени скромный и всѣмъ, изъявлявшимъ удивленіе къ его твореніямъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ слѣдующими словами: „Я не знаю, что скажетъ свѣтъ о моихъ сочиненіяхъ; что же касается меня, то я самому себѣ всегда казался ребенкомъ, игравшимъ на берегу моря и находившимъ то пестренькій камешекъ, то блестящую раковину, между тѣмъ какъ передъ взорами моими разстилался неразгаданный и невѣдомый океанъ истины въ неизмѣримомъ своемъ пространствѣ“.

Ньютонъ умеръ 20 марта 1727 года и по приказанію короля Георга былъ похороненъ въ вестминстерскомъ аббатствѣ.

ДЕКАБРЬ.

26 (7 янв.).

1610. — Открытіе Галилеемъ четырехъ спутниковъ Юпитера.

1726. — Открытіе Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ.

1785. — Перелетъ Бланшара въ воздушномъ шарѣ изъ города Дувра въ городъ Кале.

1840 — Открытіе Дюмонъ-Дюрвилемъ и Вилькомъ, въ одинъ и тотъ-же день, антарктическаго материка.

1846. — День кончины Языкова.

Языковъ.

26 декабря 1846 г., въ Москвѣ, скончался нашъ поэтъ Николай Михайловичъ Языковъ. Языковъ—сынъ зажиточнаго помѣщика—родился въ Симбирской губерніи, 4 марта 1803 года. О дѣтствѣ его и домашнемъ воспитаніи не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что по 11-му году онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ институтъ горныхъ инженеровъ, гдѣ и пробылъ шесть лѣтъ. Наука однако не давалась ему. Только къ изученію словесности и къ чтенію авторовъ обнаруживалъ онъ нѣкоторую склонность—и то благодаря преподавателю словесности А. Д. Маркову, о которомъ Языковъ всю жизнь свою отзывался всегда съ большимъ уваженіемъ и съ большою благодарностью. Марковъ предугадалъ въ Языковѣ его будущее призваніе и поощрялъ его въ его литературныхъ занятіяхъ. Въ 1820

году Языковъ кончилъ курсъ въ горномъ институтѣ и поступилъ въ инженерное училище, гдѣ однако онъ пробылъ очень недолго. Увлекшись возможностью быстро пріобрѣсти извѣстность. Языковъ бросилъ школу и съ горячностью предался своей поэтической дѣятельности. Въ 1822 году впервые появились въ печати его стихи, которые обратили на себя вниманіе легкостью и новизною языка. Вскорѣ Языковъ сталъ извѣстенъ среди литературныхъ кружковъ петербургскихъ. Въ то-же время Языковъ почувствовалъ недостатки своего образованія и ему хотѣлось серьезно поучиться—наиболѣе удобнымъ путемъ для этого представлялся университетъ. По совѣту нѣкоторыхъ друзей своихъ Языковъ рѣшился избрать дерптскій университетъ. и въ томъ-же 1822 г. онъ сталъ уже посѣщать лекціи дерптскаго университета. Пребываніе въ Дерптѣ повліяло однако не особенно благопріятно на молодаго поэта. Буйное, разгульное студенчество дерптскаго университета, не подчиняющееся никакимъ требованіямъ общественной жизни, и безпрерывныя шумныя пиршества пагубно вліяли на молодую, безъ того уже размашистую, натуру. Результатомъ этого было то, что Языковъ, несмотря на свое шестилѣтнее пребываніе въ Дерптѣ, курса не кончилъ и покинулъ наконецъ въ 1829 году Дерптъ, не державъ даже экзамена. Въ это время Языковъ пользовался уже весьма почетною извѣстностью оригинальнаго и даровитаго поэта. Еще въ 1824 году Пушкинъ, ознакомившись съ первыми даровитыми произведеніями Языкова, желалъ познакомиться съ авторомъ. Но это знакомство состоялось только два года спустя, когда Языковъ еще былъ студентомъ. Оба поэта быстро сошлись и подружились. Эта дружба съ Пушкинымъ, продолжавшаяся до самой смерти послѣдняго, послужила для Языкова новымъ источникомъ вдохновенія и побудила его написать нѣсколько превосходныхъ піесъ. По переѣздѣ изъ Дерпта въ Москву, Языковъ поступилъ-было на службу; но служба скоро ему надоѣла, онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню, чтобы „посвятить себя музамъ и работать для славы". Но мечтамъ этимъ не суждено было сбыться.

Послѣдствія разгульной студенческой жизни въ Дерптѣ стали оказываться. Онъ сталъ хворать, вслѣдствіе чего всѣ почти досуги его поглощались заботами о здоровьѣ. На 35 и 36 годахъ онъ повидимому сталъ поправляться, снова принялся за поэзію и въ этотъ короткій перерывъ болѣзни дѣйствительно написалъ нѣсколько прелестныхъ вещей. Но на 37 году онъ снова сталъ хворать и такъ сильно, что принужденъ былъ уѣхать на воды, заграницу, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ; въ это время онъ написалъ нѣсколько великолѣпныхъ картинъ природы. Но надежды на излеченіе, несмотря на пятилѣтнее пребываніе заграницей, покинули поэта; онъ вернулся на родину и поселился въ Москвѣ въ 1843 году. Тутъ уже въ конецъ разстроенное здоровье почти вовсе не позволяло ему писать. Въ половинѣ декабря 1846 года Языковъ простудился и схватилъ горячку. Языковъ счелъ ее за предзнаменованіе своей близкой смерти и, несмотря на всѣ разувѣренія товарищей, сталъ серьезно готовиться къ смерти: пригласилъ священника, сдѣлалъ нужныя похоронныя распоряженія, разослалъ приглашенія на свои похороны и заказалъ похоронный обѣдъ. 26 декабря его не стало.

Изъ произведеній Языкова особеннаго вниманія заслуживаютъ, между прочимъ, драматическая сказка «Жаръ птица», «Пловцы», «Буря» и др.

Бѣлинскій, между прочимъ, такъ отзывается о Языковѣ: «Имя Языкова навсегда принадлежитъ русской литературѣ и не сотрется съ его страницъ даже тогда, когда стихотворенія его уже не будутъ читаться публикою; оно останется извѣстно людямъ, изучающимъ исторію языка и литературы».

ДЕКАБРЬ.

27 (8 янв.).

1571. — День рожденія Кеплера.
1837.—Открытіе памятниковъ князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому и Барклаю-де-Толли въ С.-Петербургѣ.

Кеплеръ.

Іоаннъ Кеплеръ, великій астрономъ, сильно подвинувшій впередъ свою науку, родился $\frac{17}{27}$ декабря 1571 года въ маленькомъ виртембергскомъ городкѣ. Отецъ его, солдатъ арміи герцога Альбы, былъ сынъ бургомистра этого города, а мать была дочь трактирщика, не умѣвшая ни читать, ни писать, женщина грубая и сварливая; вообще семейное положеніе Кеплера было очень несчастливо. Съ шести до двѣнадцати лѣтъ Кеплеръ ходилъ въ школу, а на 13-мъ году своей жизни знаменитый астрономъ началъ свою общественную дѣятельность мальчикомъ въ кабакѣ, заведенномъ его отцемъ для поправленія разстроеннаго состоянія. Чрезъ нѣсколько времени кабакъ былъ закрытъ, отецъ Кеплера поступилъ въ австрійскую армію, шедшую на турокъ, и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти. 18-лѣтній Кеплеръ, негодный на полевыя работы по слабости тѣлосложенія, былъ отданъ въ семинарію и, выйдя оттуда 22-хъ лѣтъ, немедленно получилъ должность профессора математики въ штирій-

скомъ городѣ Грацѣ. Когда въ Штиріи начались гоненія на протестантовъ, онъ долженъ былъ удалиться и отправился въ Прагу къ придворному астроному императора Рудольфа, извѣстному ученому Тихо-де-Браге, призвавшему его къ себѣ въ помощники, и пробылъ у него годъ, до самой его смерти, перенося отъ него всевозможныя оскорбленія и не получая обѣщаннаго жалованья. По смерти Тихо-де-Браге, Кеплеръ занялъ его мѣсто. Здѣсь, въ должности придворнаго астронома императора Рудольфа, пользуясь трудами Тихо-де-Браге, Кеплеръ долгое время занимался астрономіей и только къ концу жизни долженъ былъ почти совсѣмъ оставить научныя занятія, потому-что его мать была обвинена въ колдовствѣ и онъ провелъ послѣдніе 6 лѣтъ своей жизни въ безпрерывныхъ хлопотахъ объ ея освобожденіи. $^{3}/_{13}$ ноября 1630 года Кеплеръ умеръ, оставивъ въ наслѣдство семейству немного денегъ, платье, двѣ рубашки и 73 экземпляра двухъ своихъ сочиненій. По смерти его, одинъ изъ его почитателей построилъ храмъ въ греческомъ вкусѣ въ 5 саженъ вышины и поставилъ въ немъ бюстъ Кеплера, окруженный барельефами работы тогдашней скульптурной знаменитости. При жизни же великій астрономъ долженъ былъ для поддержанія существованія продавать календарики съ предсказаніями и забавлять гороскопами императора Рудольфа, бывшаго покровителемъ Кеплера и не платившаго ему жалованья. Великій астрономъ, открывшій законы обращенія планетъ около солнца, законы, составляющіе эпоху въ астрономіи и извѣстные подъ названіемъ Кеплеровыхъ, нечуждъ былъ предразсудковъ своего времени: вѣрилъ, напримѣръ, во вліяніе кометъ на судьбы людей, въ колдовство и въ свои собственные гороскопы. Онъ написалъ много сочиненій, большей частью на латинскомъ языкѣ, по физикѣ, математикѣ и преимущественно по астрономіи.

ДЕКАБРЬ.

28 (9 янв.).

1642. — День кончины Галилея.

1681. — Указъ царя Ѳедора Алексѣевича о числѣ лошадей для ѣзды по городу по чинамъ, съ цѣлью ограничить роскошь бояръ.

1812. — Окончательное очищеніе Россіи отъ французовъ.

Галилей.

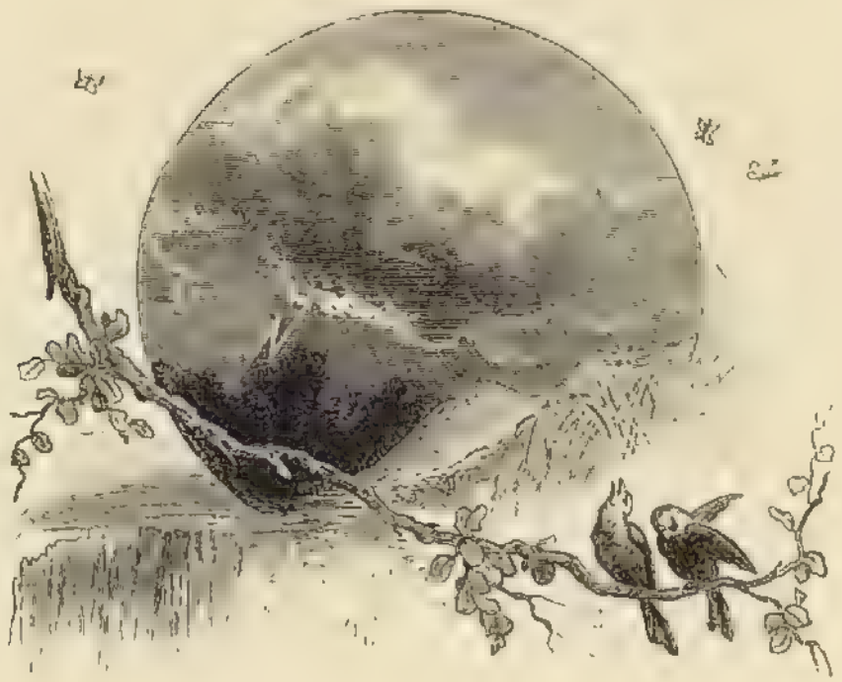
Итальянскій ученый Галилео Галилеи, извѣстный защитникъ системы Коперника и усовершенствователь зрительной трубы, родился въ Пизѣ 6-го февраля 1564 года. Сперва его родители хотѣли, чтобъ онъ былъ купцомъ, но, видя его способности къ наукамъ, перемѣнили мнѣніе, и на 17-мъ году онъ былъ отправленъ въ пизанскій университетъ, проведя первую молодость во Флоренціи. Здѣсь Галилей занимался изученіемъ математики, но вскорѣ долженъ былъ оставить и Пизу, и университетъ по недостатку средствъ; однако черезъ нѣсколько лѣтъ Галилей опять вступилъ въ него, но уже въ качествѣ профессора математики. Затѣмъ онъ перешелъ на ту-же долж-

ность въ падуанскій университетъ. Во время его пребыванія въ этомъ университетѣ была изобрѣтена зрительная труба, которую онъ немедленно и употребилъ для астрономическихъ наблюденій, и по справедливости его считаютъ первымъ наблюдателемъ въ телескопъ. Въ 1610 году Галилей оставилъ Падую, гдѣ онъ пользовался полной свободой мнѣній, возвратился на родину въ Тоскану, находившуюся подъ неограниченнымъ вліяніемъ духовенства, и опять занялъ мѣсто профессора въ пизанскомъ университетѣ. Съ этихъ поръ начались преслѣдованія знаменитаго ученаго; сначала противъ Галилея возстали тѣ профессора, которые держались Птоломеевой системы міра, по которой солнце и всѣ планеты вращаются вокругъ земли, за то, что Галилей въ своихъ лекціяхъ слѣдовалъ системѣ Коперника, учившаго, что земля, также какъ и прочія планеты, вращаются вокругъ солнца, системѣ, справедливость которой теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію: вскорѣ къ ученымъ присоединились духовные на томъ основаніи, что ученіе Коперника противно было священному писанію. На первый разъ ясныя и убѣдительныя доказательства Галилея привели къ запрещенію духовной цензурой сочиненій Коперника, самъ же Галилей еще не подвергся притѣсненіямъ; но когда въ 1632 году имъ была издана книга, содержавшая въ себѣ сравненіе системъ Коперника и Птоломея не въ пользу послѣдней, и принята съ всеобщимъ одобреніемъ, тогда враги ученаго вытребовали его въ Римъ, гдѣ онъ подвергся суду инквизиціи. Приговоромъ ея 70-ти лѣтній Галилей осужденъ былъ на пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ и кромѣ того долженъ былъ, стоя на колѣняхъ предъ Евангеліемъ, отречься отъ еретическаго ученія и дать клятву доносить инквизиціи о всѣхъ тѣхъ, которые будутъ раздѣлять его мнѣніе о движеніи свѣтила.

Говорятъ, что послѣ отреченія Галилей топнулъ ногой о землю и сказалъ: «А все-таки она вертится!» Тюрьма его вскорѣ была перемѣнена на обыкновенный домъ, а впослѣдствіи къ нему допускались его друзья и почитатели; но все-таки сво-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

боды ему не возвратили, и онъ умеръ въ заключеніи въ 1642 году. Въ послѣдніе годы жизни его онъ былъ совершенно слѣпъ. Галилей усовершенствовалъ зрительную трубу, открылъ спутниковъ Юпитера, изобрѣлъ пропорціональный циркуль, написалъ много сочиненій по-латыни и пр. и пр.



ДЕКАБРЬ.

29 (10 янв.).

1768. — Введеніе ассигнацій.
1778. — День кончины Линнея.

Линней.

Карлъ Линней родился въ 1709 году въ Регультѣ, небольшой деревушкѣ Швеціи. Съ раннихъ лѣтъ онъ обнаружилъ влеченіе къ естественнымъ наукамъ, любилъ бродить по лѣсамъ и горамъ, собирать травы и всякаго рода растенія, изъ которыхъ составлялъ гербаріи. Отецъ его былъ пасторомъ и желалъ, чтобы и сынъ его посвятилъ себя этому званію; онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на занятія сына, считая ихъ безполезною тратою времени. Желая отнять у сына всякую возможность предаваться любимымъ прогулкамъ, онъ отправилъ его въ школу въ ближайшій городъ и просилъ директора строго наблюдать за нимъ. Линней любилъ отца, не хотѣлъ его огорчать и потому всѣми силами старался исполнять его волю. Первое время ему это удавалось; но съ наступленіемъ весны, во время прогулокъ, онъ часто отставалъ отъ своихъ товарищей и такъ увлекался собираніемъ растеній, что ночь заставала его въ полѣ. Подобные поступки отецъ счелъ за непослушеніе и въ наказаніе помѣстилъ сына къ сапожнику. Здѣсь

Линней имѣлъ больше возможности предаваться своему любимому занятію, вставая рано утромъ и отправляясь до работы на прогулку.

Такой образъ жизни утомилъ его, и онъ сильно захворалъ. Докторъ, призванный для подачи помощи, обратилъ на него свое вниманіе и помогъ ему помириться съ отцемъ. Отецъ, видя непремѣнное желаніе сына заниматься естественными науками, позволилъ ему поступить въ университетъ, но за неимѣніемъ средствъ совсѣмъ не могъ помогать ему, такъ что Линней терпѣлъ сильную нужду. Несмотря на всѣ невзгоды, онъ окончилъ свое образованіе въ упсальскомъ университетѣ и всю свою жизнь посвятилъ изученію естественныхъ наукъ. Онъ справедливо считается основателемъ особой ботанической системы, которая и по сіе время носитъ его имя. Огромный его гербарій принадлежитъ теперь лондонскому обществу, также его имени. Онъ умеръ въ 1778 году, 71 года, уважаемый не только на своей родинѣ, но и во всемъ образованномъ мірѣ.

ДЕКАБРЬ.

30 (11 янв.).

Отмѣна Петромъ Великимъ писанія полуименъ.

31 (12 янв.).

1564. — День кончины митрополита Макарія, главнаго дѣятеля по введенію книгопечатанія въ Россіи.

1746. — День рожденія Песталоцци.

Песталоцци.

Генрихъ Песталоцци родился въ 1746 году 12-го января. Отецъ его былъ глазнымъ докторомъ въ городѣ Цюрихѣ и умеръ, когда Генриху Песталоцци было только шесть лѣтъ. Матери было трудно воспитывать и кормить семью, такъ что Песталоцци рано познакомился съ лишеніями. Онъ учился довольно туго, но прилежно, былъ добръ и легко привязывался къ людямъ. Изучивъ языки, теологію, юриспруденцію, земледѣльческія науки, онъ, по примѣру своего дѣда, хотѣлъ сдѣлаться пасторомъ, полагая, что въ этомъ званіи можно приносить наибольшую пользу людямъ; но проповѣди ему не удавались и потому онъ оставилъ это намѣреніе и посвятилъ всю жизнь свою на воспитаніе дѣтей. Для этой цѣли онъ жертво-

валъ всѣмъ, терпѣлъ самъ крайнюю нужду и за всѣ лишенія искалъ себѣ награды въ любви къ нему дѣтей. Въ 1775 году онъ пріобрѣлъ небольшой участокъ земли и тамъ устроилъ школу, въ которую принималъ безплатно всѣхъ бѣдныхъ дѣтей. Впослѣдствіи, за неимѣніемъ средствъ, онъ принужденъ былъ продать свою землю и лишенъ былъ возможности продолжать начатое дѣло. Въ 1798 году правительство обратило вниманіе на него и назначило его въ городъ Станцъ, для устройства пріюта для дѣтей, осиротѣвшихъ во время войны. Недолго прожилъ здѣсь Песталоцци: по случаю непрекращавшихся военныхъ дѣйствій домъ, назначенный для пріюта, обратился въ госпиталь для раненыхъ. Песталоцци пришлось распустить дѣтей, а самому переселиться въ Бернъ, а потомъ въ Ивердюнъ. Не смотря на свои преклонные лѣта и на разстроенное здоровье, онъ не переставалъ трудиться на избранномъ имъ поприщѣ.

Послѣднее воспитательное учрежденіе, основанное Песталоцци, былъ институтъ въ Ивердюнѣ, учрежденіе, доставившее ему наибольшую извѣстность и славу. Польза, приносимая Песталоцци, была очевидна, и потому всѣ, кто могъ, старались помѣщать туда дѣтей. Къ сожалѣнію, съ увеличеніемъ института распространился духъ несогласія между учащими такъ, что Песталоцци принужденъ былъ оставить Ивердюнъ и переселился въ Нейгофъ, туда, гдѣ началъ свою педагогическую дѣятельность. Онъ умеръ въ 1827 году, 82-хъ лѣтъ отъ роду. Заслуга Песталоцци заключается въ томъ, что онъ первый старался развить самодѣятельность въ своихъ ученикахъ, заботился, чтобы ученикъ понималъ цѣль изученія извѣстнаго предмета и знанія свои примѣнялъ къ дѣлу. Онъ много содѣйствовалъ улучшенію элементарнаго ученія и написалъ много прекрасныхъ сочиненій, въ которыхъ излагалъ свои мысли о воспитаніи.

Ночь передъ Рождествомъ.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ.
Голодный звѣрь въ ущельи выл.
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ.
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.
Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора:
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ.
Вдругъ отрокъ видѣнъ въ сторонѣ.
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И, мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.
«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
«Приди погрѣться къ намъ домой».
И онъ озябшаго беретъ.
Вотъ наконецъ онъ у воротъ!
Вотъ онъ вошелъ на миръ къ роднымъ
Съ гостищомъ, съ другомъ молодымъ.
У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
«Приди къ огню, поближе сядь;
«Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она—
И черезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй.
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И кришку съ жидкимъ молокомъ.
Ихъ полъ, для жданнаго денька,
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ
И также къ ужину ведетъ.
Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ. Дивный жаръ

Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.
Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена!
И смотритъ, смотритъ—что же съ нимъ?
Внезапно сталъ онъ весь другимъ:
Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело;
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ луговъ—
Привѣтный Ангелъ обнаженъ!
Какъ Божій рай, прекрасенъ онъ.
Денница радости взошла,
Въ сердцахъ надежда расцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.
Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
И я былъ въ ночь предъ Рождествомъ,
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ—
И онъ ужь старъ былъ, ужь сѣдѣлъ,
Но у того-жь стола сидѣлъ.
Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близъ него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ;
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ,
И вѣрилось—обитель та,
Какъ нѣкій храмъ, была свята.
Горѣла свѣчка на столѣ
(Одна лишь и была въ семьѣ!)

Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко,
Но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто?» я спросилъ.
«Тамъ, мнѣ сказали, Ангелъ былъ».

Я. Гротъ.

Одинокая жизнь.

Наступили послѣдніе дни передъ праздникомъ. Жители небольшаго городка Глухова оживились; лица ихъ какъ будто просвѣтлѣли, выражая заботу и безпокойство, но заботу и безпокойство веселья; походка стала оживленнѣе, шумнѣе. Даже бѣдняки забыли свою горемычную жизнь и нетерпѣливо ожидали наступавшій праздникъ. Впрочемъ для этихъ людей онъ былъ дороже, чѣмъ для людей богатыхъ; онъ былъ для нихъ настоящимъ праздникомъ, потому-что приносилъ имъ то, чего они не имѣли въ обыкновенные дни: онъ приносилъ имъ отдыхъ послѣ многихъ дней тяжелаго труда, вкусный обѣдъ послѣ грубой, невитательной пищи обыкновенныхъ дней, наконецъ обѣщалъ имъ кое-какія простыя, незатѣйливыя увеселенія послѣ многихъ скучныхъ, однообразныхъ дней, проведенныхъ въ трудѣ и горѣ отъ разныхъ лишеній. Передъ праздникомъ бѣдняки еще болѣе обыкновеннаго отказывали себѣ во всемъ, чтобы скопить нѣсколько лишнихъ копѣекъ для встрѣчи праздника. Послѣ праздника жить также будетъ тяжело, такъ какъ деньги будутъ истрачены; но кто-же рѣшится обвинять ихъ въ неразсчетливости, въ неблагоразуміи, кто упрекнетъ ихъ за то, что они хоть изрѣдка хотятъ испытать радость и удовольствіе въ своей жизни, бѣдной радостями и удовольствіями. Дѣти и богатыхъ, и бѣдныхъ родителей также не

отставали отъ взрослыхъ, даже еще болѣе послѣднихъ волновались въ ожиданіи праздника. Дѣти богатыхъ родителей мечтали о елкѣ, о тѣхъ лакомствахъ и игрушкахъ, которыя будутъ красоваться на ней; дѣти же бѣдныхъ людей устраивали звѣзды и вертепы, съ которыми собирались ходить по домамъ, славя Христа и разсчитывая получить за это деньги, на которыя можно будетъ купить орѣховъ, пряниковъ и другихъ лакомствъ. Въ каждомъ домѣ кухарки, горничныя, а гдѣ ихъ нѣтъ, то сами хозяйки, засучивъ рукава и подобравъ подолы платьевъ, мыли, чистили, скребли, снимали отовсюду паутину, стараясь придать жилищу насколько можно праздничный видъ. Въ лавкахъ была тѣснота порядочная; торговцы, несмотря на морозъ, стирали потъ со лба—до того они суетились и торговались съ покупателями; на базарной площади стояли крестьянскіе возы со всякою всячиной; тутъ были поросята, гуси, телята, овцы, свиньи — все это крестьяне привезли на съѣденье городскимъ жителямъ; были возы, нагруженные сѣномъ, соломою, дровами, мѣшками ржи, овса, однимъ словомъ—каждый крестьянинъ привезъ въ городъ все, что только могъ, надѣясь все это передъ праздникомъ продать и выручить деньги. Городскіе жители и жительницы ходили между возами, присматриваясь къ нагруженнымъ на нихъ товарамъ, спорили, торговали, нѣкоторые кричали, бранились и отъ этого на площади былъ сильный шумъ и говоръ. Итакъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Глуховѣ и старые и малые, и мужчины и женщины, и бѣдные и богатые волновались, хлопотали, ждали праздника; не волновался, не хлопоталъ одинъ только Антонъ Петровичъ Гущинъ. Онъ занималъ должность казначея, то есть чиновника, принимавшаго, выдававшаго и хранившаго казенныя деньги. Антонъ Петровичъ былъ лѣтъ пятидесяти, средняго росту, очень худощавый, съ желтымъ цвѣтомъ лица, которое было постоянно серьезно, даже угрюмо; никто не видѣлъ, чтобы на немъ появилась когда-нибудь хотя слабая улыбка; небольшіе сѣрые глаза смотрѣли изъ подъ густыхъ бровей холодно; говорилъ Гущинъ мало, только въ случаѣ крайней необходимости, въ разговоры же

ни съ кѣмъ не вступалъ, въ гости ни къ кому не ходилъ и у себя никого не принималъ. Многіе звали его сычемъ за его угрюмый нравъ и уединенную жизнь. Антонъ Петрович былъ честенъ, набоженъ, никого не обижалъ, никому ни дѣлалъ зла; всѣ уважали его, но никто не любилъ, да и самъ Антонъ Петровичъ не зналъ, что такое любовь; у него не было ни друзей, ни жены, ни дѣтей: онъ жилъ одинъ, какъ состарѣвшійся медвѣдь въ своей берлогѣ. Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Антонъ Петровичъ шелъ по улицѣ, отправляясь на службу; уткнувъ свой носъ въ воротникъ шубы, онъ, казалось, ни на кого и ни на что не обращалъ вниманія. Вокругъ него люди суетились, хлопотали, слышались шумъ и говоръ, а онъ шелъ себѣ мѣрною походкою въ свое казначейство, какъ дѣлалъ это каждый день, даже по воскресеньямъ, потому-что дома ему было скучно и онъ чувствовалъ себя хорошо среди счетныхъ книгъ да бумагъ. Антонъ Петровичъ вошелъ въ казначейство, гдѣ уже сидѣли шесть человѣкъ чиновниковъ, изъ которыхъ два были уже пожилыхъ лѣтъ, а четыре молодежь. Всѣ они не столько занимались дѣломъ, сколько разговоромъ; видно было, что дѣло нисколько ихъ не занимало, а занималъ наступающій праздникъ. Сидитъ который-нибудь, уткнувъ носъ въ бумаги или щелкая на счетахъ, и уже черезъ пять минутъ бросаетъ занятія и заводитъ разговоръ съ сосѣдомъ.—„А что, Поликарпъ Федосѣевичъ, говоритъ одинъ пожилой чиновникъ другому,—по чемъ нынче гуси?“.—„Да еще не прицѣнялся, Агафонъ Спиридоновичъ, отвѣчаетъ сосѣдъ, бросая занятія и съ видимымъ удовольствіемъ вступая въ пріятный разговоръ,—„говорятъ, что недорого“.—„Ну, славу Богу! я, знаете-ли, люблю гуська покупать“.—„Да ужъ безъ гуся какой-же праздникъ! Знаете, начинить его шинкованной капустой да хорошенько поджарить, чтобъ онъ подрумянился“, продолжаетъ чиновникъ, причмокивая и облизываясь.—„Нѣтъ, я съ яблоками люблю, замѣчаетъ другой,—съ яблоками вкуснѣе будетъ“. — „Да съ яблоками дороже“. — „Ну, разъ-то въ годъ можно разгуляться, потѣшить себя.

— Ты будешь на святкахъ наряжаться? спросилъ молодой чиновникъ близсидящаго товарища.

— Какъ-же, непремѣнно! быстро отвѣтилъ послѣдній, и лицо его приятомъ оживилось,—я жду не дождусь этого времени. Я ужь и костюмъ себѣ выбралъ.

— Какой?

— Не скажу; ты, пожалуй, всѣмъ раскажешь.

— Ей-Богу, не разскажу.

— Смотри-же не разсказывай! Представь себѣ — черный бархатный камзольчикъ выше колѣнъ и широкій черный поясъ съ серебряной пряжкой, потомъ черныя шелковыя штаны, черные шелковые чулки въ обтяжку и башмаки съ серебряными пряжками; на плечахъ будетъ накинутъ короткій черный бархатный плащикъ, а на головѣ беретъ съ чернымъ перомъ, съ боку шпага. Я ужь примѣрялъ его. Я, знаешь-ли, хочу себѣ маленькіе усики наклеить и маленькую бородку; вотъ только не знаю, гдѣ бы достать парикъ съ длинными локонами: городишка такой несчастный, что ничего въ немъ нельзя достать.

— А дорого за костюмъ взялъ?

— Пять рублей за вечеръ.

— Ой-ой-ой! Очень дорого.

— За-то я, братъ, передъ праздниками-то надъ каждой копѣйкой дрожалъ, однимъ хлѣбомъ съ водою питался да три ночи доктору статью переписывалъ—три рубля за это получилъ; ну, такъ вотъ такимъ образомъ и скопилъ себѣ на костюмъ. За-то костюмъ—прелесть; недаромъ говорится: дорого да мило, дешево да гнило. Вотъ только жаль—парика нѣтъ. Ну, а у тебя какой будетъ костюмъ?

— И самъ не знаю—денегъ нѣтъ, печально отвѣчалъ товарищъ.—Хочу просить у нашего сыча рублей пять впередъ изъ жалованья.

— Не дастъ.

— Я и самъ не очень-то разсчитываю, но все-таки хочу попытаться, можетъ быть—и удастся.

— Ну, ужь врядъ-ли: не такой человѣкъ нашъ сычъ, чтобы можно было его упросить: у него, кажется, и сердца-то совсѣмъ нѣтъ. И чего бы кажется, жалѣть: вѣдь не его деньги, казенныя—и по окончаніи мѣсяца вычтетъ ихъ, не пропадутъ. Ужь такой человѣкъ уродился: онъ, кажется, думаетъ, что какъ онъ живетъ сычемъ, такъ и всѣ должны жить. Ну, такъ ему ужь пятьдесятъ лѣтъ, а намъ только двадцать.

— Онъ, можетъ быть, и родился такимъ сычемъ, поэтому и не понимаетъ, что другимъ людямъ повеселиться на праздникѣ хочется. Да, плохо будетъ, если неудастся у него выпросить— тогда и праздникъ не въ праздникъ.

Въ эту минуту вошелъ Антонъ Петровичъ; всѣ чиновники встали и отвѣсили своему начальнику низкій поклонъ. Гущинъ кивнулъ головою и, ни на кого не взглянувъ, прошелъ въ другую комнату, гдѣ обыкновенно занимался одинъ.

— Тетушкинъ! послышался чрезъ нѣсколько времени голосъ Гущина. Одинъ изъ молодыхъ чиновниковъ всталъ и вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ его угрюмый начальникъ.—Это надо переписать поскорѣе, сказалъ Антонъ Петровичъ, подавая молодому человѣку довольно толстую тетрадь. Молодой человѣкъ даже испугался, взглянувъ на тетрадь.

— Когда-же теперь, Антонъ Петровичъ, переписывать? проговорилъ онъ робко.

— А что жь такое? спросилъ Антонъ Петровичъ.

— Праздникъ наступаетъ.

— Что жь, что праздникъ?

— Кто жь на праздникахъ работаетъ?

— Такъ вы, значитъ, гулять хотите? сурово промолвилъ Гущинъ.—А что бы вы заговорили, еслибы казна за всѣ праздники жалованья вамъ не давала?

— Пусть ужь лучше изъ жалованья вычитаютъ, чѣмъ всѣ праздники за работой сидѣть.

— Значитъ, вамъ деньги не нужны?

— Богъ съ ними и съ деньгами, если изъ-за нихъ нельзя повеселиться нѣсколько дней въ году; вѣдь это не жизнь была бы, а каторга.

— Вы лѣнивы, молодой человѣкъ, сказалъ Гущинъ.

— Нѣтъ, Антонъ Петровичъ, я въ будніе дни усердно работаю; а какъ на праздникахъ работать, когда всѣ люди веселиться будутъ? вѣдь это не часто бываетъ, разъ въ годъ. Ужь позвольте эту переписку до конца праздниковъ отложить.

— Я не имѣю права заставить васъ работать во время праздниковъ, потому-что законъ освобождаетъ васъ на эти дни отъ занятій; но все-таки я не одобряю вашей любви къ праздности— это до добра не доводитъ. Ступайте!

Молодой человѣкъ отправился на свое мѣсто; товарищи взглянули на него, улыбнулись, и притомъ подумали: „Нашъ старый сычъ готовъ уморить насъ работой; чужое веселье у него, кажется, поперегъ горла стало". Антонъ Петровичъ въ это время первый разъ въ жизни забылъ о своихъ занятіяхъ и задумчиво смотрѣлъ въ окно, выходившее на базарную площадь, на которой стояли возы и толкались покупатели. Первый разъ въ головѣ этого сурового человѣка появилась мысль: отчего же это всѣ ждутъ праздника, всѣ собираются веселиться, только онъ одинъ ничего не ждетъ, ничему не радуется? для него праздники будутъ скучнѣе обыкновенныхъ дней, потому-что придется просидѣть одному въ своей квартирѣ, гдѣ только одно живое существо— кухарка Матрена. Чувство тоски и одиночества первый разъ охватило Антона Петровича и заставило его съ завистью посмотрѣть на людей, проходившихъ мимо оконъ казначейства. Всѣ эти люди собирались проводить праздникъ въ кругу близкихъ людей, радость и счастье которыхъ были ихъ радостью и счастьемъ. Въ первый разъ въ жизни Антонъ Петровичъ понялъ, что истинная радость, истинное счастье заключается не въ нашемъ собственномъ благополучіи, а въ благополучіи другихъ. Тутъ-же у возовъ стояла бѣдная вдова, которую Антонъ Петровичъ зналъ, потому-что она жила противъ его квартиры. Бѣдная

женщина билась, какъ рыба объ ледъ, стараясь поддержать свое существованіе и существованіе трехъ маленькихъ дѣтей. Антонъ Петровичъ никогда не сочувствовалъ положенію бѣдной вдовы, не жалѣлъ ея; онъ говорилъ, что такихъ людей жалѣть не слѣдуетъ, что они сами во всемъ виновны и потому должны терпѣть: „зачѣмъ выходить за бѣднаго?“ Вдова стояла между возами и тоскливо смотрѣла на нихъ, какъ-бы не рѣшаясь, что ей купить къ празднику по своимъ средствамъ. Она подошла къ одному возу, поговорила съ торговцемъ и отошла; подошла къ другому возу и также отошла отъ него ни съ чѣмъ; наконецъ совсѣмъ ушла съ площади, грустно опустивъ голову —вѣрно, ничего не нашла по своимъ средствамъ. „Ужь сидѣла-бы дома, думалъ Антонъ Петровичъ, — очень нужно дразнить себя попустому! Нѣтъ денегъ—и не затѣвай, и не блажи. Вотъ пошла и носъ повѣсила, будто вдвое несчастнѣе стала... Ребятишки!.. конечно, ребятишки... оно, конечно...“

— Антонъ Петровичъ! послышался сзади Гущина робкій голосъ. Гущинъ вздрогнулъ отъ этой неожиданности и очень сконфузился, что его застали не за дѣломъ, а праздно глазѣющимъ въ окно.

— Что надо? спросилъ онъ съ досадой.

— Я къ вамъ, Антонъ Петровичъ, съ просьбой, проговорилъ молодой чиновникъ, робко приближаясь къ своему суровому начальнику.

— Ну?

— Позвольте мнѣ впередъ изъ жалованья...

— Нельзя.

— Очень надо, Антонъ Петровичъ.

— Зачѣмъ?

— Праздникъ наступаетъ, Антонъ Петровичъ: то, другое надо—а денегъ нѣтъ, взять негдѣ; думалъ перепиской что-нибудь заработать—никакой переписки не нашлось.

— Тѣмъ лучше, потому-что праздникъ проведете скромнѣе.

— Я, Антонъ Петровичъ, и не собирался кутить, а такъ только хотѣлось повеселиться—а безъ денегъ какое ужъ веселье, придется всѣ праздники проскучать; скука-то еще тяжелѣе покажется, когда будешь видѣть, что другіе веселятся. Ужъ не откажите, Антонъ Петровичъ, будьте такъ добры.

— Нельзя, нельзя, и не просите, проговорилъ Антонъ Петровичъ и сталъ еще внимательнѣе рыться въ бумагахъ.

Молодой человѣкъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ глубоко вздохнулъ и пошелъ на свое мѣсто. „Вѣдь вотъ тоже... заворчалъ про себя Антонъ Петровичъ, когда дверь затворилась.— знаю, что затѣи какія-нибудь у него въ головѣ, вздоръ какой-нибудь, а вѣдь просто совсѣмъ, совсѣмъ несчастнымъ смотритъ". Антонъ Петровичъ продолжалъ рыться въ бумагахъ, безъ всякой надобности, безъ всякой цѣли; онъ рылся только потому, что не зналъ, что дѣлать, за что приняться; мысли его были далеко отъ бумагъ, въ душѣ чувствовалось какое-то непривычное волненіе, котораго Антонъ Петровичъ до сихъ поръ не испытывалъ. Ему слышался вздохъ молодаго чиновника, и воображеніе рисовало нерадостныя картины; ему представлялась собственная жизнь во время праздниковъ, скучная, безрадостная—такая-же жизнь ожидала и молодаго чиновника; Антону Петровичу становилось жаль своего подчиненнаго, хотѣлось помочь ему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлось измѣнить издавна принятому правилу. Наконецъ Гущинъ рѣшился отогнать всѣ мысли, его волновавшія и мѣшавшія ему заниматься. Онъ принялся за работу, но скоро убѣдился, что работа не дается, вышло что-то такое совсѣмъ несообразное, въ родѣ того, что дважды два пять. Всякій, увидѣвши Антона Петровича сидящимъ праздно, сильно удивился бы; удивлялся и самъ Антонъ Петровичъ, не понимая, что такое творится съ нимъ. Такъ проходилъ часъ за часомъ, и время, назначенное для присутствія въ казначействѣ, приближалось къ концу.

— Агафоновъ! послышался голосъ Антона Петровича. Тотъ чиновникъ, который просилъ впередъ жалованья, быстро вскочилъ и пошелъ на зовъ. „Неужели дастъ"? промелькнуло у него

въ головѣ. Сладкая надежда разомъ согнала грусть съ молодаго лица. Чиновникъ вошелъ въ комнату Гущина, остановился у порога и тревожно устремилъ глаза на своего начальника, который сидѣлъ, склонясь надъ бумагами.

— Вотъ вамъ деньги, да смотрите—въ послѣдній разъ, сказалъ Антонъ Петровичъ, подавая молодому человѣку синій кредитный билетъ. На лицѣ Агафонова выразилась такая радость, что самъ Антонъ Петровичъ, взглянувшій въ эту минуту на своего подчиненнаго, почувствовалъ, какъ его собственное сердце забилось сильнѣе и даже что-то въ родѣ улыбки появилось на тонкихъ, сухихъ губахъ.

— Покорно благодарю, Антонъ Петровичъ, дай вамъ Богъ здоровья! сказалъ молодой человѣкъ веселымъ голосомъ. Войдя въ другую комнату, онъ высоко надъ головою поднялъ руку, торжественно помахивая синей бумажкой; отъ неожиданной радости онъ готовъ былъ привскочить до потолка и надѣлать другихъ глупостей, но боязнь, что Антонъ Петровичъ разсердится и, пожалуй, отниметъ деньги, остановила его. — Что за чудо? шептались между собою чиновники,—что это такое значитъ?— Антонъ Петровичъ вспоминалъ радостное лице своего подчиненнаго и отъ этого воспоминанія его собственное лицо становилось веселымъ, морщины какъ будто разглаживались, насупленныя брови приподнимались, а на сердцѣ было какъ-то особенно легко и тепло; Антонъ Петровичъ въ эти минуты переживалъ какое-то незнакомое ему чувство. „Ну, пусть гуляетъ, вѣдь еще молодъ!“ раздумывалъ онъ, какъ будто оправдывая себя за свою слабость. „Дѣйствительно, другіе люди будутъ веселиться, а ему пришлось бы скучать“. Насталъ конецъ присутствія. Антонъ Петровичъ сталъ укладывать свои бумаги, собираясь домой. Чиновники, увидя сборы своего начальника, оживились, засуетились, спѣша сложить разныя книги и кипы бумагъ въ столы и шкафы: они разставались съ ними на нѣсколько дней. Завтра присутствія не будетъ; завтра канунъ Рождества, который будетъ посвященъ на веселыя приготовленія къ наступающему празднику. Антонъ

Петровичъ вышелъ изъ своей комнаты и сталъ надѣвать шубу.

— Прощайте, Антонъ Петровичъ! раздались голоса чиновниковъ,—желаемъ вамъ весело встрѣтить и проводить праздники.

— И вамъ также, отвѣтилъ Гущинъ, ни на кого не смотря.

— Покорно благодарю, Антонъ Петровичъ, дай Богъ вамъ здоровья! не утерпѣлъ, чтобы не крикнуть счастливый молодой человѣкъ, получившій впередъ часть своего жалованья. Пожеланье весело встрѣтить и провести праздникъ произвело на Гущина непріятное впечатлѣніе; оно показалось ему насмѣшкой. Какое ему можетъ быть веселье на праздникахъ? Они знаютъ, какъ онъ проводитъ праздники; зачѣмъ же они пожелали того, чего быть не можетъ? Не въ духѣ шелъ Антонъ Петровичъ по улицѣ, не въ духѣ пришелъ и домой, гдѣ его встрѣтила немного отъ предпраздничной суеты вышившая Матрена. Были уже сумерки. Въ одной изъ двухъ комнатъ, занимаемыхъ Гущинымъ, былъ накрытъ столъ въ одинъ приборъ; посреди его горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Какъ-то холодно и неуютно показалось Антону Петровичу въ его жилищѣ, гдѣ онъ прожилъ столько лѣтъ одиноко, безъ всякихъ привязанностей, какъ отшельникъ, не чувствуя своего одиночества, не испытывая тоски и скуки, прожилъ мирно, спокойно, гордясь твердостью своего характера, честностью всѣхъ своихъ поступковъ, сознавая, что всѣмъ обязанъ самому себѣ, и безучастно смотря на страданья другихъ людей. Такъ думалъ онъ прожить всю свою жизнь, и вотъ вдругъ сегодня спокойствіе его нарушено, незнакомая тоска щемитъ сердце, чего-то недостаетъ, къ чему-то стремится душа. Антонъ Петровичъ снялъ абажуръ, чтобы больше освѣтить комнату; но свѣтъ сталъ рѣзать глаза, и Гущинъ опять прикрылъ лампу абажуромъ. Матрена подала кушанье. Антонъ Петровичъ сѣлъ за столъ, но ѣсть ему не хотѣлось.

— Что жь ничего не кушали? спросила Матрена, принося другое кушанье,—аль не по вкусу сготовила?

— Что-то не хочется, отвѣтилъ Гущинъ.

— Ну, это плохое дѣло, когда человѣкъ отъ ѣды отказывается; безъ ѣды и силъ не будетъ. Такъ, значитъ, убирать можно?

— Убирай.

— Только добро напрасно изведено, ворчала Матрена, убирая со стола,—знала бы, такъ и готовить не стоило.

Чрезъ нѣсколько минутъ со стола было убрано, и Антонъ Петровичъ остался одинъ. Онъ закурилъ сигару и сталъ ходить по комнатѣ изъ одного угла въ другой, потомъ легъ на диванъ, чтобы вздремнуть часокъ-другой, какъ это онъ всегда дѣлалъ послѣ обѣда, но на этотъ разъ сонъ не являлся. Гущинъ лежалъ, лежалъ, пока не надоѣло; тогда онъ всталъ и опять зашагалъ изъ одного угла въ другой; подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ вечернюю темноту.

Противъ него стоялъ старенькій деревянный домикъ съ мезониномъ. Въ этомъ мезонинѣ, состоявшемъ изъ одной комнаты и кухни, жила та бѣдная вдова, которую Антонъ Петровичъ видѣлъ сегодня на базарной площади. „Что-то, купила-ли она что-нибудь къ празднику?“ подумалъ Антонъ Петровичъ, смотря на освѣщенное окно мезонина. Онъ видѣлъ и вдову: она сидѣла у стола и пристально шила. „Безразсудно было выходить замужъ за бѣднаго человѣка, раздумывалъ Антонъ Петровичъ;—вотъ теперь и бейся, и мучься. Поступятъ такимъ образомъ безразсудно, а потомъ и начнутъ пенять на судьбу, жаловаться на бѣдность, а между тѣмъ сами во всемъ виноваты!“

Но эти суровыя разсужденія не такъ уже смѣло проходили въ головѣ Гущина, какъ прежде; жалость къ бѣдной, несчастной женщинѣ противъ воли закрадывалась въ душу Антона Петровича. Онъ хотѣлъ, по обыкновенію, привести въ примѣръ себя, какъ онъ прожилъ всю жизнь разсудительно, безъ увлеченій, и потому живетъ теперь спокойно и въ довольствѣ, но это сегодня у него какъ-то не выходило; онъ только началъ, но не кончилъ, потому-что не чувствовалъ прежняго довольства самимъ собою и своею жизнью: напротивъ, испытывалъ недовольство и тоску. Вошла Матрена.

— Что жь, Антонъ Петровичъ, покупать къ празднику что-нибудь будете? спросила она, останавливаясь у дверей и сложивъ руки на груди.

— Что жь такое покупать? отозвался Гущинъ.

— Что угодно; мало-ли теперь навезено всякой всячины— выбирайте любое: индѣйки, гуси, поросята, телятина—и мало-ли чего нѣтъ! что хотите, то и можно купить.

— Не знаю.

— Ну вотъ! кто жь, кромѣ васъ, будетъ знать-то? Вѣдь жены-то у васъ нѣтъ, чтобы о томъ и другомъ позаботилась, самимъ надо обо всемъ подумать — я не могу распоряжаться, пожалуй, еще не угожу какъ-нибудь. Ужь вы сегодня все скажите, потому-что одинъ день до праздниковъ остался — завтра все надо закупить да приготовить, вѣдь возни-то много будетъ.

— Да къ чему этовсе? кого угощать-то?

— Непремѣнно угощать! ну, сами покушаете.

— Для меня ничего не надо, досадливымъ тономъ проговорилъ Гущинъ.

— Ну, какъ же это не надо? съ упрекомъ возразила Матрена,—всѣ люди встрѣчаютъ праздникъ, какъ слѣдуетъ православнымъ, а вы то что же? татаринъ, что-ли, прости Господи?! Посмотрите, что ни есть бѣдные люди—и тѣ поровнъ, какъ-бы что-нибудь къ празднику особенное сдѣлать, чтобы онъ на будни не походилъ. А вы говорите, что ничего не надо. И такъ ужь словно монахъ живете, да ужь и на праздникахъ хотите хлѣбомъ съ водой питаться.

— Ну, покупай, что знаешь.

— Какъ же я на чужой счетъ покупать стану?

— Ничего, покупай.

— Такъ вы, значитъ, сами не будете покупать?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я куплю гуся да поросенка.

— Купи.

Матрена ушла. Гущинъ опять остался одинъ. Тоска все сильнѣе и сильнѣе сжимала его душу, точно камень навалился на человѣка и все давилъ его и давилъ. А вечеръ только-что начинался—онъ былъ длиненъ, этотъ зимній вечеръ; еще много оставалось времени до ночи, когда можно будетъ забыться во снѣ. Какъ убить этотъ вечеръ? Казенныя бумаги не занимали уже Антона Петровича, книгъ у него не было, потому-что онъ не любилъ ихъ и обыкновенно говорилъ, что въ нихъ написаны одни глупости и выдумки. Антонъ Петровичъ опять подошелъ къ окну и взглянулъ на противоположный мезонинъ,—вдова по прежнему прилежно шила. „И что она такое шьетъ?“ раздумывалъ Гущинъ, которому припала сегодня особенная забота о вдовѣ, тогда какъ прежде онъ не обращалъ на нее вниманія,—вѣроятно, наряды себѣ. Вотъ страшные, легкомысленные люди! Сегодня утромъ не могла рѣшиться, что купить, вѣрно—все было не по деньгамъ, а сама наряды шьетъ! И къ чему ей эти наряды? для чего она будетъ наряжаться? въ гости, что-ли, собирается? Есть нечего, а она о нарядахъ думаетъ! Пустая женщина.

Вечеръ тянулся минута за минутой. Антонъ Петровичъ напился чаю; потомъ развернулъ недавно купленный календарь на будущій годъ, чтобы узнать, когда въ будущемъ году будутъ пасха, великій постъ, масляница; сталъ перебирать свои вещи и бумаги,—и между этими занятіями все-таки поглядывалъ на окно мезонина. Вдова все сидѣла и шила; иногда она на минуту поднимала голову, смотря на дѣтей, говорила что-то имъ и опять принималась за шитье.

Становилось уже поздно; была пора ложиться спать. Антонъ Петровичъ, по обыкновенію, прежде чѣмъ лечь спать, закурилъ сигару и сталъ ходить по комнатѣ. Вдова продолжала шить; дѣтей около нея уже не было; они, безъ сомнѣнія, отправились на свои постельки и спали уже крѣпкимъ сномъ, видя, можетъ быть, веселые, пріятные сны! Долго въ этотъ вечеръ ходилъ Антонъ Петровичъ, потомъ долго не могъ заснуть и хотя наконецъ заснулъ, но скоро проснулся.

Первое, что ему бросилось въ глаза, это свѣтъ въ окнѣ мезонина. „Все еще шьетъ!“ подумалъ онъ и машинально зажегъ спичку, чтобъ посмотрѣть на часы, висѣвшіе у кровати на гвоздикѣ. Три часа. Спичка погасла. Въ комнатѣ у Антона Петровича мракъ, и только свѣтъ изъ мезонина какъ будто просится въ окно его спальни. Онъ пристально смотритъ по направленію свѣта, и необычныя мысли роятся у него въ головѣ. Онъ видитъ, какъ повременамъ вдова оставляетъ работу, проводитъ рукою по усталымъ глазамъ, потомъ встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ: должно быть, этими движеніями она старается разогнать одолѣвающій ее сонъ. Антонъ Петровичъ пробуетъ ворчать по старому. „Вотъ охота портить здоровье изъ-за глупыхъ нарядовъ!..“ Но ворчаніе какъ-то не выходитъ, что-то принужденное слышится въ немъ. Антонъ Петровичъ поворачивается къ стѣнѣ, старается заснуть, что однако удается еще не скоро.

— Что это такое вдова шила цѣлую ночь? заговорилъ Антонъ Петровичъ на другой день утромъ съ Матреной.

— Какая вдова? спросила Матрена, бывшая обыкновенно по утрамъ не въ духѣ.

— Которая напротивъ живетъ. Вѣрно, наряды себѣ?

— Да, какъ-же, есть ей когда о нарядахъ думать! Не до нарядовъ ужь тутъ, когда человѣку ѣсть иногда нечего.

— Такъ что же она шила-то цѣлую ночь?

— Что? Извѣстно, заказную работу. Вѣдь на дворѣ праздникъ, тоже хочется встрѣтить его какъ слѣдуетъ, по-христіански, а откуда денегъ возмешь. У бѣдныхъ людей деньги въ сундукахъ не лежатъ, а что успѣлъ заработать, то только и есть. Вы вотъ походите мѣсяцъ въ должность и знаете, что въ концѣ мѣсяца безпремѣнно свое жалованье получите, а у нея этого нѣтъ: есть работа—и кусокъ хлѣба есть, нѣтъ работы — и умирай съ голода. Да и что однимъ шитьемъ заработаешь? Ну, вѣдь тоже она мать — хочется и ребятишкамъ какое-нибудь удовольствіе къ празднику предоставить; вѣдь материнское сердце болитъ. Вамъ хорошо разговаривать, когда у васъ ни за собой, ни

передъ собой никого нѣтъ, одинъ какъ перстъ; а надо по-человѣчеству судить.

Антонъ Петровичъ слушалъ молча, ему стало совѣстно. Онъ вспомнилъ свою жизнь, когда былъ еще молодъ: сколько нужды и горя испытывалъ онъ въ то время, сколько ему приходилось трудиться, получая за свой трудъ самую ничтожную плату! Онъ выбился изъ своего положенія, но выбился почти на старости лѣтъ, цѣною огромныхъ усилій; и не въ этой ли борьбѣ съ разными препятствіями сердце его очерствѣло, чувства огрубѣли, здоровье пошатнулось! Матрена, проговоривъ свою горячую рѣчь въ защиту бѣдной вдовы и кончивъ уборку комнаты, ушла въ кухню. Антонъ Петровичъ ходилъ по комнатѣ, опустивъ голову на грудь. Вдругъ онъ остановился, встрепенулся, лицо его просіяло, глаза блеснули, въ движеніяхъ проявилась необычайная живость; казалось, что онъ помолодѣлъ лѣтъ на десять.

— Матрена! крикнулъ Гущинъ громко и весело.

— Что угодно? отозвалась кухарка.

— Ты не ходи покупать къ празднику, я самъ пойду.

— Какъ знаете.

Въ голосѣ Матрены слышалось недовольство, потому-что она надѣялась выторговать при покупкѣ нѣсколько копѣекъ къ праздникамъ и выпить на нихъ лишнюю рюмку водочки.

Антонъ Петровичъ сталъ одѣваться, чтобы выйдти изъ дому; въ движеніяхъ его была замѣтна торопливость, какъ будто онъ спѣшилъ по какому-то очень важному дѣлу; лицо все еще хранило веселое, даже радостное выраженіе; сейчасъ было замѣтно, что въ головѣ суроваго человѣка явилась какая-то хорошая мысль и оживила его.

Когда Антонъ Петровичъ вышелъ на улицу, ему казалось, что городокъ принялъ какой-то особенно веселый, праздничный видъ, точно его подновили, вычистили, покрасили—и снѣгъ былъ будто бѣлѣе, и дома новѣе, и воздухъ прозрачнѣе; между тѣмъ городокъ былъ такимъ-же, какъ и всегда, и ничто въ немъ не измѣнилось: измѣнилось только настроеніе духа Антона Петро-

вича, а потому ему казалось, что и вокругъ него все измѣнилось къ лучшему. Онъ очень привѣтливо раскланивался съ встрѣчавшимися знакомыми и даже не прочь былъ вступить съ ними въ разговоръ. Онъ чувствовалъ, что живетъ въ настоящее время одинаковою жизнью съ этими людьми, что и у него есть праздничныя заботы.

На углу улицы стояла старушка, просившая подаянія; она знала Гущина, знала, что онъ никогда не подастъ и потому не протянула къ нему руки за помощью; но Антонъ Петровичъ самъ остановился около нея и полѣзъ въ карманъ; доставъ портмоне, онъ вынулъ изъ него бумажку въ одинъ рубль и подалъ старушкѣ. Та съ удивленіемъ смотрѣла то на Антона Петровича, то на бумажку, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Берите, сказалъ Гущинъ.

— Это мнѣ? спросила старушка, не вѣря своимъ глазамъ.

— Вамъ.

— Все мнѣ?

— Все, все!

На лицѣ старушки выразилась такая радость, точно она получила большое богатство, которое можетъ вполнѣ обезпечить ея безпомощную старость, доставить ей полное довольство.

„Какъ обрадовалась“, раздумывалъ Антонъ Петровичъ, продолжая свой путь,— „точно Богъ знаетъ какую огромную сумму получила. И, вѣрно, глупая старушка истратитъ всѣ деньги сегодня,—накупитъ чего надо, чего не надо“.

Но въ этомъ разсужденіи не было прежней суровости, не было осужденія; напротивъ, въ немъ было нѣкоторое добродушіе, какъ въ ворчаніи добраго дѣдушки на расшалившихся внучатъ. Антонъ Петровичъ испытывалъ тихую радость, когда представлялъ, какъ старушка накупитъ того и другаго и потомъ какъ она будетъ пиршествовать завтра; никогда не испытанная отрада овладѣла имъ при мысли, что онъ хотя на одинъ день могъ сдѣлать человѣка счастливымъ. Часа черезъ полтора Антонъ Петро-

вичъ возвратился домой; сзади крестьянинъ несъ большую корзину, доверху нагруженную разными разностями.

— Ну, слава Богу! заворчала Матрена,—то ничего не надо было, а теперь чуть не цѣлый возъ накупили!

— Я знаю, что я дѣлаю, сказалъ Гущинъ, снимая шубу и калоши.

— Ваша воля, я такъ только сказала.

— Ты вынь-ка изъ корзины гуся и поросенка, продолжалъ, Антонъ Петровичъ,—а остальное все отнеси вдовѣ, что противъ живетъ.

— Какъ вдовѣ? спросила Матрена съ величайшимъ изумленіемъ, уставивъ глаза на своего хозяина.

— Ну, такъ, очень просто, возьми и отнеси.

— И въ толкъ ничего не возьму, продолжала удивляться Матрена.

— Да нечего тебѣ и брать, говорилъ Антонъ Петровичъ,—а дѣлай, что тебѣ велятъ. Что же, по-твоему грѣхъ бѣдному человѣку помочь?

— Какой тутъ грѣхъ! Только съ вами-то ничего такого не бывало—сколько лѣтъ у васъ живу.

— Ну, не разсуждай пожалуйста, а неси скорѣе. Скажи, что я на праздникъ посылаю.

Наконецъ, Антонъ Петровичъ успѣлъ спровадить Матрену: но только что она ушла, онъ воротилъ ее назадъ.

— Ты скажи, сказалъ онъ,—что это я посылаю ея дѣтямъ, а то она пожалуй обидится, не приметъ, если прямо послать.

— Вотъ еще обидится! За добро-то да обидится!

— Нѣтъ, ты все-таки лучше скажи, что это дѣтямъ посылается; скажи, что я очень люблю дѣтей и хочу доставить имъ удовольствіе.

— Отчего же не сказать—что прикажете, то и скажу.

Матрена ушла, съ трудомъ неся корзину, въ которой были гусь, поросенокъ, кофе, чай, сахаръ, конфекты, пряники и бутылка легкаго вина. По уходѣ Матрены, Антономъ Петровичемъ

овладѣло сильное волненіе; его тревожила мысль: какъ и что тамъ, въ мезонинѣ: приняла-ли вдова его подарокъ, или не приняла, довольна-ли она имъ, или нѣтъ? Ему очень хотѣлось бы присутствовать невидимкой при томъ, какъ Матрена будетъ передавать корзину вдовѣ; но такъ какъ сдѣлать это было нельзя, то онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать возвращенія кухарки, шагая большими шагами по комнатѣ и ежеминутно посматривая на мезонинъ. Наконецъ Матрена возвратилась.

— Ну, что? спросилъ Гущинъ.

— Велѣла васъ благодарить, очень, очень благодарить.

— Значитъ, довольна?

— Еще бы не быть довольной, получивши ни съ того ни съ сего эдакую пропасть всякой всячины. Ей и во снѣ-то не снилась такая благодать. На что бы ей самой то столько накупить!

— А дѣти?

— Извѣстно, ребятишки глупыя—скачутъ, кричатъ, въ ладоши хлопаютъ да суютъ свои носишки во всѣ мѣшечки и свертточки—такую суматоху подняли, что бѣда; а мать сама растерялась, слезы на глазахъ выступили, не знаетъ, что и дѣлать отъ радости. Однимъ словомъ, сдѣлали бѣднымъ людямъ праздникъ. Богъ наградитъ васъ за это если не на этомъ свѣтѣ, то на томъ.

Антонъ Петровичъ слушалъ все это и чувствовалъ такую отраду, какъ будто теплая волна обдавала его, прозябшаго, продрогшаго. Онъ былъ счастливъ такъ, какъ ни разу не бывалъ во всю свою жизнь. На радостяхъ ему захотѣлось порадовать и свою Матрену; поэтому онъ подарилъ ей три рубля вмѣсто одного, который онъ дарилъ въ прежнее время на праздники. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на повеселѣвшее лицо кухарки, которая разсыпалась передъ нимъ въ благодарностяхъ, желая ему всевозможныхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Никогда еще Антонъ Петровичъ не встрѣчалъ рождественскихъ праздниковъ такъ, какъ встрѣчалъ теперь. Прежде для него какъ будто и не существовали эти праздники: вся разница между ними и обык-

новенными днями заключалась въ томъ, что онъ не ходилъ въ должность; но это было для него не удовольствіемъ, не отдыхомъ, а мукой, потому-что онъ смертельно скучалъ, не зная, чѣмъ занять свое время, которое тянулось для него черепашьимъ шагомъ. Нынѣ же онъ былъ веселъ и доволенъ, совершенно въ праздничномъ настроеніи духа, и все оттого, что принесъ радость другимъ; эта радость вливалась въ его душу и оживляла его.

Расхаживая по комнатѣ и поглядывая на мезонинъ, Антонъ Петровичъ замѣтилъ, что дѣти вдовы прильнули къ стекламъ своего окна и таращили глазенки на его окна, какъ будто надѣясь увидѣть въ нихъ какое-нибудь чудо-юдо. Гущинъ подошелъ поближе къ окну и сталъ кивать дѣтямъ головою; дѣти разсмѣялись и стали переглядываться между собою, вѣроятно, дѣлая замѣчанія на счетъ чужаго дяди, приславшаго имъ къ празднику такъ много лакомствъ. Вдругъ Антонъ Петровичъ вздрогнулъ, точно его что кольнуло, и поспѣшно пошелъ въ кухню, гдѣ Матрена возилась съ поросенкомъ; лицо Антона Петровича сіяло: можно было подумать, что онъ получилъ какую-нибудь неожиданную радостную вѣсть.

— Знаешь что, Матрена? сказалъ онъ.

— А что такое?

— Я хочу устроить елку.

— Елку!? удивилась Матрена и пристально посмотрѣла на своего хозяина, подумавъ: «ужь не рехнулся ли онъ, чего Боже сохрани?»

— Да, елку.

— Для себя, что-ли?

— Нѣтъ, для дѣтей.

— Откуда же они у васъ проявились?

— Дѣтей вдовы приглашу, да у тебя нѣтъ ли какихъ-нибудь знакомыхъ изъ бѣдныхъ?

— И что это вамъ вздумалось?

— Отчего же не порадовать дѣтей? у богатыхъ будетъ елка—ну, пусть и у бѣдныхъ будетъ.

— Затѣйникъ вы, право, стали, проговорила Матрена, качая головой,—то цѣлую корзину всякой всячины ни съ того, ни съ другого послали, а теперь елку вздумали устроить.

— Развѣ это худо?

— Отчего худо? худого ничего нѣтъ: коли бѣдныхъ людей не забываете, и васъ Богъ не забудетъ.

Антонъ Петровичъ немедля отправился въ лавки для закупки разныхъ вещей на елку. Торговцы очень удивлялись, что суровый, нелюдимый казначей покупаетъ конфекты, пряники, яблоки и игрушки.

— Что это съ нашимъ сычемъ сдѣлалось? толковали они между собою.—И для кого онъ все это покупаетъ?

Антонъ Петровичъ не слышалъ этихъ насмѣшекъ и веселый, довольный возвращался домой, навьюченный, какъ верблюдъ, разной величины мѣшечками и сверточками. Попадавшіеся знакомые съ удивленіемъ смотрѣли на него, не понимая, для кого и для чего накупилъ Гущинъ столько вещей. Нѣкоторые спрашивали его объ этомъ, но Антонъ Петровичъ съ веселою усмѣшкой отвѣчалъ: — Секретъ, секретъ! нельзя сказать.

— Ну, вотъ, все закупилъ! вскричалъ Гущинъ, входя въ кухню.

— Никакъ вы всю лавку купили, замѣтила Матрена, оглядывая хозяина.

— Нѣтъ, много еще тамъ чего осталось. А теперь ты сходи въ рынокъ, да купи елку,—только смотри, выбери получше, которая попрямѣе да погуще.

Черезъ нѣсколько времени явилась и елка, наполнивъ комнату пріятнымъ смолистымъ ароматомъ. Антонъ Петровичъ сейчасъ-же принялся убирать ее; сталъ прикрѣплять яблоки, позолоченные и посеребренные орѣхи, конфекты, пряники, прикрѣплять свѣчи. Эта работа такъ заняла его, что онъ не замѣчалъ, какъ время бѣжало. Вѣроятно, елка доставляла ему столько-же удовольствія, сколько должна была доставить тѣмъ, для кого предназначалась. Наконецъ убранство елки было кончено, и Антонъ

Петровичъ отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, чтобъ посмотрѣть, какой общій видъ имѣетъ она. Ничего, вышло хорошо: орѣхи блестѣли, яблоки краснѣли, конфекты и пряники пестрѣли разными красками среди темной зелени.

— Матрена, поди-ка сюда! крикнулъ Гущинъ.

Матрена явилась.

— Посмотри-ка, каково-то вышло? спросилъ Антонъ Петровичъ, съ удовольствіемъ смотря на улыбающееся лицо кухарки.

— Просто распречудесно, отвѣтила Матрена.

— А еще какъ свѣчи-то зажгутся, продолжалъ Антонъ Петровичъ,—тогда еще лучше будетъ.

— Знатно, знатно, что и говорить.

— Такъ у тебя есть знакомыя бѣдныя дѣти?

— Какъ не быть! богатыхъ-то нѣтъ, а бѣдныя есть.

— Такъ пригласи ихъ, да и дѣтей вдовы тоже; только, смотри, не говори—зачѣмъ, а придумай что-нибудь; родителямъ-то скажи, а дѣтямъ не говори.

— Понимаю, понимаю.

— И когда они соберутся, то ты не пускай ихъ въ комнату, пока я самъ не отворю дверь—скажи, что будто я сплю.

Все исполнилось такъ, какъ желалъ Антонъ Петровичъ.

Часамъ къ семи вечера собрались въ кухню человѣкъ шесть дѣтей. Матери постарались придать имъ приличный видъ. Вымыли имъ руки и лица, причесали волосы и надѣли какія только были лучшія платья.

Дѣти сидѣли молча, потому-что чувствовали себя очень неловко въ чужомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что рѣшительно не понимали, зачѣмъ ихъ привели, такъ какъ имъ ничего не объяснили—только сказали, что надо непремѣнно идти; они съ нетерпѣніемъ ожидали, когда ихъ отпустятъ по домамъ.

— Ну, что присмирѣли? говорила Матрена.—Не бойтесь, ничего вамъ дурнаго не будетъ, а, можетъ, покажутъ такое чудо какого вы и отродясь не видывали.

— Какое же это чудо? спросилъ одинъ изъ дѣтей, посмѣлѣе другихъ.

— Ишь, какой прыткій! Такъ вотъ сейчасъ и скажу! отвѣчала Матрена.—Или уже сказать, что-ли, для праздника?

— Скажи!

— Собаку о четырехъ ногахъ!

Дѣти разсмѣялись.

— Такія-то чудеса мы каждый день видимъ, замѣтили нѣкоторыя изъ нихъ.

— Ну, что жь? это ничего, можете еще посмотрѣть, шутила Матрена.

Въ эту минуту дверь изъ другой комнаты отворилась и въ кухню ворвался цѣлый потокъ свѣта, такъ что въ первую минуту дѣти испугались: имъ показалось, что въ комнатѣ пожаръ.

— Войдите, войдите! раздался голосъ Антона Петровича, появившагося въ дверяхъ,—войдите сюда.

— Ну, что стопте, точно приросли къ полу, говорила Матрена, подталкивая дѣтей,—идите, когда зовутъ.

Дѣти робко, медленно подошли къ двери и вошли въ комнату—вошли и остолбенѣли: предъ ихъ глазами стояла елка, залитая огнями, блестящая, сверкающая.

— Елка! елка! крикнули самыя маленькія изъ дѣтей и захлопали отъ восторга въ ладоши.

Щечки ихъ покрылись яркимъ румянцемъ, глаза блестѣли невыразимою радостью. Не будь это въ чужомъ, незнакомомъ мѣстѣ, начались бы такіе крики, прыжки и скачки, что только уши береги; теперь же дѣти стояли какъ будто въ забытьи, уставивъ свои удивленные глаза на елку. Антонъ Петровичъ также забылся, смотря на дѣтей; по его губамъ бродила счастливая улыбка; онъ чувствовалъ такое блаженство, какого никогда еще не испытывалъ въ своей жизни. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ Гущинъ опомнился.

— Подходите, подходите ближе къ елкѣ, сказалъ онъ,—посмотрите на нее хорошенько: это вѣдь ваша елка, для васъ

опа приготовлена; веселитесь, скачите, прыгайте, я буду очень радъ.

Въ голосѣ Антона Петровича слышалась такая доброта, такая привѣтливость, что дѣти сдѣлались смѣлѣе и стали одинъ за другимъ подходить къ елкѣ.

— Смотри, Ваня, какой козелъ бородатый виситъ, говорилъ одинъ мальчикъ другому, показывая на игрушку, изображавшую козла.

— А кукла-то, кукла-то какая! вскричала маленькая дѣвочка, дочь вдовы,—точно живая!

— Ахъ, братцы, посмотрите-ка, какой тутъ медвѣдь виситъ!

— Медвѣдь! медвѣдь! кричали дѣти,—у, мишка косолапый! А покажи-ка, какъ мальчишки горохъ воруютъ!

Подали чай и цѣлый ворохъ булокъ.

— Принимайтесь-ка, дѣтушки, за чай, сказалъ Антонъ Петровичъ.—Не церемоньтесь, кушайте, сколько хотите: булокъ, какъ видите, много, а чаю можно еще налить.

Дѣти не заставили долго упрашивать себя: они сейчасъ-же принялись уписывать за обѣ щеки булки и прихлебывать сладкій чай. Аппетитъ у нихъ былъ славный, потому-что ихъ желудки не были испорчены разными сладостями: ну, да и сладкій чай съ булками былъ для нихъ большою рѣдкостью, такъ что нельзя было не отдать чести такимъ вкуснымъ вещамъ и не истребить ихъ въ порядочномъ количествѣ.

— Ну, что, нравится вамъ елка? спросилъ Гущинъ.

— Нравится! нравится! послышались веселые голоса.

Нѣкоторыя же изъ дѣтей не могли ни слова выговорить, а только мычали, да кивали головой, потому-что ихъ рты были набиты булками и сухарями.

Между тѣмъ свѣчи начали гаснуть; елка болѣе и болѣе стала терять свой сіяющій, блестящій видъ: въ комнатѣ становилось темнѣе и темнѣе.

— Ужь и свѣчи догораютъ, говорили дѣти, и въ топѣ ихъ голоса слышалась печаль.

— Да, догораютъ, промолвилъ Антонъ Петровичъ, которому и самому немного всгрустнулось.

Но дѣтская печаль мигомъ исчезла, какъ только Антонъ Петровичъ сталъ одѣлять своихъ маленькихъ гостей игрушками и лакомствами. Надѣленныя каждый порядочнымъ узелкомъ, дѣти шумною толпою вышли изъ квартиры Гущина, веселые и довольные; еще нѣсколько минутъ на улицѣ слышались ихъ голоса, пока наконецъ не разошлись всѣ по домамъ.

Антонъ Петровичъ опять остался одинъ. Сейчасъ было такъ шумно, весело, свѣтло; казалось, что даже стѣны-то удивляются такому невиданному зрѣлищу—и вдругъ снова воцарилась прежняя мертвая тишина; тихая грусть охватила сердце Антона Петровича. Хотѣлось ему съ кѣмъ-нибудь поговорить, передать свои чувства, но около него никого не было, кромѣ Матрены; съ Матреной-же разговаривать нельзя было, потому-что она успѣла къ вечеру проглотить лишнюю рюмочку и разговаривать не могла, такъ какъ ничего не понимала.

Было только девять часовъ: оставалось еще два часа до одиннадцати, когда Антонъ Петровичъ обыкновенно ложился спать. Онъ закурилъ сигару и сталъ ходить по комнатѣ, раздумывая о сегодняшнемъ днѣ. Грусть его стала мало-по-малу проходить, когда его мысли останавливались на вдовѣ, на старушкѣ, встрѣченной на улицѣ, на сейчасъ бывшихъ у него дѣтяхъ; всѣ эти люди были счастливы и довольны, получивъ неожиданную помощь, которая дастъ имъ возможность провести завтрашній день лучше обыкновеннаго, отличить праздникъ отъ будней: они вспомнятъ завтра о человѣкѣ, отъ котораго пришла помощь, и помянутъ его добрымъ словомъ. Антону Петровичу представлялись просвѣтлѣвшія лица этихъ людей, обыкновенно отуманенныя горемъ и заботами, и на сердцѣ у него становилось тепло и отрадно. Онъ немного сдѣлалъ: онъ сдѣлалъ нѣсколько человѣкъ счастливыми на одинъ, на два дня; пройдутъ праздники, и горе да нужда снова схватятъ бѣдныхъ людей въ свои желѣзные тиски; но онъ больше ничего не можетъ

сдѣлать. Еслибы онъ обладалъ богатствомъ или властью, онъ готовъ бы былъ, кажется, всѣхъ бѣдныхъ людей сдѣлать довольными и счастливыми, избавить ихъ навсегда отъ нужды и горя, устроить ихъ такъ, чтобы они не имѣли надобности унижать свое достоинство, принимая подаяніе отъ богатыхъ людей, потому-что, съ какимъ бы добрымъ чувствомъ ни дѣлалось то или другое благодѣяніе, оно все-таки унижаетъ бѣднаго человѣка, ставитъ его въ зависимость отъ благодѣтеля; благодѣтель часто невольно, самъ того не сознавая, смотритъ на облагодѣтельствованнаго, какъ на человѣка, стоящаго ниже его.

Съ сердцемъ, смягченнымъ и какъ-бы расцвѣтшимъ подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ чувства любви къ страждущимъ, Антонъ Петровичъ легъ спать и скоро уснулъ.

Проснувшись на другое утро, Антонъ Петровичъ по привычкѣ намѣревался собираться въ казначейство, не успѣвъ еще ничего сообразить послѣ крѣпкаго сна; но, взглянувъ въ окно, замѣтилъ, что улица пуста—не видно на ней людей, спѣшащихъ къ своимъ занятіямъ. Тутъ только вспомнилъ Гущинъ, что сегодня праздникъ; вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ онъ о вдовѣ, о старушкѣ, о дѣтяхъ, бывшихъ у него на елкѣ. Представились ему ихъ веселыя, довольныя лица, ихъ хлопоты по приготовленію праздничнаго обѣда, и на душѣ его, вмѣсто скуки и тоски прежнихъ лѣтъ, стало весело и отрадно.

„Однако что же я стану дѣлать сегодня?!“ раздумывалъ Антонъ Петровичъ, сидя за утреннимъ чаемъ. — „Ну, схожу къ обѣднѣ, потомъ обѣдъ, да и обѣдать придется одному. Пригласить некого; всякій хочетъ обѣдать съ своимъ семействомъ, съ родственниками или по крайней мѣрѣ съ короткими знакомыми; а у меня и знакомыхъ-то короткихъ нѣтъ, такъ только со всѣми, что называется, шапочное знакомство: здравствуй да прощай!..“

— Къ вамъ ребятишки пришли, сказала появившаяся въ дверяхъ Матрена.

— Какіе ребятишки?

— Вдовые.

— Зови, зови ихъ! проговорилъ Антонъ Петровичъ съ прояснѣвшимъ лицомъ.

Чрезъ минуту въ комнату вошли два сына и дочь вдовы. Они вошли робко, застѣнчиво, опустивъ головы и смотря на Антона Петровича исподлобья, точно забодать его собирались.

— Маменька приказала съ праздникомъ поздравить, выговорилъ старшій изъ мальчиковъ, не переводя духа, точно выдолбленный урокъ, котораго не понималъ.

— Поблагодарите маменьку, отвѣтилъ Антонъ Петровичъ,— и отъ меня ее поздравьте.

— Покорно благодаримъ за елку, тѣмъ-же тономъ проговорилъ мальчикъ.

— А понравилась она вамъ?

— Да.

— А видали ее во снѣ?

Дѣти переглянулись между собою и улыбнулись.

— Я видѣла, бойко сказала маленькая дѣвочка.

— Видѣла! повторилъ Антонъ Петровичъ и взялъ ее къ себѣ на колѣни.

Дѣти перестали дичиться его и стали весело болтать и разсказывать. Явились и другіе дѣти, бывшія вчера на елкѣ; они также пришли поздравить Антона Петровича съ праздникомъ и поблагодарить за елку.

Такимъ образомъ Антонъ Петровичъ встрѣчалъ праздникъ среди дѣтей, весело болтавшихъ вокругъ него; веселый говоръ и смѣхъ оживляли холостую квартиру Гущина, и угрюмый хозяинъ этой квартиры не узнавалъ своего жилища: оно казалось новѣе, чище, свѣтлѣе, точно его передѣлали и перекрасили, оклеили свѣжими обоями, поставили новую мебель.

Хорошо было Антону Петровичу, но надо было собираться въ церковь—и онъ съ сожалѣніемъ принужденъ былъ распрощаться съ своими маленькими гостями.

— Вотъ не забыли же меня! думалъ Гущинъ, одѣваясь,—пришли поздравить, поблагодарить; это хорошо съ ихъ стороны,

похвально, что для перваго дня праздника доставили мнѣ удовольствіе.

Антонъ Петровичъ былъ уже въ передней, надѣлъ шубу и собрался сунуть ноги въ калоши, какъ вдругъ раздался звонокъ.

„Кто-бы это?!“ подумалъ Гущинъ.

— Поди, Матрена, отвори—скажи, что къ обѣднѣ иду.

Антонъ Петровичъ услышалъ голосъ молодого чиновника, которому онъ вчера далъ 5 рублей въ счетъ жалованья.

— Дома баринъ?

— Къ обѣднѣ идутъ.

Молодой человѣкъ началъ что-то говорить Матренѣ, но Антонъ Петровичъ самъ вышелъ.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, заговорилъ молодой человѣкъ.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣтилъ Антонъ Петровичъ, протягивая руку и, какъ-бы не зная, что сказать, прибавилъ:— а вотъ я къ обѣднѣ!

— Я тоже въ церковь иду, сказалъ Агафоновъ.

— Ну, такъ вмѣстѣ пойдемте, сказалъ Антонъ Петровичъ.

Это приглашеніе было не совсѣмъ-то по вкусу молодому человѣку, потому-что въ присутствіи суроваго начальника, онъ чувствовалъ себя какъ-то несвободно, словно на него надѣли узкое платье. Дорогой старикъ не могъ воздержаться отъ обычныхъ своихъ разсужденій, но они говорились совершенно благодушнымъ тономъ.

— Вотъ это хорошо, очень хорошо, молодой человѣкъ: не забыли старика, а что всего лучше, такъ это то, что вы въ церковь ходите.

— Я, Антонъ Петровичъ, постоянно...

— И отлично! и не оставляйте этого, потому нынче молодые люди очень легкомысленны стали: имъ бы только покутить да поболтать, а на серьезное ихъ не хватаетъ...—И Антонъ Петровичъ всю дорогу говорилъ добрыя рѣчи молодому человѣку, а

когда подошли къ церкви, очень дружелюбно пожалъ Агаѳонову руку на прощанье.

Горячо молился въ этотъ рождественскій праздникъ старикъ. Повременамъ у него даже показывались слезы, и онъ украдкой утиралъ ихъ платкомъ. Это были благодатныя слезы, вызванныя теплымъ чувствомъ, охватившимъ его душу.

Чужими радостями согрѣлась эта очерствѣвшая отъ горькой жизни душа и, разъ почувствовавъ отрадное тепло простаго добра, она уже не въ состояніи была вернуться къ прежнему образу своего существованія.

Придя послѣ обѣдни домой, Антонъ Петровичъ такъ сильно почувствовалъ свое одиночество, свое безцѣльное, никому ненужное существованіе, что очень и очень серьезно задумался, какъ бы все это перемѣнить.

Случайныя радости, испытанныя имъ въ эти два дня, не могутъ повторяться и въ слѣдующіе дни: вѣдь елокъ не станешь каждый день дѣлать — и денегъ не хватитъ, и неразумно, да каждый день нигдѣ и не бываетъ елокъ.

Эти и имъ подобныя мысли постоянно стали бродить въ головѣ одинокаго старика, а душа томилась и рвалась куда-то и къ чему-то.

Послѣ этихъ счастливыхъ рождественскихъ праздниковъ, суровый казначей былъ неузнаваемъ: добрѣе смотрѣлъ онъ, порой улыбался, привѣтливѣе относился къ окружающимъ и хотя попрежнему былъ требователенъ и строгъ, но уже часто самъ заговаривалъ съ подчиненными и даже шутилъ.

Агаѳоновъ увѣрялъ своихъ товарищей, что такая перемѣна въ ихъ начальникѣ произошла съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ пять рублей впередъ въ счетъ жалованья.

— Въ добрый-же часъ попросилъ ты у него, замѣтили на это товарищи.

Антонъ Петровичъ между тѣмъ думалъ свою крѣпкую думу и даже иногда, идя къ должности или обратно, останавливался на базарѣ и какъ будто что-то смотрѣлъ и наблюдалъ; частенько

сталъ заговаривать и съ купцами и съ другими людьми, которымъ бывало еле поклонится.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Наступила весна; растворились окна. У Антона Петровича ежедневная радость: онъ разговариваетъ каждое утро съ дѣтьми вдовы, своими знакомыми, и это его первое дѣло, какъ встанетъ съ постели; подойдетъ, къ окну, отворитъ, напротивъ тоже окно отворится — и начинаются здорованье и разговоры. Онъ познакомился такимъ образомъ и съ матерью этихъ дѣтей и даже разъ, подъ какимъ-то выдуманнымъ предлогомъ, зашелъ къ ней. Разъ увидѣвъ житьебытье бѣдной семьи, нетрудно было понять всѣ ея нужды, борьбу бѣдной женщины съ этими нуждами, безконечный, безпокотный трудъ ея ради дѣтей, ради ихъ жалкаго существованія изо дня въ день.

Однажды Антону Петровичу пришла мысль жениться на этой бѣдной женщинѣ, но онъ недолго останавливался на этой мысли.

— Нѣтъ, нѣтъ! заворчалъ онъ. — это не то, нѣтъ, пусть ее работаетъ; я лучше ей такъ стану помогать. Мужа своего покойнаго она любитъ и теперь, потому-что память его чтитъ, каждое воскресенье на кладбище ходитъ и водитъ съ собой дѣтей. Если она и пойдетъ за меня, то, значитъ, отъ нужды это сдѣлаетъ, а этого мнѣ не надо...

Антонъ Петровичъ, безъ вѣдома вдовы, захлопоталъ о зачисленіи ея дѣтей на казенный счетъ; когда же это было обѣщано ему, то пришелъ къ ней за бумагами и совершенно разстроилъ бѣдную женщину. Она такъ расплакалась, что и говорить не могла, а бросилась цѣловать его руки.

— Ну, полноте, полноте, уговаривалъ ее Антонъ Петровичъ;— это вѣдь не я, я тутъ ни причемъ: вѣдь это не отъ меня зависитъ.

Но съ этой поры онъ сталъ для вдовы близкимъ человѣкомъ: она считала его покровителемъ своимъ и своихъ дѣтей, съ теплой молитвой о ниспосланіи ему счастья упоминалось его имя въ бѣдномъ жилищѣ каждое утро и каждый вечеръ. Дѣти совершенно привыкли къ Антону Петровичу, а маленькая дѣвочка до того его

полюбила, что разъ, когда они всѣ вмѣстѣ съ матерью провели вечеръ у Антона Петровича, что стало повторяться чаще и чаще, просто не хотѣла идти домой, и старикъ упросилъ мать оставить дочь ночевать у него. И безпокоился-же онъ эту ночь! Ему все казалось, что маленькой гостьѣ неудобно; онъ все прислушивался, спитъ-ли она, и утромъ, когда дѣвочка проснулась, взялъ ее на руки прямо изъ постели, поднесъ къ окну и показалъ матери.

Радостямъ въ этотъ день не было конца. Кстати это было воскресенье и поэтому на службу не надо было идти. Вмѣсто того, старый и малый, взявшись за руки, преважно поплелись къ обѣднѣ.

Объ этихъ продѣлкахъ суроваго казначея, разумѣется, въ городѣ поговорили не мало. Городишко маленькій, интересовъ въ немъ нѣтъ, всякаго знаютъ, до всякаго дѣло.

Но какъ всему въ мірѣ, такъ и этимъ толкамъ суждено было кончиться, тѣмъ болѣе, что въ городъ пріѣхалъ новый начальникъ, явились новые толки и, конечно, болѣе интересные. А нашъ старый казначей постарому ходитъ въ должность, но живетъ уже по новому: у него есть друзья, есть люди, которые безпокоятся, здоровъ-ли онъ, хорошо-ли ему, и безпокоятся отъ души. У него есть дѣти, которыхъ онъ полюбилъ всею душою, и маленькую дѣвочку даже такъ балуетъ, что сама мать иной разъ скажетъ:

— Да что это вы, Антонъ Петровичъ! совсѣмъ мою дочку избалуете!

Антонъ Петровичъ только улыбается да приговариваетъ: — Ну, ничего, ничего!..

Да, Антонъ Петровичъ зажилъ подъ старость лѣтъ новою, болѣе радостною жизнью, и только порой набѣгала на него грусть. Это случалось въ тѣ минуты, когда онъ вспоминалъ свою безотрадную молодость, не согрѣтую ни чужой привязанностью, ни любовью къ другимъ.

Н. Ивановъ.

Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ.

Соборы

Казанскій и Исаакіевскій въ С.-Петербургѣ и храмъ Спасителя въ Москвѣ.

Когда человѣкъ начинаетъ сознательно оглядываться вокругъ себя, онъ видитъ, что лучшія зданія—храмы. Это сразу бросается въ глаза и въ селѣ и въ городѣ. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ храмы созидаются общими усиліями и для общей молитвы Тому, отъ Кого получается все.

Исчезаютъ города—разрушаются, гибнутъ, но если что и уцѣлѣетъ отъ разрушенія, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ и останутся одни развалины, то это большею частью храмы.

По развалинамъ можно иногда судить о великолѣпіи зданія.

Бываетъ и такъ, что отъ прежняго великолѣпія не останется никакого слѣда, но память о величіи сооруженія сохраняется не только сотни лѣтъ, но и тысячи.

Вспомнимъ, напримѣръ, изъ ветхозавѣтной исторіи храмъ Соломона.

Есть и въ настоящее время такіе храмы, о которыхъ знаетъ всякій образованный человѣкъ. Кто не слыхалъ о соборѣ Петра въ Римѣ, о Софійскомъ храмѣ въ Константинополѣ, о соборахъ миланскомъ, кельнскомъ и др.?

Все это такія сооруженія, на которыя потрачено много лѣтъ, много усилій умовъ и талантовъ и которыми можетъ гордиться страна.

У насъ русскихъ было и теперь есть немалое количество достойныхъ глубокаго вниманія церквей и соборовъ. Есть церкви, которыя не только повѣствуютъ о силѣ таланта строителей, но и свидѣтельствуютъ о великихъ событіяхъ того времени, когда онѣ были воздвигнуты.

Русскому человѣку нужно знать свои церкви—въ нихъ вся исторія нашего отечества.

Многія изъ нихъ находятся на мѣстѣ событій и служатъ вѣковымъ ихъ памятникомъ. Иногда въ мало населенной глуши вы находите храмъ, построенный по случаю какого-нибудь особеннаго историческаго момента.

Посѣщая же церкви Кіева, Новгорода, Пскова, первопрестольной Москвы и наконецъ Петербурга, вы идете какъ-бы по стопамъ исторіи своей родины.

Немногіе изъ насъ къ сожалѣнію могутъ понимать красоты не только древней архитектуры, но даже древней живописи. Нужно произведеніе великаго мастера, чтобы сразу, произвести должное впечатлѣніе на всякаго и чтобы къ потемнѣвшимъ краскамъ приковать взоръ человѣка, случайно взглянувшаго на изображеніе. Большею частью мы какъ-то невнимательно относимся къ тому, что насъ окружаетъ въ какомъ-нибудь древнемъ храмѣ; насъ поражаютъ размѣры, формы, новизна невиданной нами старины, что-то необычайное, что-то, къ чему чувствуется невольное уваженіе, но къ внимательному разсмотрѣнію чего у насъ не хватаетъ

терпѣнія. Происходитъ это большею частью отъ нестроты нашей жизни, отъ неумѣнія вообще сосредоточиться около того, что легкому познанію не подчиняется. Противъ этого необходимо бороться, необходимо пріучать себя смолоду серьезнѣе оглядываться вокругъ себя и уважать старину свою не на словахъ, а дѣйствительно изучать ее. Только тотъ станетъ понимать настоящее и приготовится къ будущему основательно, кто выучится цѣнить прошедшее и будетъ его знать.

Не нужно для этого ходить далеко. Въ Петербургѣ есть такія громадныя сооруженія послѣдняго времени, которыя могутъ воспитать въ этомъ отношеніи каждаго изъ насъ. О Москвѣ и говорить нечего. Храмы Москвы, начиная съ Василія Блаженнаго и кончая новымъ соборомъ Спасителя, представляютъ неисчерпаемый источникъ знанія родины, и посѣщеніе ихъ съ серьезнымъ желаніемъ ознакомиться съ сокровищами историческими и художественными не только научитъ каждаго, какъ ему смотрѣть на дорогую родную старину, но и возбудитъ рядъ незнакомыхъ ему интересовъ, которые осмыслятъ жизнь.

Каждый въ своемъ родномъ краю, менѣе счастливый въ этомъ отношеніи, найдетъ однако иногда въ городѣ, а иногда за городомъ храмъ, въ которомъ ему не разъ случалось бывать и который однако онъ не потрудился осмотрѣть съ должнымъ вниманіемъ. Онъ знаетъ, что въ храмѣ этомъ вѣнчался его отецъ, онъ помнитъ, что въ немъ отпѣвали его дѣдушку, помнитъ много выдающихся дней своей собственной жизни, когда онъ бывалъ въ этомъ храмѣ; но онъ не знаетъ его исторіи, не знаетъ его сокровищъ, а они существуютъ для того, кто дальше своей родины нигдѣ не былъ. А если есть близко монастырь, старый хранитель вѣковыхъ памятниковъ, то знакомство съ его исторіей можетъ принести громадную пользу.

Есть большія сочиненія о русскихъ храмахъ, есть отдѣльныя книги о болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ, но для насъ съ вами это мало доступно. Придетъ время, когда всякій желающій познакомиться съ драгоцѣнными сооруженіями своей родины

будетъ имѣть необходимыя указанія въ особыхъ недорогихъ изданіяхъ, а пока не станемъ раздумываться и пойдемъ посѣтимъ хотя бы наши столичные соборы.

Начнемъ съ Казанскаго и начнемъ съ него потому, что икона Казанской Божьей Матери считается дорогою святынею русскаго народа. Великолѣпное зданіе Казанскаго собора выстроили и украсили живописью и изваяніями одни русскіе мастера и художники безъ участія иностранцевъ. Вся царская семья глубоко чтитъ икону Казанской Божьей Матери. Ѣдетъ-ли Государь далеко изъ города — передъ отъѣздомъ бываетъ въ Казанскомъ соборѣ; возвращается-ли изъ путешествія, онъ прежде всего заѣзжаетъ въ Казанскій соборъ. При торжественномъ въѣздѣ въ столицу Государыни Цесаревны, когда она была невѣстой Наслѣдника, первый ея шагъ въ столицу былъ къ этой чудотворной иконѣ, такъ какъ поѣздъ останавливался у собора; вся царская семья выходила въ Казанскую церковь прежде, нежели невѣсту ввели въ зимній дворецъ. Словомъ во всѣхъ важныхъ событіяхъ въ царской семьѣ Государь молится передъ этою иконою Богоматери.

Въ настоящее время прошло ровно 300 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ икона эта извѣстна на Руси, такъ какъ она обрѣтена въ нѣдрахъ земли въ 1579 г. въ царствованіе Іоанна Грознаго, сынъ котораго Ѳеодоръ соорудилъ на мѣстѣ ея обрѣтенія въ Казани женскій Богородскій монастырь.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, не имѣвшаго дѣтей, не было наслѣдника престола, такъ какъ братъ его Димитрій Іоанновичъ 7-ми лѣтнимъ ребенкомъ былъ убитъ въ Угличѣ. Настало тяжелое время для нашего отечества. Правдою и неправдою престолъ царскій занимается Борисомъ Годуновымъ, который былъ женатъ на сестрѣ Ѳеодора Іоанновича и который при жизни Ѳеодора правилъ государствомъ. Сосѣдняя Россіи Польша воспользовалась случайнымъ положеніемъ Бориса на престолѣ и, распустивъ слухъ, что Димитрій живъ, съ самозванцемъ во главѣ послала полки свои на Россію и овладѣла Москвой. Но тогда вся русская

земля возстала и двинулась для освобожденія столицы. Это было въ 1612 году. Знакъ къ этому движенію былъ данъ въ Нижнемъ Новгородѣ простымъ русскимъ человѣкомъ Кузьмою Мининымъ, который вышелъ на площадь и призвалъ всѣхъ горожанъ пожертвовать кто что можетъ изъ своего имущества для сооруженія ополченія. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ историческомъ моментѣ въ романѣ Загоскина «Юрій Милославскій»:

«Темноголубыя небеса становились часъ-отъ-часу прозрачнѣй и бѣлѣе: величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца осыпалъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня—дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ русской первый общій кликъ: «умремъ за вѣру православную и святую Русь!» Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій—все чаще, все сильнѣе... Призывный гулъ промчался по всей окрестности—и все ожило въ Нижнемъ Новгородѣ. Какъ бурное море, зашумѣлъ и заволновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные—всѣ тѣснились вокругъ лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: «вотъ онъ!.. вотъ Кузьма Мининъ! глядите! вотъ онъ!»—Человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны, и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади, шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише, тише — и чрезъ нѣсколько минутъ липенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе! началъ такъ безсмертный Мининъ.—Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стопать подъ ярмомъ иновѣрцевъ?.. Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя, многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ-ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?.. Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ! нѣтъ! загремѣли тысячи голосовъ.—Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!..

— Итакъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!.. Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Нурецкой волости, у князя Димитрія Михайловича Пожарскаго: едва исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозою на супостата... Граждане нижегородскіе! хотите-ли его имѣть главою? любъ-ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій?

— Хотимъ! хотимъ! Онъ любъ намъ! воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братіи! продолжалъ Мининъ.—Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земнаго? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все наше злато и серебро; а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ. Вотъ все, что я имѣю! продолжалъ онъ, бросивъ на лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряною монетою,—и пусть выступитъ желающій купить домъ мой: съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ,

а Нижнему Новгороду, и я самъ, мы всѣ, вся кровь наша—земскому дѣлу и всей землѣ русской!

— Отдадимъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса.—Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую! воскликнулъ весь народъ.

Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня и печерскій архимандритъ Ѳеодосій, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: „Царю небесный! утѣшителю, Душе истины!“ — и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане—преклонили колѣна. Когда жь, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: „Господи, Боже нашъ! Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бояхъ...“— народъ палъ ницъ, зарыдалъ, и всѣ мольбы слились въ одну общую молитву: „да спасетъ Господь царство Русское!“ По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водою усердно молившійся народъ произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: „Съ нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите избранные Господомъ на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предъидетъ сила Господня передъ вами: и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ!.. Воины Христовы! Не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! грядите во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! Кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?“

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобы сносить свои имущества на

площадь—и не прошло получаса, какъ вокругъ лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи, мѣшокъ мѣдной монеты подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго Новгорода и всей земли русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно эти дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось."

Такимъ образомъ явились средства для вооруженія ополченія. Ополченіе двинулось. Вслѣдъ за нимъ пошло и казанское ополченіе, которое взяло съ собою чудотворную икону Казанской Божьей Матери и съ нею во главѣ присоединилось въ Ярославлѣ къ ополченію нижегородскому, привлекая за собою и другихъ. 22-го октября 1612 г. кремль московскій былъ опять въ рукахъ русскихъ, и кругомъ кремля всѣ съ радостнымъ благоговѣніемъ совершили крестный ходъ и несли икону Казанской Божьей Матери. Сто лѣтъ икона находилась въ Москвѣ и по желанію Петра I, какъ-бы для благословенія вновь заложенной имъ столицы на берегахъ Невы, она перенесена была въ 1711 г. въ Петербургъ и находилась нѣкоторое время въ часовнѣ, а потомъ въ Троицкомъ деревянномъ соборѣ, который и нынѣ еще находится почти въ первобытномъ видѣ на Петербургской сторонѣ нашей столицы, до сооруженія особой церкви, на мѣстѣ которой воздвигнутъ нынѣшній Казанскій соборъ. Соборъ заложенъ императоромъ Александромъ I въ 1801 г., и въ основаніе его онъ собственноручно положилъ первый камень, исполняя волю отца, императора Павла, который для сооруженія этого собора назначилъ особую коммисію и утвердилъ планъ академика Воронихина *).

*) *Воронихинъ*, Андрей Никифоровичъ, крѣпостной человѣкъ гр. Строгонова; род. 1760 г.; обучался живописи сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ; послѣ путешествовалъ съ гр. Строгоновымъ заграницею. Въ Парижѣ Ворони-

Въ 1811 г., опять почти спустя 100 лѣтъ послѣ перенесенія иконы изъ Москвы въ Петербургъ, соборъ былъ оконченъ и освященъ.

Скоро послѣ освященія храма наступило новое тяжелое время для Россіи: въ достопамятный 1812 г. императоръ французскій Наполеонъ I, властвовавшій уже надъ многими государствами Европы, желая подчинить себѣ и Россію, двинулся на нее съ арміею до 600,000 человѣкъ, въ рядахъ которой были войска почти всѣхъ государствъ Западной Европы. Дядя нынѣ царствующаго Государя, Императоръ Александръ I, поручилъ командованіе арміей, предназначенной для защиты отъ вторженія непріятеля, генералу Барклаю де-Толли. Барклай де-Толли, видя невозможность остановить громадныя силы непріятеля, отступалъ передъ Наполеономъ во внутрь Россіи безъ боя. Русскій народъ не понималъ его тактики, обвинялъ въ измѣнѣ и требовалъ боя. Императоръ Александръ I, уступая народному голосу, отставилъ отъ командованія Барклая де-Толли и назначилъ князя Голенищева-Кутузова, котораго требовалъ народъ.

Передъ тѣмъ какъ отправиться по назначенію Императора Александра I на защиту родины отъ нашествія французовъ, онъ испрашивалъ благословенія у подножія чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Отслуживъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, онъ возложилъ икону на грудь свою въ присутствіи народа и сказалъ: „Молитесь обо мнѣ: меня посылаютъ на великое дѣло“. Черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Кутузовъ при с. Бородинѣ Можайскаго уѣзд. Московской губ. далъ битву. Это было 26 авг. 1812 г. Непріятелей было вдвое больше, чѣмъ русскихъ; однако русская армія, потерявъ половину сол-

хинъ предался изученію перспективы живописи и архитектуры, пріобрѣлъ свѣдѣнія въ зоологіи, ботаникѣ, математикѣ, физикѣ и анатоміи. По прибытіи въ Петербургъ онъ получилъ званіе академика и сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ перспективной живописи, а въ 1802 г. профессоромъ архитектуры. Умеръ въ 1835 году.

дать, удержала поле битвы. Кутузовъ, видя полную невозможность защитить Москву, противъ желанія арміи и жителей, жаждавшихъ битвы, уступилъ Наполеону Москву безъ боя. Наполеонъ вошелъ въ Москву, оставленную и зажженную жителями, но тутъ кончились его успѣхи. Для французской арміи начались бѣдствія. Ѣсть было нечего; голодные солдаты составляли шайки съ цѣлью грабежа и разошлись по окрестностямъ. Послѣ занятія Москвы русскій единодушно поднялся на защиту родины и принялся истреблять непріятелей. Наполеонъ, видя свое бѣдственное положеніе, сталъ отступать. Къ 22-му октября, дню празднованія Казанской Божьей Матери, французы уже направлялись къ Березинѣ, оставивъ Москву и въ бѣгствѣ отыскивая выходъ изъ Россіи. При переправѣ чрезъ Березину разстроенная французская армія была почти вся уничтожена. Самъ Наполеонъ едва избѣжалъ плѣна. Такъ окончилось страшное нашествіе.

Здѣсь-же въ Казанскомъ соборѣ, подъ сѣнію знаменъ и трофеевъ, спитъ побѣдоносный вождь князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.

Отъ входа въ церковь направо, у стѣны, огорожено рѣшеткой небольшое мѣсто, гдѣ покоится полководецъ. У небольшаго образа, висящаго надъ могилой, горятъ лампады, и каждый, подходя къ этому мѣсту, въ то время когда нѣтъ богослуженія, невольно вспоминаетъ стихи Пушкина:

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ. Однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Мастистый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!

Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди—спасай!“ Ты всталъ—и спасъ.

Это-же замѣчательное время русской жизни напоминаетъ намъ въ Казанскомъ соборѣ и иконостасъ, который въ главномъ предѣлѣ сдѣланъ изъ серебра, пожертвованнаго казаками войска Донскаго.

Непріятель, убѣгая изъ Россіи, разсорялъ по дорогѣ церкви и уносилъ съ собою массу дорогихъ серебряныхъ вещей. Казаки, преслѣдуя бѣгущихъ, отняли у нихъ болѣе 48-ми пудовъ всякаго серебра, которое въ декабрѣ 1812 года и пожертвовали въ с.-петербургскій Казанскій соборъ. Въ настоящее время и другіе два придѣла собора имѣютъ серебряные иконостасы.

Соборъ производитъ очень хорошее впечатлѣніе снаружи. Множество колоннъ, полукругомъ сходящихся къ самому зданію, приковываютъ взоръ своими правильными размѣрами и красотой, строгой и необыкновенной.

Куполъ большой, пропорціональный высотѣ, одинъ украшаетъ верхъ зданія, которое по мысли напоминаетъ соборъ Петра въ Римѣ. Эти колонны, коихъ въ Казанскомъ соборѣ однако болѣе 130-ти, въ римскомъ такъ многочисленны, что обрамливаютъ собою большую площадь. Площадь Казанскаго собора невелика, но украшена двумя памятниками, изъ коихъ одинъ Кутузову, а другой Барклаю-де-Толли, который одновременно съ Кутузовымъ геройски защищалъ наше отечество.

При входѣ въ храмъ васъ поразитъ необыкновенно хорошее полуосвѣщеніе, располагающее къ спокойной мысли и доброму чувству. Станьте посреди церкви и обратите вниманіе ваше на главный придѣлъ. Прежде всего вы увидите икону Казанской Божьей Матери, находящуюся въ иконостасѣ по лѣвую руку царскихъ вратъ. Масса свѣчей въ великолѣпномъ, стоящемъ не-

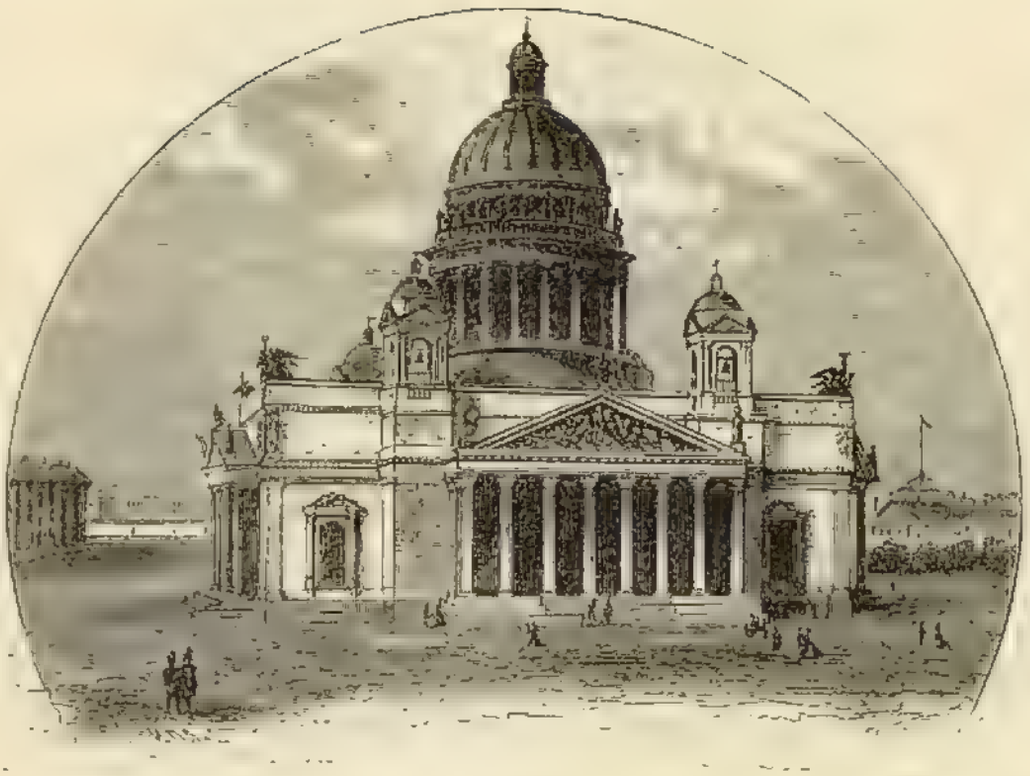
редъ иконой, напикадилѣ, бросая свѣтъ на ликъ Божьей Матери, отражаетъ блескъ бриллiантовъ, изумрудовъ, жемчуговъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, которыми отдѣлана золотая риза. Оглядываясь по сторонамъ, вы видите рядъ темныхъ большихъ гранитныхъ колоннъ, придающихъ храму особенное величiе. Соборъ открытъ днемъ постоянно, и послѣ обѣдни вы часто видите посѣтителей, внимательно осматривающихъ его достопримѣчательности, останавливающихся передъ старыми знаменами—свидѣтелями битвъ 1812 года, передъ ключами городовъ и крѣпостей—трофеями побѣдъ русскаго войска, висящими по стѣнамъ храма. Обращаютъ вниманiе и на царское мѣсто, и на кафедру для проповѣдниковъ, любуются живописью образовъ, изъ коихъ большая часть кисти академика Боровиковскаго *). Иной разъ вы застанете художника, который снимаетъ копiю съ какого-нибудь изъ нихъ, такъ какъ большая часть очень хороша. Вотъ имена художниковъ, трудами своими содѣйствовавшихъ сооруженiю храма: Боровиковскiй, Шебуевъ, Безсоновъ, Брюловъ, Брюни, Егоровъ, Басовъ, Мартосъ и Якимовъ. Описывать произведенiя ихъ невозможно — надо видѣть ихъ, чтобы понять, насколько они хороши.

*) *Боровиковскiй*. Владимiръ Лукичъ, живописецъ и совѣтникъ академiи художествъ, родился въ Малороссiи. Во время путешествiя Екатерины II написалъ онъ картины, за которыя Екатерина II отправила его въ Петербургъ. Здѣсь Боровиковскiй сдѣлалъ огромные успѣхи, въ особенности въ портретной живописи. Въ академiи художествъ его картина—портретъ Павла I. Умеръ въ 1825 году.

Храмъ Спасителя въ Москвѣ.

По изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи, 25-го декабря 1812 года, былъ изданъ манифестъ, въ которомъ говорилось о желаніи Императора Александра I воздвигнуть храмъ во имя Спасителя, на томъ мѣстѣ въ Москвѣ, гдѣ былъ непріятель. Изъ проектовъ, доставленныхъ оберъ-прокурору и потомъ представленныхъ на Высочайшее утвержденіе, былъ выбранъ проектъ академика Витберга, замѣчательнаго архитектора своего времени. Окончательное свое образованіе онъ получилъ въ академіи, гдѣ занимался историческою живописью; тамъ онъ не занимался архитектурою и безъ всякихъ свѣдѣній въ этомъ искусствѣ, безъ всякой научной подготовки, при помощи силы воли и преобладающей мысли о сооруженіи храма, послѣ двухъ лѣтъ постояннаго и неутомимаго труда, ему удалось составить проектъ, который по смѣлости и колоссальности идеи былъ признанъ величайшимъ произведеніемъ новѣйшаго времени. Въ 1817 году 12-го октября (день, въ который французы покинули Москву) произошла закладка предполагаемаго

зданія въ присутствіи Императорской фамиліи на Воробьевыхъ горахъ. Но Витбергу не суждено было самому окончить это зданіе. Приготовительныя работы шли медленно; впослѣдствіи нашли, что мѣстность, выбранная для сооруженія храма, неудобна и что размѣры храма слишкомъ громадны,—такъ что въ 1827 году приступили къ постройкѣ новаго храма, по плану профессора Тона, на берегу Москвы-рѣки, въ недальнемъ разстояніи отъ кремля—тамъ, гдѣ находился Алексѣевскій дѣвичій монастырь. Наружный видъ храма окончент: онъ во вкусѣ византійскомъ, отличается оригинальностью рисунка, правильностью и красотою размѣровъ. Храмъ этотъ имѣетъ 45 саж. въ вышину, съ пятью главами, изъ которыхъ главная круглая, а остальныя по бокамъ 8-угольныя. Въ текущемъ году ожидается освященіе и открытіе этого великолѣпнаго храма. Отъ геніальнаго же проекта Витберга, составившаго ему европейскую извѣстность и признаннаго безусловно величайшимъ произведеніемъ архитектурнаго искусства, остались одни описанія и рисунки да очищенное мѣсто для храма на Воробьевыхъ горахъ.



Исаакіевскій соборъ въ С.-Петербургѣ.

Говоря объ этихъ капитальныхъ русскихъ сооруженіяхъ, нужно сказать хоть нѣсколько словъ объ Исаакіевскомъ соборѣ, лучшемъ и величественнѣйшимъ изъ зданій, украшающихъ С.-Петербургъ. Возьмемъ описаніе этого собора изъ сборника „Родина“. Онъ стоитъ на площади между памятниками Петра I и Николая I. Съ сѣверной и южной стороны собора—скверы.

Исаакіевскій соборъ посвященъ имени преподобнаго Исаакія Далматскаго, котораго память празднуется 30-го мая, въ день рожденія Петра Великаго. Начатый при Екатеринѣ II, послѣ неоднократныхъ передѣлокъ и измѣненій, соборъ былъ оконченъ въ царствованіе Николая I. Соборъ представляетъ форму четвероугольнаго зданія, увѣнчаннаго посрединѣ громаднымъ куполомъ и четырьмя колокольнями на углахъ. Всѣ стороны зданія украшены громадными портиками и колоннадами изъ цѣльнаго гранита, утвержденными на колоссальныхъ гранитныхъ террасахъ. Всѣхъ наружныхъ колоннъ 112. Зданіе облицовано внутри и снаружи мраморомъ. Вверху надъ всѣми четырьмя входами

громадныя литыя изображенія воскресенія Христова, поклоненія волхвовъ, событій изъ жизни св. Исаакія. На четырехъ углахъ кровли литыя изображенія колѣнопреклоненныхъ ангеловъ, держащихъ громадные свѣчники. Къ этимъ свѣчникамъ проведены газовыя трубки. Большой колоколъ вѣситъ 1.800 п. 23 ф., кромѣ языка. Поверхность колокола украшена изображеніемъ св. Исаакія и пятью медальонами: Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I.

Внутренность храма имѣетъ въ длину 40, а въ ширину 21 сажень. Высота до свода купола 42 саж. Полъ сдѣланъ изъ разноцвѣтнаго мрамора. Стѣны украшены великолѣпной живописью. Всѣ мѣстныя иконы мозаической работы. Особенною красотою и величіемъ поражаетъ запрестольный образъ воскреснаго Спасителя съ хоругвію, писанный особымъ образомъ на стеклѣ, вышиною 30 ф. Иконостасъ главнаго алтаря украшенъ драгоцѣнными колонами изъ малахита, а по обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ размѣщены двѣ колоны изъ лапись-лазури—единственнѣйшія и драгоцѣннѣйшія въ мірѣ. Не менѣе драгоцѣнна и церковная утварь собора, особенно ковчегъ напрестольный литаго золота, въ видѣ модели собора. Храмъ торжественно освященъ 30-го мая 1858 г. Красота, помѣстительность собора, прекрасное пѣніе, торжественное служеніе привлекаютъ въ него многочисленныхъ богомольцевъ—и онъ сталъ народною святынею наряду съ древнѣйшими храмами православной Руси. Особенно величественную и поразительную картину являетъ Исаакіевскій соборъ въ заутреню Свѣтлаго Воскресенья—почти единственный день, когда огромный храмъ не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ тамъ помолиться. Въ то время какъ внутренность собора залита тысячами горящихъ свѣчей, четыре позолоченныя колокольни и золотой куполъ мрачной громады собора блестятъ среди почной тьмы, отражая величественное пламя огненныхъ языковъ, выходящихъ изъ четырехъ исполинскихъ подсвѣчниковъ на углахъ собора.

Карлъ Павловичъ Брюловъ.

Карлъ Павловичъ Брюловъ.

Фамилія Брюловыхъ происходитъ изъ Франціи. Во время борьбы католицизма съ протестантизмомъ, въ XVII столѣтіи, Брюловы или, вѣрнѣе сказать, Brulelau — покинули Францію и удалились въ германскій городъ Люнебургъ, гдѣ приняли фамилію Brullo; но около половины XVIII вѣка, то-есть въ 1850 годахъ, дѣдъ художника нашего перебрался въ Россію и фамилія „Брюлло“ сама собою перешла въ „Брюловъ“.

Павелъ Ивановичъ Брюловъ, отецъ художника, имѣлъ уже сына Александра, впослѣдствіи знаменитаго архитектора и скульптора, когда женился второй разъ на Маріи Карловнѣ Шредеръ, отъ которой у него родился 12-го декабря 1799 года сынъ Карлъ, имя котораго написано неизгладимыми буквами на страницахъ русскаго изящнаго искусства.

Дѣтство Карла Павловича мало извѣстно. Онъ былъ болѣзненный и слабый ребенокъ и до 7 лѣтъ почти не оставлялъ постели; если случалось, что ему становилось легче, онъ не выпускалъ изъ рукъ аспидной доски и грифеля, и въ каракулькахъ, которыя онъ чертилъ, уже замѣтна была отчетливость и вѣрность глаза. Иногда, если позволяли погода и здоровье, его, тщательно укутавши, возили къ родпымъ на Пески. Сейчасъ-же по пріѣздѣ къ родственникамъ, не успѣвши еще раздѣться, онъ уже просилъ бумагу и карандашъ и спѣшилъ нарисовать все, что поразило его по дорогѣ. Однажды онъ нарисовалъ комнату, въ которой сидѣли отецъ, братъ, мать и нѣкоторые домашніе, и хотя каждый занимался своимъ дѣломъ, но повидимому всѣ скучали. Ребенокъ схватилъ бумагу и карандашъ и до тонкости вѣрно и похоже нарисовалъ всѣхъ присутствовавшихъ и всѣ предметы, подписавъ подъ картинкой: „*Вотъ такъ скука*“!

Когда его здоровье стало поправляться, отецъ отдалъ его въ академію художествъ, куда онъ попалъ на казенный счетъ. Карлу Павловичу было всего 8 лѣтъ, но онъ, хотя вовсе и неприлежный къ класснымъ занятіямъ, сталъ однако сразу первымъ ученикомъ. Отецъ строго слѣдилъ за отчетливостью выполненія его рисунковъ и нерѣдко случалось, что будущій геній оставался безъ завтрака... Замѣтивъ однако въ сынѣ неоспоримую страсть къ живописи и къ чтенію, Павелъ Иваповичъ устроилъ для него въ праздничные дни домашніе уроки. Руководителемъ маленькаго художника былъ профессоръ Егоровъ. Первыми произведеніями взрослаго уже Брюлова были „Нарцисъ“ въ натуральную величину и „Три ангела у Авраама“. За эту послѣднюю картину онъ получилъ золотую медаль, званіе художника и былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію въ 1821 году.

Посѣтивъ съ братомъ Александромъ Дрезденъ и Мюнхенъ, Брюловъ поселился въ Римѣ, гдѣ открылся просторъ его генію. Первая его картина, написанная въ Римѣ, была копія „съ Аонской школы“ Рафаэля, и римляне, видѣвшіе эту картину, говорили

что если оригиналъ разрушится въ Ватиканѣ, то надо будетъ ѣздить въ Петербургъ, чтобы любоваться тамъ „вторымъ оригиналомъ". За „Лоджской школой" послѣдовали: „Итальянскій вечеръ" и „Утро", находящіеся теперь въ покояхъ императрицы, и множество портретовъ. Въ это-же время Брюловъ работалъ въ скульптурной мастерской Торвальдсена, гдѣ удачно вылѣпилъ нѣсколько прекрасныхъ фигуръ. За этимъ вдругъ является колоссальное произведеніе ума и творчества—это „Послѣдній день Помпеи". Говорятъ, что картина эта обязана своимъ существованіемъ зависти незначительнаго итальянскаго художника Коммучини, который говорилъ, что Брюловъ способенъ производить только прелестныя бездѣлушки.

Когда эти слухи дошли до него, онъ отдѣлалъ себѣ громадную мастерскую и уѣхалъ въ Геркуланумъ и Помпею, которые посѣщалъ еще прежде, а возвратясь, заперся въ мастерской, откуда черезъ полгода явилось мастерское, образцовое, геніальное произведеніе искусства — „Послѣдній день Помпеи".

Эта картина имѣетъ $7^3/_4$ аршина вышины и $10^1/_4$ арш. ширины. На ней 30 фигуръ въ человѣческій ростъ. Художникъ схватилъ тотъ моментъ, когда съ Везувія лава хлынула на городъ; отъ силы землетрясенія стѣны рушатся; камни летаютъ, какъ ядра; сѣрнистый газъ захватываетъ дыханіе; пламя разлилось по городу; громадныя молніи пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Народъ, обезумѣвъ отъ страха, мечется въ ужасѣ. На лѣвой сторонѣ картины ясно отдѣляются двѣ фигуры, юноша и старуха: это естествоиспытатель Плиній и его мать. За ними видна восторженная фигура молодаго художника, несущаго на головѣ краски и палитру: это самъ Брюловъ. Мѣсто происшествія -городъ Помпея, разрушенный и затопленный лавою Везувія еще до Рождества Христова. Вся обстановка ужаснаго событія исторически вѣрна. Когда Брюловъ окончилъ картину и открылъ свою мастерскую для публики, то нельзя было вообразить восторга итальянцевъ. Къ дому его стекались отовсю-

ду; народъ съ утра до ночи толпился около него; стѣны были исписаны его именемъ. Путешественникамъ спѣшили указать на жилище Брюлова, какъ на Ватиканъ или церковь св. Петра. Поэты импровизировали въ честь его стихи; пѣвцы и музыканты сочиняли пѣсни; толпы народа слѣдовали за Брюловымъ, когда онъ выходилъ на улицу и, указывая на него, говорили: „Вотъ русскій Микель-Анджело!“ Прическа, плащъ, купанья—все стало носить названіе: „à la Brullow“. Это была година его полнѣйшаго тріумфа. Ученые и знатоки стали писать объ его картинѣ во всѣхъ журналахъ и на всѣхъ языкахъ. Вотъ выписка изъ одной подобной статьи: „Въ своей картинѣ Брюловъ хотѣлъ доказать, до какой степени можетъ соединиться на полотнѣ сила выраженія съ красками. Брюловъ, какъ могучій геній, могъ чувствовать такъ, какъ весьма немногіе, избранные природой; онъ одаренъ необычайной силой творчества, то-есть способностью создавать новое, небывалое. Геній Брюлова довелъ художника на этой картинѣ до совершенства и остановилъ его кисть въ ту минуту, когда уже нельзя было болѣе творить. Тутъ все полно, вѣрно, живо; еслибы Микель-Анджело могъ встать, чтобы посмотрѣть на эту картину, онъ бы порадовался, что на далекомъ сѣверѣ явился достойный преемникъ его кисти“.

Самъ Брюловъ говоритъ о своей картинѣ: „Большаго мнѣ стоила труда эта картина: для того чтобы ее написать, мнѣ нужно было прослѣдить знаменитыхъ художниковъ—Микель-Анджело, Гвидо, Рубенса и Тиціана,—всѣхъ ихъ нужно было уложить въ моей памяти; нужно было пережить 40 вѣковъ и соединить эти вѣка съ требованіями нынѣшняго времени,—а одного таланта было бы недостаточно: мнѣ надо было сродниться съ великими мастерами.“

Въ 1834 году картина эта была отправлена въ Парижъ на луврскую выставку, но ее тамъ приняли холодно. Никто не могъ объяснить себѣ это. Однако, несмотря на видимую холодность, парижская академія присудила Брюлову медаль пер-

вой степени. *) Императоръ Николай I наградилъ Брюлова орденомъ св. Анны 3-й степени; еще ранѣе онъ получилъ орденъ св. Владиміра, на которомъ было написано: „за отличныя художественныя произведенія."

Изъ картинъ, написанныхъ Брюловымъ во время пребыванія въ Италіи, особенно замѣчателенъ также портретъ Демидова верхомъ на сѣрой казацкой лошади, въ боярскомъ костюмѣ; фонъ картины представляетъ сибирскую природу; лошадь и всадникъ во всю величину. Эта картина полна поэзіи и отчетливости: но къ сожалѣнію Брюловъ, недовольный своимъ выполненіемъ лошади, въ минуту досады проткнулъ полотно ножемъ и не докончилъ ее. Однако Демидовъ взялъ ее съ собой. Послѣ Помпеи Брюловъ начиналъ безчисленное множество картинъ, изъ которыхъ каждая могла бы выйти образцовымъ произведеніемъ, но всѣ онѣ или недокончены, или только набросаны. Такимъ образомъ онъ оставилъ планъ громадной картины „Нашествіе Гензериха на Римъ". Брюловъ уже набросалъ мысль свою на огромномъ картонѣ, но тоже почему-то оставилъ ее неразработанною.

Когда впослѣдствіи Брюловъ разсказывалъ Пушкину планъ этой картины, то послѣдній сказалъ ему: „Создайте еще что-нибудь выше Помпеи, если это возможно!" на что Брюловъ отвѣчалъ: „Хорошо, я сдѣлаю мое „Нашествіе" выше Помпеи". Была ли это просто шутка художника или онъ дѣйствительно думалъ повременамъ приняться за свое „Нашествіе"—неизвѣстно: но только картонъ начатой картины перешелъ къ Пряшишникову, тогдашнему президенту академіи, и остался погибшимъ для изящнаго искусства. Непостоянный характеръ, пламенное воображеніе, которое безпрестанно давало Брюлову тьму новыхъ сюжетовъ, мѣняющіеся планы, нерѣдко недовольство на свои

*) Демидовъ купилъ „Послѣдній день Помпеи" за 40 т. франковъ (болѣе 10,000 рублей сер.) и подарилъ ее императору Николаю I, а Государь подарилъ ее академіи художествъ. Теперь эта картина находится въ Эрмитажѣ.

произведенія—все это часто препятствовало ему останавливаться долго на одной мысли.

Отправивъ „Помпею“ въ Парижъ, Брюловъ поѣхалъ путешествовать; побывалъ въ Смирнѣ, въ Греціи, гдѣ едва не умеръ, въ Константинополѣ и оттуда переѣхалъ въ Одессу, гдѣ написалъ прекрасную картину „Бахчисарайскій фонтанъ“, къ поэмѣ Пушкина. Наконецъ, послѣ 15-лѣтней отлучки, Брюловъ явился на сѣверѣ. Въ Москвѣ его встрѣтили съ тріумфомъ. Художники и любители давали ему обѣды наперерывъ, а на торжественномъ обѣдѣ однихъ художниковъ ему поднесли лавровый вѣнокъ. На этомъ обѣдѣ тогдашній артистъ Лавровъ декламировалъ стихи, сочиненные въ честь его, гдѣ было, между прочимъ, слѣдующее двустишіе:

„И былъ „Послѣдній день Помпеи“
„Въ Россіи нашей первымъ днемъ...“

Желая отблагодарить друзей и пріятелей, Брюловъ написалъ въ бытность свою въ Москвѣ множество портретовъ и затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. „Помпея“ прибыла въ Петербургъ ранѣе своего творца и была торжественно привѣтствована академіею художествъ. На пышномъ обѣдѣ, устроенномъ въ честь Брюлова артистами, художниками и литераторами-любителями, Карлъ Павловичъ могъ убѣдиться, что 15-тилѣтняя разлука не только не охладила къ нему восторговъ со стороны цѣнителей изящнаго искусства, но что восторги эти возросли до громадныхъ размѣровъ. Только Микель-Анджело и Мурильо удостоивались подобныхъ тріумфовъ отъ ихъ соотечественниковъ. Обѣдъ былъ въ большомъ академическомъ залѣ. „Помпея“ стояла предъ глазами художниковъ. Стулъ Брюлова обвитъ былъ лаврами и цвѣтами. Тосты за его здоровье и процвѣтаніе русской живописи не умолкали. Графъ О. П. Толстой надѣлъ на него лавровый вѣнокъ. Ровно чрезъ 16 лѣтъ въ этотъ-же день Брюлова не стало. За это время является цѣлый рядъ портретовъ: Государя, многихъ членовъ царскаго дома, графа Толстого, Пушкина,

Кукольника, Глинки, актера В. В. Самойлова и пр. Въ этомъ-же году написаны слѣдующія картины: „Царица Александра“, писанная съ В. К. Александры Николаевны—въ Казанскомъ соборѣ, „Вознесеніе Божіей Матери“—запрестольный образъ въ Казанскомъ соборѣ, „Спаситель на крестѣ“—въ лютеранской Петропавловской церкви, „Св. Троица“—въ Сергіевской пустыни. Когда Брюловъ писалъ „Вознесеніе“, то зачастую забывалъ ѣсть, пить и спать—до такой степени увлекался этой работой. Нѣсколько разъ его выносили изъ мастерской безъ чувствъ. Но важнѣйшимъ произведеніемъ кисти Брюлова почитается куполъ Исаакіевскаго собора. Когда онъ началъ создавать фигуры купола, то боялись, чтобы не сдѣлалась съ нимъ горячка или чтобы онъ не сошелъ съ ума—фигуры эти преслѣдовали его, какъ призраки. Но вдругъ ему велѣли остановить работу, такъ какъ стали опасаться, чтобы геніальное произведеніе не испортилось отъ сырости и чтобы труды художника не пропали даромъ. Брюловъ пришелъ въ отчаяніе и всѣмъ повторялъ: „Меня Богъ наказываетъ за гордость; я мечталъ, что подобно Микель-Анджело, расписавшему Ватиканъ, я оставлю по себѣ память въ нашемъ храмѣ. Куполъ этотъ сталъ моей жизнью. Легче мнѣ было бы умереть, чѣмъ его лишиться!“ Горе и отчаяніе художника стали извѣстны всему городу и высочайше было повелѣно возвратить ему куполъ. Радость Брюлова была безграничша. Когда онъ оканчивалъ свою работу, сидя въ куполѣ на подмосткахъ, то говорилъ съ сверхъестественнымъ вдохновеніемъ своимъ ученикамъ и помощникамъ: „Мнѣ тѣсно здѣсь! дайте мнѣ простору и я распишу все небо!“ На вопросы, гдѣ бы онъ взялъ столько сюжетовъ, онъ отвѣчалъ: „Я бы собралъ религіи всѣхъ народовъ и племенъ, а посрединѣ представилъ бы Христа, какъ торжество истинной религіи!“ За куполомъ слѣдуетъ „Христосъ во гробѣ“, писанный для церкви графа В. О. Адлерберга, и послѣ цѣлаго ряда картинъ божественнаго содержанія является огромная картина (нѣсколько менѣе Помпеи) „Осада Пскова“, о которой профессоръ

Никитенко сказалъ, что онъ передъ нею простаивалъ часы. Въ 1836 году сверхъ жалованья Государь назначилъ Брюлову 3000 рублей асс. ежегодно; академія дала ему званіе художника 1-й степени и выразила ему свою благодарность.

Брюловъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ учениковъ; онъ не просто училъ ихъ рисовать, но старался передать имъ развитіе и значеніе живописи каждаго народа, освоить ихъ со всѣми школами и вдохновить ихъ собственнымъ вдохновеніемъ. Онъ часто устраивалъ для нихъ въ своей мастерской вечера, на которыхъ бесѣдовалъ съ ними, и игривой, умной рѣчью увлекалъ слушающихъ.

Брюловъ былъ характера горячаго, почти необузданнаго; онъ одинаково принималъ къ сердцу и радость, и горе, и добро, и зло. Но въ семейной жизни онъ не былъ счастливъ: вѣроятно, близкіе и домашніе не понимали его высокой натуры и раздражали его нервность мелочами; онъ самъ страдалъ во все время своей супружеской жизни и другихъ заставлялъ страдать. Замѣчательно, что онъ вдохновлялся болѣе именно въ то время, когда больше всего скорбѣлъ душею. Разъ вдохновившись и прошикпувшись вполнѣ мыслью, онъ горячо принимался за работу; но какъ только замѣчалъ, что выполненіе ея становится слабо, онъ бросалъ работу и предавался удовольствіямъ. Брюловъ, рожденный и воспитанный въ евангелическомъ законѣ, былъ человѣкъ весьма религіозный, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни первая мысль его была о Богѣ. Послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія Брюлова въ Италіи, петербургскій климатъ сталъ для него невыносимъ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь сердца, которою онъ страдалъ съ молодыхъ лѣтъ, развивалась очень быстро. Не будучи въ состояніи болѣе работать, онъ былъ принужденъ просить годоваго отпуска и, по совѣту докторовъ, поѣхалъ на островъ Мадеру, гдѣ значительно поправился, такъ что, уѣзжая въ Римъ, разсчитывалъ снова приняться за работу. Надежда его была напрасна: болѣзнь его усилилась; но тутъ судьба послала ему семейство Титтоши, которое

пришло въ немъ живое участіе и окружило его самымъ дружескимъ попеченіемъ. Брюловъ ослабѣвшею уже рукою набросалъ портреты своихъ добрыхъ, послѣднихъ друзей. Этимъ онъ и закончилъ. 11 іюня 1852 года Брюловъ скончался почти мгновенно. Погребеніе его было весьма пышное. Толпы народа провожали его на кладбище Monte Testaccio (Монте Тестаччіо); могила его доверху была засыпана не землей, но лаврами, миртами и цвѣтами. На ней вскорѣ поставили памятникъ въ видѣ саркофага, изъ каррарскаго мрамора. На памятникѣ, на первомъ планѣ, представлены слѣдующія четыре фигуры: Академія, Живопись, Скульптура и Архитектура. На заднемъ планѣ возвышается бюстъ, во весь ростъ, Брюлова, окруженнаго юношами, которымъ онъ указываетъ на Академію. Съ одной стороны надпись: „Брюловъ. 1852 г.“, съ другой: „Достойному“. Обѣ надписи по-русски и по-итальянски.

Е. Геслингъ.

Входъ въ [illegible] тоннель.

Тоннели и каналы.

Потребности въ путяхъ сообщенія хотя и возникли еще въ самыя древнія и отдаленныя времена, все-же было время, когда у людей не было никакихъ дорогъ, да и нужды въ нихъ никакой не было. Не было тогда ни городовъ, ни селъ, ни деревень, ни каменныхъ палатъ, ни хижинъ; не воздѣлывали люди ни полей, ни огородовъ, ни садовъ; не знали они ни наукъ, ни художествъ; не было у нихъ ни одеждъ, ни орудій; а жили они небольшими семьями, какъ дикіе звѣри, скрываясь въ пещерахъ; рыскали по лѣсу, гонялись за дичью и собирали съѣдобные плоды, коренья. Съ размноженіемъ людей развивалась и ихъ общественная жизнь; явились заботы и дѣла, касавшіяся цѣлыхъ племенъ;

вились общественные интересы, а вмѣстѣ съ развитіемъ общественныхъ дѣлъ развивалась и потребность въ болѣе частыхъ сношеніяхъ между отдѣльными обществами и племенами. Тѣмъ не менѣе однако люди еще долго принуждены были довольствоваться одними лѣсными тропинками. И только тогда, когда люди ознакомились съ употребленіемъ разныхъ орудій, съ выгодою и пользою колесъ и подчинили себѣ разныхъ животныхъ, которыя стали служить имъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ, между прочимъ и лошадей, только тогда они стали заботиться объ устройствѣ болѣе удобныхъ путей сообщенія и прокладывать проѣзжія дороги.

Повозки вязли въ болотахъ, застрявали въ лѣсу между деревьями, опрокидывались, наѣзжая на скалы и камни, или попадали въ ямы. Приходилось засыпать болота, срывать деревья, вырывать камни, засыпать ямы и сглаживать неровности, обременявшія лошадей и замедлявшія ихъ бѣгъ. Приходилось сколачивать и связывать плоты для перевозки людей и товаровъ черезъ рѣки, прокладывать дороги черезъ горы и ущелья. Но всѣ эти улучшенія все-же оказывались въ концѣ концовъ недостаточными.

По мѣрѣ усовершенствованія путей сообщенія увеличивались и расширялись взаимныя и торговыя отношенія людей. У каждаго народа, у каждаго государства были свои преимущества, свои богатства и производства, которыя они стѣснили пріобрѣсти другъ у друга или насиліемъ, или взамѣнъ собственныхъ товаровъ. Такимъ образомъ нерѣдко возникали войны, и все болѣе и болѣе развивались торговыя сношенія.

Отважные мореплаватели пускались на судахъ въ отдаленныя и опасныя путешествія, чтобы открывать новыя страны и завязывать съ ними торговыя сношенія. Отдѣльныя государства и богатые промышленники стѣснили другъ передъ другомъ сбыть свои товары. Дѣло шло не только объ одномъ уже сбытѣ или пріобрѣтеніи товаровъ, но и о выигрышѣ времени. А эта гоньба за временемъ принудила людей заботиться не только о проложе-

ніи удобныхъ дорогъ, но и о сокращеніи путей сообщенія, а для этого нерѣдко приходилось вступать въ борьбу съ природой, чтобы преодолѣть созданныя ею преграды.

Такимъ образомъ плоты мало-по-малу стали замѣняться прекрасными и великолѣпными постоянными мостами; а небольшія парусныя суда и повозки, возимыя вьючными животными, замѣнились величественными пароходами и желѣзными дорогами.

Одно изъ самыхъ главныхъ препятствій въ проведеніи прямыхъ дорогъ заключалось въ встрѣчающихся на пути горахъ. Черезъ рѣку можно построить мостъ, болото засыпать, — а горы приходится или огибать или переходить: то и другое однако невсегда возможно, если же и возможно, то все-таки сопровождается большими неудобствами. Обходъ горы сопровождается всегда извѣстною потерею времени, равно какъ и переходъ ея; къ послѣднему присоединяются еще тѣ затрудненія, которыми сопровождается всякій подъемъ на значительныя высоты. Поэтому самымъ удобнымъ оказалось прорыть гору и устроить тоннель.

Но, хотя съ устройствомъ тоннелей знакомы уже съ довольно давнихъ временъ—со временъ римлянъ,—прорытіе ихъ обходится такъ дорого, что ихъ стараются по возможности избѣгать. Тѣмъ не менѣе однако, съ развитіемъ желѣзно-дорожнаго дѣла, сооружено уже немало тоннелей различной величины. Есть между ними и такіе, которые имѣютъ по нѣсколько верстъ въ длину, какъ напримѣръ на марсельско-авиньонской желѣзной дорогѣ— въ $4^1/_2$ версты въ длину, или два тоннеля въ Англіи въ 3 и $3^1/_2$ версты каждый. Но первое мѣсто между тоннелями настоящаго времени занимаетъ тоннель Монъ-Сенисъ длиною въ $12^1/_2$ верстъ.

Проекты на это замѣчательное сооруженіе, имѣвшее цѣлью установить прямое желѣзно-дорожное сообщеніе между Франціей и Италіей, возникли еще въ 30-хъ годахъ. Первый, кому пришла въ голову эта мысль, былъ итальянецъ Медайль. Онъ произвелъ нѣсколько изслѣдованій въ западныхъ Альпахъ, послѣ которыхъ

убѣдился, что у Монъ-Сениса эти Альпы представляютъ самую узкую часть. Дальнѣйшія изслѣдованія убѣдили его еще въ томъ, что селеніе Модана, лежащее со стороны Франціи по одну, и селеніе Бардонекъ, лежащее со стороны Италіи по другую сторону Монъ-Сениса, находятся почти на одной высотѣ надъ уровнемъ моря и на разстояніи 13 верстъ другъ отъ друга. Эти изслѣдованія навели его на мысль прорыть тоннель именно въ этомъ мѣстѣ. Проектъ Медайля вызвалъ долгіе толки и споры о возможности и невозможности его осуществленія, и Медайль умеръ, не дождавшись осуществленія своей идеи.

Но идея его не умерла. Объ его проектѣ не переставали думать и наконецъ въ концѣ 1857 года было приступлено къ первымъ работамъ—сначала со стороны одной Италіи, а года два спустя и со стороны Франціи. Работы производились на счетъ обоихъ правительствъ.

Отверстіе въ горѣ приходилось пробовать сначала отъ руки кирками, молотами и другими простыми орудіями, отчего работы двигались очень медленно, такъ что въ первые три года прорыли только 350 саженъ. Предпріятіе это заинтересовало инженеровъ разныхъ европейскихъ націй. Многіе изъ нихъ старались придумать новыя машины и способы, при помощи которыхъ можно было бы ускорить дѣло, пока наконецъ итальянскому инженеру Джермано-Соммелье не посчастливилось изобрѣсти сверлильную машину, которою и замѣнили ручную работу. Съ этого времени руководство работами приняли на себя Соммелье, Грандисъ и Гротташи, вставъ въ то-же время во главѣ общества, принявшаго отъ итальянскаго и французскаго правительствъ всѣ заботы по выполненію этого проекта.

Общество обязалось окончить тоннель къ 1-му января 1872 года и заплатить 300 рублей неустойки за каждый просроченный день. Такую-же премію съ своей стороны обязались уплатить обществу правительства за каждый день, если работа будетъ окончена раньше срока, и сверхъ того еще ка-

питалъ въ 100,000 рублей, назначенный на этотъ случай французскимъ правительствомъ.

Хотя первыя машины дѣйствовали даже медленнѣе работниковъ, но, постепенно улучшаемыя изобрѣтателями, онѣ дошли до того, что прорывали тоннель на полторы сажени въ сутки.

Сверлящія машины эти приводились въ дѣйствіе сжатымъ воздухомъ, а воздухъ сжимался съ помощью разныхъ приспособленій силы воды горныхъ потоковъ. Каждая машина работала стальнымъ остріемъ, длиною въ полтора аршина, производившимъ до 250 ударовъ въ минуту; одновременно были въ ходу 12 такихъ машинъ. Прорытое отверстіе набивали порохомъ и взрывали потомъ, чтобы расширить его: осколки затѣмъ убирали, стекавшую воду отводили трубами, расширенное отверстіе тутъ-же выкладывали камнемъ. Машины подвергались страшной порчѣ: чтобъ 12 машинъ съ 12-ю остріями могли постоянно дѣйствовать, слѣдовало держать въ запасѣ 60 машинъ и три или четыре тысячи полусаженныхъ наконечниковъ; хотя эти острія были сдѣланы изъ самой твердой стали, ихъ однако стиралось до полутораста штукъ въ сутки.

Сжатый воздухъ, двигавшій машины, время отъ времени выпускался изъ резервуаровъ въ тоннель для вентиляціи его, потому-что иначе рабочіе могли бы задохнуться.

27 ноября 1870 года въ одной галлереѣ услышали наконецъ взрывъ, произведенный въ другой, а 23 декабря остріе изъ одной галлереи вышло въ другую, и рабочіе обѣихъ галлерей могли пожать другъ другу руки. Черезъ три дня можно было пройти по тоннелю. Галлереи съ обѣихъ сторонъ (въ 7 и 5 верстъ) совершенно сошлись въ горизонтальномъ направленіи, т. е. не разъѣзжались въ стороны, но дно итальянской оказалось выше французской галлереи на полтора аршина. Окончательная отдѣлка сооруженія, стоившаго 15 милліоновъ рублей, заняла еще восемь мѣсяцевъ, и 5-го сентября 1871 года по тоннелю прошелъ первый поѣздъ.

Сначала боялись встрѣтиться съ непроходимыми пропастями или потерпѣть отъ дѣйствія подземнаго огня и не окончить предпріятія къ назначенному сроку. Но все окончилось благополучно. Пропастей никакихъ не было; дѣйствіе раскаленной внутренности земли ограничилось только тѣмъ, что температура внутри галлереи доходила до 23° по Р. Труды были окончены не только къ назначенному сроку, но даже почти за че-

Ходъ желѣзнодорожнаго поѣзда по тоннелю.

тыре мѣсяца до срока и общество получило сверхъ условной платы за прорытіе тоннеля еще около $^1/_2$ милліона рублей.

День открытія тоннеля былъ великимъ торжествомъ для всѣхъ участниковъ предпріятія. Ко дню открытія тоннеля съѣхалось множество знатныхъ и знаменитыхъ лицъ, чтобы принять участіе въ великомъ торжествѣ. Одного только не было на этомъ торжествѣ и этотъ одинъ былъ главный двигатель всего дѣла, Джержано-Соммелье: онъ умеръ за мѣсяцъ до открытія тон-

неля. Приложенный рисунокъ изображаетъ ходъ поѣзда по тоннелю. Въ немъ проложено два рельсовые пути. Вышина его 3 сажени, а ширина 4 сажени. Весь онъ обложенъ камнемъ и имѣетъ полукруглую форму. Выходъ изъ тоннеля въ Италіи на 55 сажень выше выхода тоннеля во Франціи. Въ серединѣ тоннеля устроена большая камера, служащая для склада матеріаловъ и помѣщенія служащихъ.

Монсенисскій тоннель не единственный, такъ какъ тамъ-же въ Альпахъ проложены еще двѣ желѣзныя дороги—бернская и семеринская: первая изъ нихъ проходитъ 27 тоннелей, составляющихъ въ сложности около двухъ верстъ, а вторая 15, составляющихъ въ сложности четыре версты слишкомъ. Въ настоящую минуту тѣ-же Альпы прорываются еще въ четвертомъ мѣстѣ, подъ горою Сенъ-Готаръ, для установленія сообщенія между Италіей и Германіей. Тоннель будетъ въ 14 верстъ, обойдется въ 10 милліоновъ рублей и работается по той-же самой системѣ, какъ и монъ-сенисскій — тотъ-же сжатый воздухъ, такія-же машины съ стальными остріями, только ударяютъ онѣ уже до 500 разъ въ минуту. Въ настоящее-же время прорывается другой тоннель въ другой величайшей горной цѣпи—въ Андахъ Южной Америки: онъ также послужитъ для желѣзной дороги, будетъ длиною всего въ версту, но за-то пройдетъ на высотѣ 5-ти верстъ надъ уровнемъ океана; на немъ могутъ работать только туземцы, индѣйцы, такъ какъ прочія расы, по причинѣ разряженности воздуха въ столь возвышенной странѣ, не выдерживаютъ долговременнаго пребыванія на мѣстѣ работъ.

Кромѣ тоннелей, служащихъ для прохода горъ, въ наше время начали устраиваться цѣлыя подземныя желѣзныя дороги; по такихъ покуда только двѣ—въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ. Лондонская дорога, открытая въ 1963 году, идетъ подъ улицами города, иногда выходя наверхъ, а иногда спускаясь на глубину семи сажень, и замѣняетъ жителямъ дилижансы; тоннель, освѣщенный газомъ, около восьми верстъ длины, проложенъ въ

два рельсовые пути; на протяженіи его семь станцій и поѣзды ходятъ черезъ каждые 20 минутъ.

Подобная-же дорога существовала въ Нью-Іоркѣ. Нью-Іорская желѣзная дорога невелика и неудобна; она съ круглымъ тоннелемъ, двигается сжатымъ воздухомъ, и круглые вагоны двигаются въ кругломъ тоннелѣ. Въ Нью-Іоркѣ теперь предполагается устройство болѣе пространной и удобной подземной желѣзной дороги.

Тоннели не только пролагаются сквозь горы, но устраиваются еще и подъ водой. Гдѣ по какимъ-нибудь причинамъ нельзя устроить мостъ сверху рѣки, а постоянное сообщеніе необходимо—тамъ прорываютъ тоннель подъ рѣчнымъ дномъ. Такъ въ томъ-же Нью-Іоркѣ и въ томъ-же Лондонѣ проложены такіе тоннели—въ Нью-Іоркѣ подъ рѣкою Гарлэмъ, длиною въ 400 саженъ, а въ Лондонѣ два тоннеля около 200 саженъ каждый; первый изъ лондонскихъ, открытый еще въ 1843 году, строился съ перерывами почти сорокъ лѣтъ. По этимъ тоннелямъ проходятъ и проѣзжаютъ съ одного берега рѣки на другой, а во второмъ тоннелѣ подъ Темзою, построенномъ въ теченіи 1869 года, переправа производится (въ три минуты) съ помощью паровыхъ машинъ, поставленныхъ на берегахъ.

Предпріимчивость человѣческая не намѣревается ограничиться 14-ти верстнымъ сенъ-готардскимъ тоннелемъ. Къ концу прошлаго года былъ готовъ окончательный проектъ громаднаго подводнаго тоннеля въ 30 верстъ слишкомъ, между Англіей и Франціей. Онъ пойдетъ между Дувромъ въ Англіи и Кале во Франціи подъ проливомъ Па-де-Кале. Дорога пойдетъ по мѣловому пласту, пролегающему подъ этимъ проливомъ; израсходовавъ приблизительно 60 милліоновъ рублей, его можно будетъ окончательно отдѣлать въ 5 лѣтъ. Онъ соединится съ желѣзными дорогами обѣихъ странъ, и локомотивы будутъ ходить подъ морскими волнами.

Другимъ не менѣе значительнымъ препятствіемъ при проведеніи кратчайшихъ путей сообщенія служатъ *водораздѣлы*, т. е. полосы земли, отдѣляющія одинъ водный бассейнъ отъ другаго. Люди давно уже научились преодолѣвать эти препятствія: они просто прорывали землю и соединяли каналами рѣки, текущія въ разныя моря, и такимъ образомъ избавляли себя отъ тяжелой необходимости тащить по землѣ отъ рѣки до рѣки и суда и товары. У насъ въ Россіи такія водораздѣлы называются *волоками* именно потому, что въ прежнія времена черезъ нихъ волокли лодки. Теперь уже этого болѣе почти не приходится дѣлать, благодаря устройству нѣсколькихъ каналовъ, при помощи которыхъ безъ пересадки можно попасть изъ бассейновъ Чернаго и Каспійскаго морей въ бассейны Бѣлаго и Балтійскаго морей. Подобные-же каналы устроены не только во всѣхъ европейскихъ странахъ, по которымъ протекаютъ большіе водные пути, но даже и въ другихъ частяхъ свѣта, какъ напримѣръ знаменитый императорскій каналъ въ Китаѣ.

Но самое видное мѣсто между каналами занимаетъ суэзскій каналъ. Мысль соединить Красное море съ Средиземнымъ возникла еще въ древнѣйшія времена и была даже осуществлена прорытіемъ канала отъ Краснаго моря къ р. Нилу. Но объ этомъ каналѣ сохранилось весьма мало свѣдѣній и даже не осталось вовсе слѣда. Лѣтъ десять тому назадъ эта мысль была осуществлена вновь, благодаря неустанной дѣятельности и энергіи одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, *Лессепса*.

Длина перешейка всего 150 верстъ, а между тѣмъ, чтобы попасть изъ Европы въ Индійскій океанъ, приходилось прежде обогнуть весь материкъ Африки. Понятно, что мореплаватели не разъ помышляли о томъ, чтобы прорыть перешеекъ и получить такимъ образомъ возможность попасть изъ Европы въ Индію кратчайшимъ путемъ, и вотъ только въ послѣднія времена давнишнее стремленіе ихъ наконецъ осуществилось. Лессепсу стоило немалаго труда сначала выхлопотать у египетскаго правитель-

ства разрѣшеніе на прорытіе канала, а потомъ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ европейскія государства и собрать необходимую для выполненія этого предпріятія сумму — 50,000,000 р. Наконецъ деньги были собраны, планы составлены и 25 апрѣля 1859 года можно было приступить къ работамъ. Начало работъ состояло въ устройствѣ порта на Средиземномъ морѣ при самомъ началѣ будущаго канала. Одновременно съ этимъ начались работы по прорытію канала отъ р. Нила для проведенія прѣсной воды, въ которой чувствовался большой недостатокъ. Такъ какъ Суэзскій перешеекъ до прорытія его представлялъ безводную песчаную пустыню, съ углубленіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (остатками бывшихъ озеръ), то доставка воды на мѣста работы безъ этого канала обошлась бы слишкомъ дорого, потому-что ее приходилось перевозить на 2,000 верблюдахъ ежедневно. Вначалѣ, до 1864 года, работа подвигалась довольно медленно, потому-что здѣсь, какъ и при прорытіи Монъ-Сениса, приходилось рыть почти однѣми руками. Но тутъ, въ 1864 году, все предпріятіе чуть было не лопнуло прежде всего по недостатку рабочихъ, которыхъ отозвалъ египетскій вице-король — а онъ-то главнымъ образомъ и поставлялъ ихъ; да кромѣ того работы подвигались медленнѣе, чѣмъ предполагалось вначалѣ, и Лессепсъ издержалъ почти уже всѣ собранныя деньги.

Приходилось вновь хлопотать, вновь добывать деньги. Но неутомимая дѣятельность и воля Лессепса преодолѣли всѣ препятствія. Онъ нанялъ новыхъ рабочихъ, и работа закипѣла снова, но уже гораздо быстрѣе, благодаря товарищу Лессепса, французу Лавалле, которому въ это время удалось изобрѣсти машины для прорытія земли. Машины эти были придуманы очень остроумно: приводились онѣ въ движенія парами, и пока одна вырывала землю, другая отвозила ее. Къ тому-же онѣ были очень велики, такъ что могли доставать много земли.

Такимъ образомъ, благодаря изобрѣтательности Лавалле, дѣло пошло значительно успѣшнѣе, такъ что къ концу 1869 года,

т. е. 10 лѣтъ спустя послѣ начала работъ, по каналу могли уже проходить суда, хотя онъ еще не былъ совершенно оконченъ.

На открытіе канала явились представители всѣхъ образованныхъ націй и многихъ обществъ и учрежденій; открытіе отпраздновалось цѣлымъ рядомъ торжествъ, героемъ которыхъ былъ Лессепсъ, какъ главный виновникъ выполненія одного изъ величайшихъ предпріятій нашего времени.

Прорытіе канала стоило громадныхъ денегъ—120,000,000 рублей, но за-то и значеніе его громадно. Благодаря ему, путь изъ Европы въ Азію сократился мѣсяца на три, такъ какъ путь этотъ черезъ суэзскій каналъ можно совершить въ 25—30 дней, а кругомъ Африки не менѣе, какъ въ 110 — 120 дней.

Кромѣ того самый перешеекъ, какъ было уже говорено выше, до прорытія его представлялъ безводную песчаную пустыню. Теперь же, благодаря присутствію воды, появилась растительность и значительно измѣнился климатъ; вслѣдствіе же проведенія прѣсной воды и выгоды этого новаго всемірнаго пути, по обѣимъ сторонамъ канала стали селиться люди, такъ что къ открытію канала по берегамъ его насчитывалось до 40,000 жителей, число которыхъ теперь уже по всѣмъ вѣроятіямъ удвоилось.

Неутомимый Лессепсъ не удовольствовался осуществленіемъ этого громаднаго проекта, который одинъ составилъ ему безсмертное имя. Въ настоящее время онъ задумалъ другое не менѣе крупное предпріятіе, объ исполненіи котораго онъ въ настоящее время, несмотря на свои преклонныя лѣта, хлопочетъ съ такимъ-же рвеніемъ, какъ и двадцать слишкомъ лѣтъ хлопоталъ о прорытіи суэзскаго канала: предпріятіе это заключается въ прорытіи Панамскаго перешейка и соединеніи Тихаго океана съ Антлантическимъ.

Если честь исполненія этого гигантскаго предпріятія будетъ принадлежать нашему столѣтію, то слѣдуетъ отдать справедливость и предшествовавшимъ вѣкамъ, что и они считали про-

рытіе Панамскаго перешейка дѣломъ не только въ высшей степени важнымъ, но и вполнѣ осуществимымъ.

Какъ извѣстно, Колумбъ далекъ былъ отъ мысли открыть на своемъ пути новый континентъ; онъ только искалъ прямаго пути черезъ Атлантическій океанъ въ Индію. Американскій материкъ наткнулся ему на пути и какъ-бы преградилъ ему прямой доступъ къ цѣли его путешествія. Только въ 1520 году Магеллапъ, открывъ проливъ, который носитъ теперь его имя, хотя окольнымъ путемъ, оправдалъ надежду Колумба и далъ возможность изъ Атлантическаго океана проникнуть въ Тихій.

Но какихъ только опасностей не представляетъ этотъ путь черезъ Магеллановъ проливъ! Сколько сотенъ кораблей и десятковъ тысячъ жизней погибло у одного только мыса Горна! Какія несмѣтныя богатства погибли уже на этомъ длинномъ пути и съ какими громадными издержками связано для мореплавателя сообщеніе между западнымъ и восточнымъ берегами Америки! Поэтому весьма понятно, что вскорѣ послѣ открытія Америки зарождалась уже не разъ мысль прорыть узкую полосу земли, соединяющую Сѣверную и Южную Америку и раздѣляющую Тихій океанъ отъ Атлантическаго. Уже начиная съ XVI столѣтія, въ Испаніи и Португаліи выработаны были многочисленные проекты, которые впрочемъ никогда и не начинали приводиться въ исполненіе.

Честь первой попытки къ осуществленію Панамскаго перешейка принадлежитъ Боливару, который въ 1829 году впервые приказалъ сдѣлать нивелировку обоихъ морей черезъ Панамскій перешеекъ. Съ тѣхъ поръ почти не проходило года, чтобъ не появились новые планы для прорытія перешейка и чтобъ не снаряжались экспедиціи инженеровъ и геологовъ для изслѣдованій. Одно правительство Соединенныхъ Штатовъ израсходовало болѣе пяти милліоновъ долларовъ на выполненіе тѣхъ предварительныхъ работъ, которые теперь такъ облегчаютъ приведеніе въ исполненіе давно задуманнаго проекта.

Едва-ли нужно долго останавливаться на указаніи громадной пользы прорытія Панамскаго перешейка; скажемъ только, что бо́льшая часть продуктовъ западныхъ береговъ Америки остается неэксплуатируемою въ виду громадныхъ издержекъ, сопровождающихъ долгое плаваніе.

Проведеніе панамской желѣзной дороги, также какъ дороги, идущей изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско, осталось почти безъ всякаго вліянія на торговыя сообщенія между прибрежьями обоихъ океановъ, такъ какъ издержки перегрузки и транспорта слишкомъ велики и не могутъ замѣнить морское сообщеніе черезъ Магеллановъ проливъ. Эти дороги поэтому почти исключительно служатъ для перевозки пассажировъ.

Прорытіе канала, который позволитъ кораблямъ втеченіе одного дня перейти изъ одного моря въ другое и который на цѣлые мѣсяцы сократитъ обычное время плаванія парусныхъ судовъ, произведетъ переворотъ въ торговыхъ и промышленныхъ сношеніяхъ обоихъ полушарій, котораго послѣдствія даже теперь еще трудно и предвидѣть. Европейская и американская промышленность съ одной стороны найдутъ новые рынки для сбыта своихъ товаровъ, что несомнѣнно значительно усилитъ ихъ фабричную и заводскую дѣятельность; съ другой—сырые матеріалы и съѣстные припасы изъ прибрежій Тихаго океана найдутъ легкій доступъ къ европейскимъ рынкамъ, значительно понизятъ цѣны производства и удешевятъ всѣ предметы первой потребности.

Въ пользѣ прорытія Панамскаго перешейка для человѣчества не можетъ слѣдовательно быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Весь вопросъ состоялъ только въ томъ, возможно-ли это прорытіе при такихъ условіяхъ, чтобъ вся ожидаемая отъ него выгода дѣйствительно могла быть изъ него извлечена.

Въ настоящемъ 1879 году, для рѣшенія этого вопроса, съѣхались въ Парижѣ 140 представителей разныхъ государствъ. Первое собраніе этого международнаго конгресса состоялось 15-го мая, подъ предсѣдательствомъ Лессепса.

Конгрессъ на первомъ-же засѣданіи раздѣлился на нѣсколько комиссій, изъ коихъ одна должна была, на основаніи существующихъ данныхъ о торговлѣ между странами, омываемыми Тихимъ океаномъ, рѣшить приблизительно число кораблей, которые воспользуются транзитомъ черезъ панамскій каналъ: этимъ числомъ, разумѣется, обусловливалась будущая доходность канала; другая комиссія должна была подробно разобрать всѣ проекты, предложенные для прорытія канала, и рѣшить, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

Мы не станемъ перечислять всѣ проекты, представленные на разсмотрѣніе конгресса. Неудобство большинства изъ нихъ заключалось въ устройствѣ шлюзовъ, которые чрезвычайно какъ замедляютъ движеніе судовъ, и только проектъ, выработанный двумя французскими моряками, лейтенантами Вайзомъ и Реклю, совершенно избѣгаетъ шлюзовъ, за-то требуетъ прорытія тоннеля.

Лессепсъ съ самаго начала высказался въ пользу проекта Вайза, и комиссія, послѣ весьма оживленныхъ преній, высказалась въ пользу мнѣнія Лессепса, личное вліяніе котораго оказало немалое дѣйствіе на это рѣшеніе. Рѣшеніе это было утверждено, несмотря на то, что каналъ, прорытый по этому проекту, обойдется значительно дороже всѣхъ остальныхъ, а именно не менѣе одного милліарда франковъ. По мнѣнію весьма свѣдущихъ людей одинъ тоннель обойдется не менѣе этой суммы, что неудивительно, если вспомнимъ, что монъ-сенисскій тоннель, стоившій 20,000,000 рублей, имѣетъ въ ширину 7 метровъ, а въ высоту 6 метровъ, тогда какъ этотъ тоннель будетъ имѣть въ ширину 45 метровъ, а въ вышину 25 метр., хотя длина его будетъ почти вдвое короче монъ-сенисскаго.

Этимъ однако не исчерпываются затрудненія, представляемыя устройствомъ канала по системѣ Вайза. По этой системѣ, каналъ воспользуется отчасти русломъ рѣки Шагрь. Но рѣка эта подвергается громаднымъ разливамъ, весьма часто выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ окрестныя мѣстности. Можно

опасаться, что накопленіе воды поднимет уровень канала на восемь метровъ. Послѣ долгихъ преній и устраненія всѣхъ проектовъ, клонившихся къ устройству громадныхъ резервуаровъ, которые во время приливовъ отвлекали бы часть воды, комиссія рѣшила, что придется устроить для рѣки Шагръ и ея притоковъ новое русло.

Другая опасность для новаго канала вытекаетъ изъ сильныхъ приливовъ Тихаго океана. Техническая комиссія признала необходимымъ, для предупрежденія этой опасности, устроить въ портѣ Панамы громадный шлюзъ съ бассейномъ.

Потеря времени при проходѣ черезъ этотъ шлюзъ не имѣетъ значенія, такъ какъ это время будетъ употреблено на уплату пошлины за проходъ черезъ каналъ и на исполненіе другихъ формальностей.

По предварительнымъ вычисленіямъ технической комиссіи, каналъ, по системѣ Вайза и Реклю, обойдется въ 1,044 милліона франковъ, не считая вознагражденія, которое придется уплатить панамской желѣзной дорогѣ.

Чѣмъ покроются издержки на содержаніе канала и на уплату процентовъ на такой громадный капиталъ? По вычисленіямъ, сдѣланнымъ технической комиссіей, можно разсчитывать, что къ концу постройки канала, т. е. къ 1890 г., черезъ каналъ пройдетъ не менѣе семи милліоновъ тоннъ. Взимая за проходъ черезъ каналъ по 15-ти франковъ съ тонны, получатъ ежегодный доходъ въ 105 милліоновъ франковъ—сумма, болѣе чѣмъ достаточная на уплату процентовъ съ капитала и на содержаніе канала.

Немедленно же по окончаніи конгреса, Лессепсъ, которому единогласно поручено было стать во главѣ этого предпріятія, приступилъ уже къ его исполненію. Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, онъ съ необыкновенною энергіей взялся за совершеніе всѣхъ предварительныхъ работъ. Сегодня онъ въ Парижѣ, завтра въ Лондонѣ, послѣ завтра въ Ліонѣ. Вездѣ онъ ведетъ дѣятельную пропаганду въ пользу своего дѣла и подготовляетъ

общественное мнѣніе къ публичной подпискѣ на полмилліарда франковъ, необходимыхъ для начатія работъ. Сколько можно судить по достигнутымъ до сихъ поръ результатамъ, успѣхъ предпріятія не подлежитъ сомнѣнію, и Лессепсъ въ состояніи будетъ сдержать свое обѣщаніе, что 1-го января 1880 года сдѣланъ будетъ первый ударъ лопаты для прорытія канала.

Къ сожалѣнію, кромѣ громадныхъ денежныхъ расходовъ, прорытіе канала потребуетъ еще громаднаго расхода въ людяхъ. Климатъ въ мѣстностяхъ, гдѣ будутъ происходить работы, чуть-ли не самый убійственный на свѣтѣ. Панама и нѣсколько сосѣднихъ городовъ, называемыхъ „могилами европейцевъ", пользуются въ этомъ отношеніи особенно печальною репутаціей. Изъ пяти инженеровъ, отправившихся въ 1875 году эксплуатировать мѣстности для проведенія канала, только двое вернулись—Вайзъ и Реклю; Биксіо, Бруксъ и Муссо погибли отъ лихорадокъ. Болѣзни не составляютъ впрочемъ единственной опасности; хищные звѣри и безчисленное множество ядовитыхъ змѣй и насѣкомыхъ, наконецъ во многихъ мѣстахъ дикое населеніе апаковъ и команчо, извѣстныхъ своею свирѣпостью, потребуютъ тоже немало жертвъ.

Но какъ бы ни были многочисленны жертвы разнаго рода, которыхъ это предпріятіе потребуетъ, онѣ будутъ принесены, и исполинское предпріятіе, о которомъ едва смѣли мечтать наши предки, сдѣлается въ нынѣшнемъ столѣтіи совершившимся фактомъ.

Иногда приходится прорывать каналъ между двумя бассейнами, изъ которыхъ одинъ оказывается выше другого. Тогда въ каналѣ приходится устраивать плюзы, чтобъ сдерживать воду верхняго бассейна и не дать ей вылиться въ нижній. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ каналовъ въ этомъ родѣ находится у насъ въ Россіи, въ Финляндіи, а именно Саймянскій каналъ, соединяющій саймянское озеро съ Выборгской бухтой въ Финляндскомъ заливѣ. Саймянское озеро находится на высотѣ 250 футовъ надъ уровнемъ моря.

Каналъ этотъ построенъ шведскимъ инженеромъ Эрикономъ, строился впродолженіе 11 лѣтъ (отъ 1845 до 1856 г.) и обошелся въ три милліона рублей. Если принять во вниманіе, что каналъ пришлось высѣкать въ гранитныхъ скалахъ, нерѣдко глубиною въ 10 саженъ, то этотъ срокъ не покажется длиннымъ—цѣна же баснословно дешева. Гранитныя скалы разрывались порохомъ. Это дѣлается такимъ образомъ: спачала проводится горизонтальная глубокая борозда по той части скалы, которую нужно оторвать; затѣмъ по ней пробуравливаются вертикальныя скважины на близкомъ одна отъ другой разстояніи; затѣмъ всѣ эти скважины наполняются порохомъ, а верхнія отверстія забиваются щебнемъ, и производится взрывъ. Громадный осколокъ скалы отвалился, но его пельзя оставить на днѣ канала. Его разбиваютъ на мелкіе куски и въ этомъ видѣ поднимаютъ на берегъ. Этими гранитными обломками обложены берега канала, подобно гранитной набережной Невы. Бичевникъ по каналу устроенъ изъ того-же гранита.

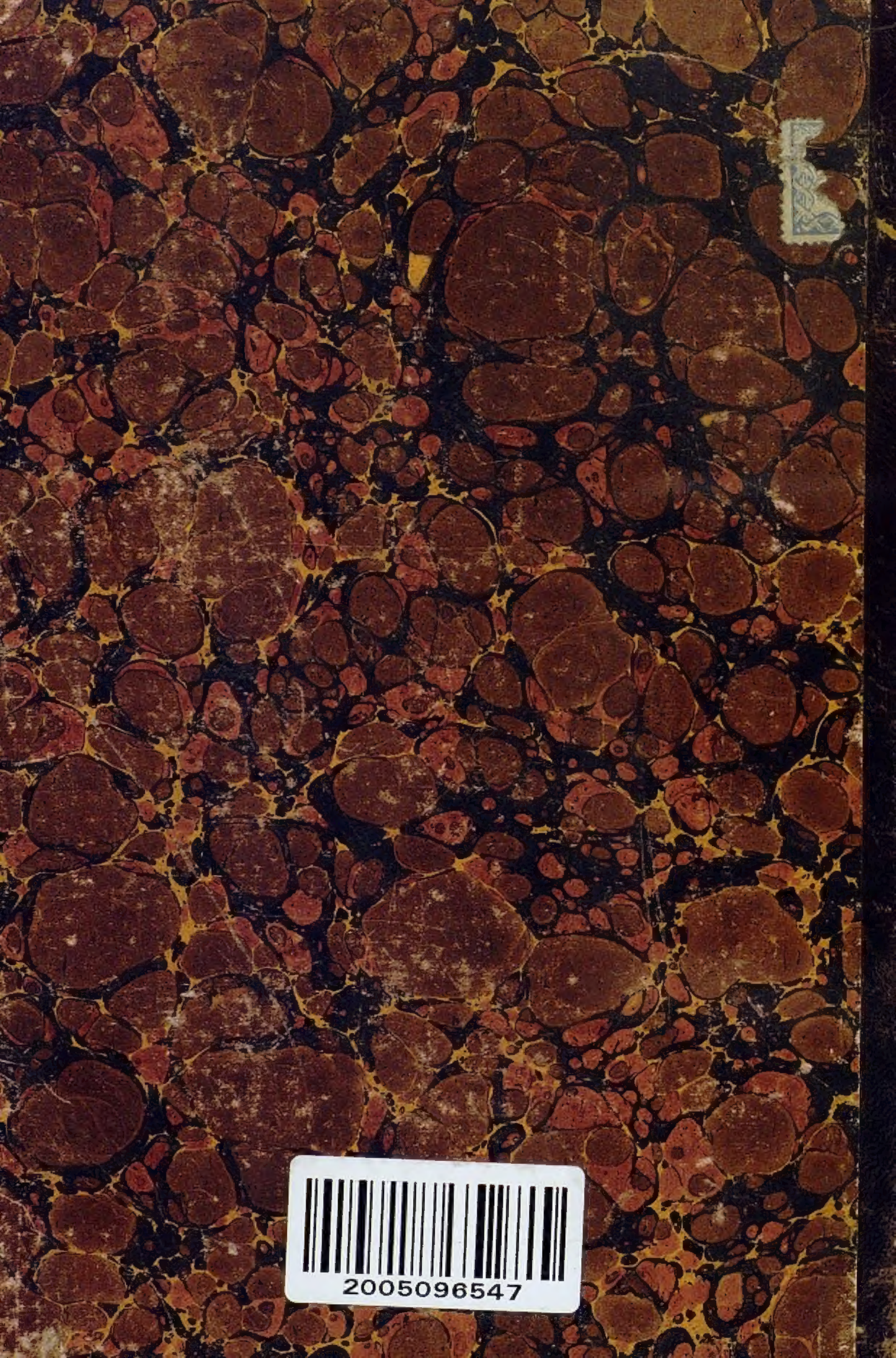
Первое колѣно канала имѣетъ въ длину 50 саж. и настолько узко, что два судна не могутъ разойтись въ немъ. Это колѣно соединяетъ Выборгскую бухту съ небольшимъ, но довольно широкимъ озеромъ, посреди котораго стоитъ громадный обнаженный валунъ съ гранитной тумбой для причаливанія судовъ. Это мѣсто для расхода судовъ. Пока одно проходитъ—другое останавливается за тумбой. Подобныя тумбы находятся во многихъ мѣстахъ канала, особенно тамъ, гдѣ онъ переходитъ въ озеро.

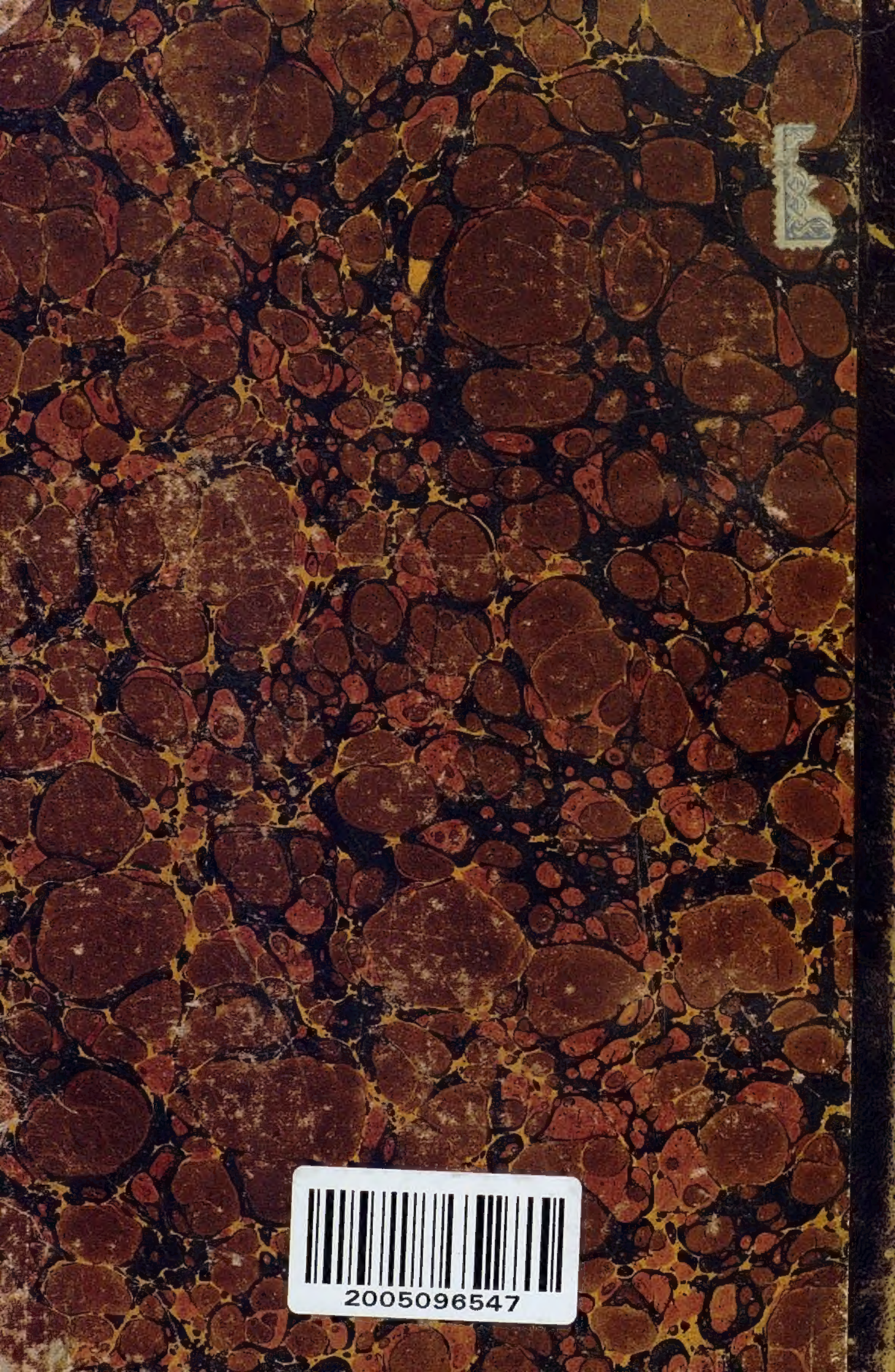
Тотчасъ за первымъ озеромъ находится первый шлюзъ. Здѣсь только трое воротъ, и подъемъ судна происходитъ футовъ на 15, въ два уступа. Каналъ высѣченъ въ высокомъ скалистомъ берегу озера. Когда пароходъ входитъ въ первыя отворенныя ворота, то по обѣ стороны его возвышаются скалистые берега канала выше сажени, а впереди вторыя ворота, за которыми находится стѣна воды. Первыя ворота затворяются тотчасъ по приходѣ судна и передъ ними находятся вторыя во-

рота, которыя тотчасъ открываются, т. е. въ нихъ открываются два шлюза—родъ форточекъ величиною въ квадратный аршинъ. Открываются они снизу вверхъ помощью зубчатыхъ колесъ и длиннаго стержня; ихъ приводитъ въ движеніе одинъ человѣкъ. Вода съ страшнымъ ревомъ врывается въ проходъ между первыми и вторыми воротами, отчего пароходъ плавно поднимается. По мѣрѣ подъема парохода, матросы постепенно укорачиваютъ снасти, которыми онъ былъ причаленъ, иначе онъ раскачался бы до того, что могъ бы зачерпнуть бортами воды. Уровень воды въ проходѣ все возвышается, пока наконецъ въ обоихъ проходахъ вода не встанетъ на одинаковой уровень. Тогда отворяются вторыя ворота и пароходъ идетъ къ третьимъ воротамъ, т. е. во второй проходъ. Вторыя ворота затворяются, а въ третьихъ поднимаются шлюзы, и такимъ-же образомъ вода переходитъ въ проходъ и сравнивается съ уровнемъ верхняго уступа канала. Затѣмъ затворяются третьи ворота, и пароходъ входитъ въ верхнюю террасу канала. Нужно замѣтить, что ворота въ шлюзахъ отворяются вверхъ противъ теченія воды въ каналѣ; слѣдовательно, они затворяются еще плотнѣе естественнымъ напоромъ воды и могутъ быть отворены только тогда, когда уровень воды въ сосѣднихъ отдѣленіяхъ канала одинаковъ. Тотчасъ за шлюзами каналъ дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ и вступаетъ въ проходъ между скалъ, покрытыхъ хвойными лѣсами, а потомъ входитъ опять въ озеро и т. д. Изъ этого уже можно заключить, что это не непрерывный каналъ, а цѣпь озеръ, соединенныхъ каналами. Длина всей системы отъ Саймы до Выборга $54^1/_2$ версты, собственно же канала — 32 версты; остальное пространство ($22^1/_2$ версты) составляютъ озера, вошедшія въ систему. Главное направленіе канала съ С. на Ю., по долинѣ рѣки Сосъ-Кюонъ-Іокки, которую онъ пересѣкаетъ нѣсколько разъ. Каналъ часто уклоняется отъ долины въ сосѣднія озера. Озера эти расположены террасами, одно надъ другимъ,—поэтому и понадобились шлюзы для поднятія и опусканія воды. Они обыкновенно устраиваются при входѣ канала въ озера и

при выходѣ изъ него. Но для того чтобы вода въ каналѣ не убывала, отъ него идутъ боковыя вѣтви въ сосѣднія озера и рѣчки, служащія для него питомниками. Всѣхъ шлюзовъ въ каналѣ 28. Они поднимаютъ воду на протяженіи всего канала на 250 футовъ. Самые большіе шлюзы находятся близь Выборга; здѣсь судно поднимается на 30 ф. вверхъ, съ помощью 4 шлюзъ. Подъемъ судовъ по этимъ шлюзамъ продолжается 20 минутъ.

Цѣна 1 рубль.


2005096547


2005096547